

Н.Ф.Рукавишникова

КОЛЕСНИЦА ДЖАГАННАТХА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. Ф. Рукавишникова

КОЛЕСНИЦА ДЖАГАННАТХА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель),
Л. Б. АЛАЕВ, А. Б. ДАВИДСОН,
Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ,
Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор

Л. Б. АЛАЕВ

Рукавишников Н. Ф.
Р84 Колесница Джаяннатха. М.: Главная редакция
восточной литературы издательства «Наука», 1983.

207 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Книга представляет собой цикл небольших взаимосвязанных очерков о жизни современной Ориссы, одного из штатов Индии. Она рассказывает об истории и истории культуры этого района, характеризует формы быта и нравы населения штата, традиционные установления и их эволюцию в современных условиях. Основное внимание в книге уделено проблемам, связанным с изучением популярного в стране культа Джаяннатха и его роли в истории Ориссы.

Р 1905020000-074
013(02)-83 148-83

ББК63.3(4/8)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1983.

Индию и весь Восток надо
знать во всех их ликах.

*Николай Рерих*¹

Об Индии написано много, и писали о ней многие. Едва ли не каждый автор начинал свой рассказ с предупреждения, похожего на оправдание: и у меня, мол, есть повод и возможность написать нечто свое об этой стране. Не решаюсь отступить от этой традиции и я.

Мне пришлось стажироваться в трех индийских университетах: в дельйском (1963—1964), в Уткальском университете в Бхубанешваре (1968—1969) и в приравненном к университету колледже имени Рэйвеншоу в Катаке (1978—1979). Советские студенты-индологи, проходящие профессиональную стажировку в высших учебных заведениях Индии, живут в общежитиях или в индийских семьях, путешествуют по стране — словом, становятся на время как бы членами индийского общества. Легкость общения с представителями практически всех слоев населения и отсутствие языкового барьера делают жизнь стажеров в Индии насыщенной и богатой впечатлениями. Перед ними открыт необычный и сложный мир, в который индийцы охотно пускают любого доброжелательного иностранца, в особенности если он интересуется их страной не просто как любознательный гость, но и по долгу своей профессии.

Будучи по образованию и роду занятий индологом, я не раз имела возможность убедиться в этом во время дальних и долгих путешествий по Индии. Надеюсь, из того, что мне довелось увидеть и узнать, кое-что может заинтересовать читателя.

Мой рассказ пойдет о расположенном на восточном побережье страны штате Орисса, о той части Индии, которая знакома мне больше, чем какая-либо другая. Этот район интересен тем, что в нем современная цивилизация, несколько изменив образ жизни небольшой

части населения, почти не затронула духовный мир большинства. Орисса в какой-то степени, с оговорками, может служить подтверждением слов известного индийского мыслителя и популяризатора индуизма на Западе Свами Вивекананды (1862—1902): «Если бы Ману (легендарный мудрец, считающийся автором древнейшего свода законов. — *И. Р.*) сейчас вернулся в Индию, он не удивился бы, не почувствовал бы себя чужестранцем»². Некоторые атрибуты современной техники и взгляды передовой интеллигенции — вот, пожалуй, и все, что могло бы повергнуть Ману в изумление.

Каждый раз, когда мне приходилось бывать в Пури или в старой части Бхубанешвара, или в Джаджпуре, я постоянно ощущала, что какая-то чудесная машина времени перенесла меня в средневековье. В этих городах находятся построенные в VI—XIII веках большие храмы, куда ежедневно устремляются паломники с разных концов Индии. Особенно славится по всей стране город Пури. Всякий уважающий себя индус обязан хотя бы раз в жизни побывать там. Не каждому это удается, поэтому в некоторых районах Индии к людям, вернувшимся из Пури, относятся с особым почтением. Кроме платы за проезд по железной дороге или на автобусе пилигриму приходится тратиться на жрецов и гидов храмов Пури и Бхубанешвара. Сведения о том, что они сущие вымогатели, можно найти как в художественной литературе, так и в специальных исследованиях по истории культуры Ориссы. Да и я сама не раз убеждалась в этом.

Пури похож на другие центры религиозного паломничества страны: там есть храмы, монастыри и священные водоемы. Знаменит же он храмом Джаганнатха, стоящим на небольшом холме в центре города.

Читатель, возможно, встречал упоминание о культе Джаганнатха в статьях К. Маркса об Индии, в произведениях зарубежных писателей, в работах русских и советских востоковедов, в воспоминаниях путешественников. В европейской литературе прошлого века Джаганнатха называли Джагернаутом. Имя состоит из двух санскритских слов: «джагат» («мир», «Вселенная») и «натх» («владыка») — и означает «владыка Вселенной».

Мне довелось впервые увидеть храм Джаганнатха,

когда я с группой советских туристов попала в Пури. Гид-индиец сообщил нам, что святилище и несколько других помещений храма построены в конце XII века, что там находятся деревянные идолы Джаганнатх, Балабхадра и Субхадра, что у этих идолов нет ни рук, ни ног, а только туловища и головы и что Джаганнатх — это не кто иной, как бог Кришна, а Балабхадра и Субхадра — его брат и сестра. Сказал он нам тогда и о том, что входить в храм могут только «хинду», то есть те, кто исповедует индуизм. Иностранцев туда не пускают.

Рассказ гида сразу вызвал несколько вопросов. Почему бог Кришна, которого по всей стране изображают в виде красивого юноши с флейтой в руках и с павлиньим пером в волосах, в Пури представлен человекоподобным, но чрезвычайно упрощенным по форме деревянным идолом? Почему он стоит со своим братом и сестрой, а не с возлюбленной Радхой, как в других храмах, посвященных богу Кришне? Почему иностранцев и иностранцев не пускают в храм? Ведь в других индуистских храмах Индии таких запретов нет. Индийские мусульмане, христиане, иудеи и иностранцы всех вероисповеданий свободно проникают на территорию храма в любом штате, кроме Ориссы. Только в некоторых больших храмах Южной Индии их могут остановить при входе в святилище, но обойти все другие помещения никто не мешает.

Гид не смог ответить ни на один из вопросов, и пришлось обратиться к литературе, написанной о храме Джаганнатха. Оказалось, что проблема происхождения и становления культа Джаганнатха в Ориссе давно волнует многих индийских и иностранных историков. Представители разных направлений индуизма называют Джаганнатха своим богом. Вишнуиты, как и наш гид, считают его Кришной, аватарой (воплощением) бога Вишну, шиваиты — Бхайравой, одним из аспектов бога Шивы, джайнисты — Джинанатхом, то есть одним из тиртханкаров (предтеч) основателя джайнизма. Полагали также, что храм первоначально был шактистским, так как богини играют важную роль в его ритуалах и праздниках. Серьезные исследователи писали о буддийском происхождении идолов.

Каждый год в начале сезона дождей Джаганнатха, Балабхадру и Субхадру выносят из храма и везут на

трех огромных колесницах по главной улице города. Этот праздник носит название «ратха джатра» (праздник колесниц). Что он символизирует и каковы его истоки — тоже загадка для историков.

Чем больше я узнавала о храме, его божествах, ритуалах и праздниках, о легендах и суевериях, связанных с ним, тем больше возникало вопросов. Материалы, собранные в ходе поиска ответов на эти вопросы, а также путевые заметки легли в основу книги.

Что меня больше всего поражает в религии, так это... отсутствие чистоты. Смесь, мешанина из истории, легенд, логики, полиции, поэзии и юстиции...

Не просто смесь, но комбинация — и в этом ее сила, это делает ее более «естественной», более похожей на что-то растительное. Благодаря этому она всегда предлагает самым разным существам что-то, что им подходит.

*Поль Валери*³

Город Пури расположен на побережье Бенгальского залива примерно в 500 километрах к югу от Калькутты. Это областной центр с населением 80 тысяч человек. Здесь есть три колледжа, больница, тюрьма. Город вытянулся вдоль берега моря с севера на юг на 16 километров. В плане он, как утверждают религиозные источники, — раковина, внутренняя сторона которой лежит в воде. Эксплуатация многочисленных религиозных святынь остается основным промыслом его жителей: они обслуживают паломников, изготавливают глиняные горшки, в которых варят и продают освященную храмовую пищу, и сувениры для приезжих.

Условно город можно разделить на две части: прибрежную — с казенными учреждениями, учебными заведениями, гостиницами и особняками богачей — и «священную» — с храмами, монастырями, дхармшалами (постоялыми дворами для паломников), с водоемами и узкими улочками. Во вторую часть города и направляются паломники. У Пури десять названий, восхваляющих его святость и религиозную значимость. Путеводитель по городу сообщает приезжему: «Произнесение этих десяти имен очищает тело, прикосновение к песку и воде этого места освящает очищенное тело, посещение святилищ вокруг главного храма освобождает мысли от дурных влияний, а исполненное веры общение с главными божествами храма, стоящими за колонной Гаруды, приносит душе бессмертие».

Автобусы, доставляющие пассажиров в Пури, останавливаются на главной улице города Бара Данда, почти на полпути между храмами Джаганнатха и Гундичи. Здесь на приезжих набрасывается армия гидов и велорикш. Гиды мною не интересуются: им все равно никто

не разреши ввести меня в храм, а велорикши — от них пришлось долго отбиваться.

Наконец я свободна и решаю не спеша пойти к храму Джаганнатха по главной улице, рассмотреть по дороге дома и прохожих.

Центральная часть главной, очень широкой улицы покрыта асфальтом, но его почти не видно из-за наносов песка и куч отбросов. Путеводитель по городу советует относиться к грязи под ногами с должным почтением: «Прогулка к храму Джаганнатха по улице Бара Данда имеет большое религиозное значение. Каждая крупинка пыли на этой великой улице излучает энергию, и поэтому хождение по ней околдовывает верующего и влечет к главным воротам храма, освобождая на время от всех мирских забот и привязанностей».

По обеим сторонам улицы стоят двух- и трехэтажные дома, на которых кое-где мелькают вывески дхармшал и различных религиозных учреждений. Чем ближе к храму, тем больше становится нищих, больше лавочек, торгующих бусами, картинками с изображением Джаганнатха, раковинами всевозможных форм и прочими сувенирами для паломников.

Я рассматривала нитку бус из пластмассы, которую торговец назвал «настоящим кораллом» и за которую заломил цену вдесятеро против настоящей, как вдруг под самым своим носом увидела обезображенные пальцы прокаженного, сжимавшие металлическую миску для сбора подаяний. Я отскочила, а парень — больному было лет двадцать пять — за мной, вновь тычет миску мне прямо в лицо. В его глазах безумная радость. Я испугалась и побежала, он — следом. Так мы бежали по главной многолюдной улице минуты три, пока пожилой прохожий не понял, в чем дело, и не прикрикнул на потерявшего рассудок больного. Тот отстал и исчез в толпе. Меня многие убеждали, что от простого прикосновения к больному невозможно заразиться проказой, но ужас перед страшной, не встречающейся у нас болезнью заставлял меня шарахаться в сторону всякий раз, когда ко мне приближался прокаженный.

Я поблагодарила своего спасителя и огляделась. Оказалось, что я уже добежала почти до дворца раджи Пури, расположенного метрах в двухстах-трехстах от храма. Такое же двухэтажное побеленное здание, как и

Саньяси-шиваит

все дома на этой улице, но его отличают две скульптуры больших, ярко раскрашенных каменных львов. У самых ворот сидел привратник, тут же лежала большая белая лайка, по спокойному, довольному виду которой можно было понять, что она — любимица раджи или кого-то из членов его семьи.

Дальше меня ждала очень занятная встреча: недалеко от входа в храм Джаганнатха стоял садху или саньяси (аскет). На его спине висела шкура пятнистой антилопы, на груди — нитка бус, у пояса — большая раковина, металлический полумесяц приколот к волосам над лбом. Длинные вьющиеся волосы, слегка посеребренные на висках, и косматая борода обрамляли красивое лицо мужчины лет тридцати.

Это был саньяси-шиваит.

— Можно вас сфотографировать? — спросила я его на ория.

Он стыдливо понурился. Я повторила свой вопрос на хинди. Нос отшельника опустился еще ниже.

— Кхадьо нахин (Пищи нет), — еле слышно прошептал он, глядя куда-то вбок.

— Что вы с ним церемонитесь! — крикнул кто-то из толпы любопытных, собравшихся вокруг нас. — Дайте ему денег, и он вам что угодно изобразит!

И действительно, как только рупия из моего кошелька перешла в его руку, аскет вытянулся по стойке смирно и замер перед объективом фотоаппарата.

Я принялась разглядывать толпу в надежде найти еще какого-нибудь красочного саньяси для снимка и вместо аскета увидела в толпе знакомого индийца, который вырос в Пури, но последние десять лет постоянно живет в Дели. Он сообщил мне, что приехал на несколько дней к сестре погостить.

— В храме был уже? — спросила я, указывая на ворота в храм Джаганнатха.

— Вчера... Больше туда я никогда не пойду! — зло ответил мой знакомый.

— Что так?

— Понимаешь, я не могу есть огненную пищу, которую готовят женщины в моей семье. Вчера я пошел в храм, чтобы купить еды. Она без приностей... Зашел я в храмовый магазин, выбрал все, что понравилось, и уже собирался уходить, как меня остановил панда (так в Пури называют всех служителей храмов — и жрецов и гидов. — *Н. Р.*). «Я, — говорит, — вам все отнесу до рикши». — «А сколько тебе за услуги?» — спрашиваю. «Сколько дадите». Я ему предложил пятьдесят пайс, а он как швырнет эти деньги на землю, как закричит, что я, мол, скупец и прочее в этом роде. Я ему тогда решил

Аруна стамбха у восточных ворот храма Джаганнатха

ничего не давать, ведь он сам вызвался помочь. Так ты знаешь, что он сделал? Он подговорил всех велорикш на площади, чтобы те не брали меня. Пришлось самому нести тяжелые горшки с едой в такую даль! Ты думаешь, что на этом мои приключения кончились? Как бы не так! Наутро у меня начались неприятности с желудком. Сестра пристала ко мне: пойди, мол, в храм, найди того нахала и попроси у него прощения. Она хотела, чтобы я ему дал денег! Говорит, что панда насрал на меня порчу! Но эти проходимцы денег от меня никогда не дождутся!

Решив сменить тему разговора во избежание нового скандала — между моим собеседником и пандами, стоявшими недалеко от нас, я указала ему на только что сфотографированного красавца отшельника.

— Ничего особенного в нем нет, — скептически заметил мой знакомый. — В детстве я видел аскета-шивайта куда интереснее. Спина и грудь у него были сплошь обсыпаны пеплом. А длинные волосы свиты в жгут и собраны в пучок на макушке, вокруг пучка,

Львиные ворота

словно ленточка, завязана кобра. Еще одна кобра завязана на шее и две — на предплечьях. Это было во время какого-то большого праздника здесь, в Пури. Он шел по улице, а змеи, подняв головы, покачивались в такт его шагов. Помню, брел за ним, выпучив глаза. Было мне тогда лет двенадцать. Голая спина отшельника и четыре головки кобр! Иду я за ним, а он вдруг — хлоп — и падает замертво в двух шагах от меня... Змеи укусили его и уползли. Один панда в храме объяснил тогда людям, что кто-то в толпе позавидовал этому аскету. Завистник знал сильнодействующие мантры, которые заставили кобр убить своего хозяина. Это было давно. Сейчас искусство дрессировки змей исчезает.

Нужно заметить, что оба аскета — и тот, который только что позировал мне, и того, которого видел мой дедовский знакомый, — изображали бога Шиву в разные периоды его «жизни».

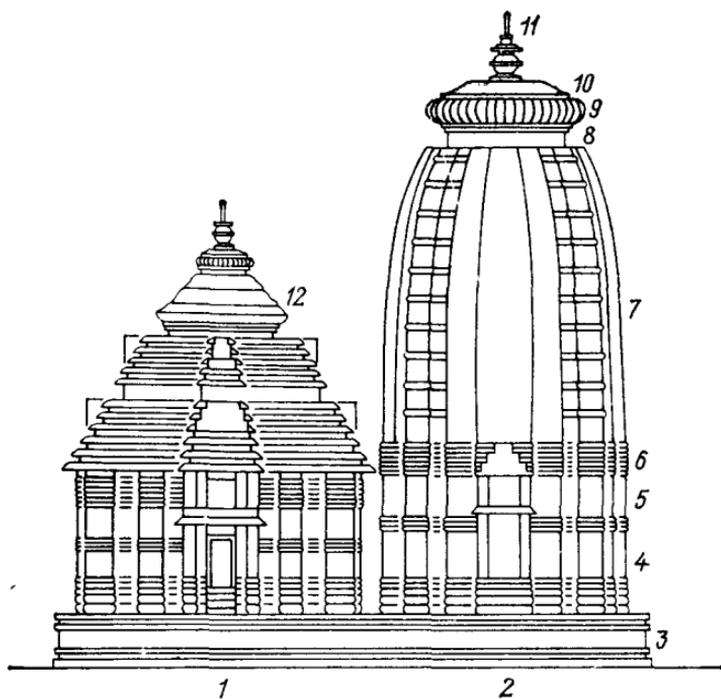
Мы распрощались, и я подошла ближе к воротам

храма. В нескольких метрах от входа, напротив него, стоит десятиметровая колонна, высеченная из монолита. Аруна стамбха (Колонна утренней зари) была привезена в Пури из разрушающегося Храма солнца в Конараке двести лет назад. Заглядываю в путеводитель, ищу название главы «Аруна стамбха». Не забыли ли написать и о ее чудесах? Нет, все в порядке! Заканчивается глава словами: «...энергия бога солнца сконцентрирована в этой колонне, и верующие, дотрагиваясь до колонны, получают достаточно энергии и душевных сил, чтобы идти к Владыке Джаганнатху».

Что ж, дотронемся и пойдем дальше. В нескольких метрах от колонны восточные, главные ворота, названные Львиными из-за ярко раскрашенных каменных львов, стоящих у входа в храм. Изображения сильно стилизованы, напоминают огромные пестрые игрушки из глины и совсем не похожи на львов.

Львиные ворота представляют собой надвратный храм, на внутренней стене которого справа нарисован огромный черный лик Джаганнатха с глазами в виде белых кругов. Здесь он называется Патитапаваном (спаситель отверженных, униженных). Его нарисовали при входе в храм специально для раджи Пури Рамачандры Девы II (1727—1737), которого мусульманские правители края заставили жениться на мусульманке и которому с тех пор был закрыт вход в храм. Царь мог впредь молиться Джаганнатху только на улице. Сейчас около этих ворот можно видеть «неприкасаемых», погрузившихся в безмолвную молитву настенному изображению Джаганнатха. Им вход в храм не разрешен. Эти отверженные возмущаются несправедливостью, но сделать ничего не могут. Традиция сильнее разума. Как бы в подтверждение этого около меня при входе в храм остановился старик, снял туфли, поставил их рядом с собой и стал молиться Патитапавану. Асфальт раскален, ноги жжет, но традиция обязывает обращаться к божествам без обуви, даже если ты находишься не в храме или дома, а на улице.

Иностранцам туристам показывают храм Джаганнатха с крыши библиотеки напротив Львиных ворот. Оттуда открывается живописная панорама храмового комплекса. Два ряда мощных каменных стен окружают здания с каменными же, украшенными скульптурами и

Фасад и план типичного храма Ориссы:

1 — пидха деул; 2 — рекха деул; 3 — пабхага; 4 — тала джангха;
 5 — упар джангха; 6 — баранда; 7 — ганди; 8 — беки; 9 — амла;
 10 — кхапури; 11 — калаша; 12 — гханта; 13 — джагамохана;
 14 — деул

затейливыми выступами крышами. Всякий, кто хоть немного знаком с индийской культурой и искусством, взглянув на чакру (колесо) на башне храмового ансамбля (а это настоящий ансамбль, потому что все постройки подчинены единому замыслу — выделить, подчеркнуть величие святилища), скажет, что перед ним вишнуитский храм, что его можно отнести к типу нагарашикара («Нагара» — в переводе означает «город», «шикара» — «вершина»). Более любознательный путешественник удивится тому факту, что индусы, которые на всей территории огромной страны поклоняются одним и тем же богам (часто имеющим разные имена), рассказывают одинаковые легенды, почитают одни и те же священные тексты вед, выполняют одинаковые религиозные обряды и ритуалы и пользуются для этого услугами жрецов из одной и той же касты брахманов, создали тем не менее разные, существенно отличающиеся один от другого местные типы культовых сооружений. Эта особенность развития храмового зодчества в Индии до сих пор не получила убедительного истолкования.

Архитектура Ориссы, несмотря на обилие сохранившихся до сих пор древних образцов, к сожалению, изучена пока недостаточно. Она бесспорно заслуживает гораздо большего внимания специалистов, как индийских, так и зарубежных. Все исследователи пришли к единому мнению, что североиндийское культовое зодчество средних веков в Ориссе достигло совершенства.

Существует два основных типа храмовых сооружений — рекха деул и пидха деул.

Термин «рекха деул» означает «святилище с линиями». Древние зодчие, классифицируя свои постройки, в данном случае линиями называли, очевидно, характерные для этого типа храма продольные ребра на башне здания. Ее изящный профиль напоминает усеченный эллипс, а поверхность как бы изрезана широкими вертикальными и тонкими горизонтальными полосами. Они возникают благодаря особой кладке, применяемой для храмов такого типа. Рельеф стены создается чередующимися выступами и заглаблениями, которые постепенно, слой за слоем, сокращаются к вершине. Выступающие каменные блоки, располагаясь один над другим, образуют вертикальные, различного сечения (прямоугольные, треугольные, закругленные, с уступами и

т. п.) ребра до 4—5 метров шириной. Прихотливая игра красивых линий и объемов такой башни необычайно выразительна и гармонична.

Один из эффектов этой пластической гармонии, заставляющий видеть в создании рук человеческих некое совершенное творение самой природы, заключается в том, что все эти выступы и углубления выглядят не как произвольно наложенная на конструкцию и необязательная декоративная оснастка, а как функционально обусловленные составные элементы самой конструкции. Выступающие из тела башни ребра не только обогащают ее пластику, но и принимают на себя давление бокового распора ее свода, подобно контрфорсам в готических зданиях. Вместе с тем эти вертикальные членения придают массивному каменному объему иллюзию легкости, иногда чуть ли не ажурности (хотя в святилище не бывает окон или каких-либо других сквозных проемов), несколько не умаляя ее монументальности. Размещенные на ребрах скульптуры и декоративные рельефы подчеркивают эту иллюзию и делают сооружение нарядным, праздничным.

«Пидха деул» можно перевести как «святилище с плитами», то есть с завершением, сложенным из горизонтальных плит. В своей наиболее развитой форме крыша храмов этого типа представляет собой пирамиду, состоящую из сплошных каменных плит, уменьшающихся в размере по мере приближения к вершине. Нижние плиты выступают над стенами как карнизы. Иногда несколько рядов плит объединены в ярусы, отделенные один от другого довольно широкими интервалами, что создает ступенчатый профиль, напоминающий контуры пирамиды египетского фараона Джосера.

Издавна принято почти все элементы храмов называть по частям человеческого тела: пабхага (ступня или подножие), тала джангха (голень), упара джангха (бедро), ганди (тулово) и мастака (голова). Среди исключений — баранда (веранда) — несколько плит, положенных между упара джангха и ганди. Весь корпус храма от подножия до тулова называют бада (ограда). Внутренний периметр нижней части храма в плане почти всегда квадратный, внешний образуется сложной, многоугольной линией. Формы тулова двух указанных типов культовых сооружений разные: эллиптиче-

ский сегмент, иногда близкий к эллиптическому параболоиду (рекха деул), и пирамида (пидха деул).

Мастака состоит из четырех частей. На тулово кладется невысокий круглый камень — беки (шея), затем амла — плоский круглый камень с бороздками, напоминающий широкую ребристую тыкву. По традиции термин «амла» переводится как «плод водяной линии», на который, однако, этот камень не очень похож. «Амла», по мнению известного исследователя архитектуры Индии Дж. Фергюсона, следует переводить как «чистый», то есть это сокращение от «амлашила» («чистый камень»). На амлу помещают кхапури (череп) — плоский камень с выпуклостью наверху, и, наконец, водружается калаша (ваза, кувшин) — остроконечная башенка изящной формы.

В мастаке некоторых храмов типа пидха деул можно заметить одну особенность: на беки кладут камень в форме колокола, который так и называется гханта (колокол), затем снова беки и уж потом — амлу, кхапури и калашу.

Чаще всего сооружения типа рекха деул и пидха деул стоят рядом или связаны коротким переходом. В первом, более низком помещении (типа пидха деул) — джагамохане собираются молящиеся, а во втором, более высоком, с башней (рекха деул) находятся изображения богов. Святилище в Индии называют вимана, деул, шри мандир. В крупных религиозных центрах Ориссы к этим двум частям храма обычно пристроены по одной линии с востока на запад еще два помещения типа пидха деул: нат-мандир (зал для танцев) и бхог-мандир (зал для приношений). Эти позднейшие постройки отличаются по конструкции от джагамоханы тем, что имеют внутренние опоры. Как выглядят эти четыре помещения в храме Джаганнатха, будет рассказано чуть позже. Попробуем обойти храм вместе с паломниками.

Те, кому вход в храм позволен, сдают на хранение обувь и вступают на его территорию. Слева их зазывают в храм Висванатх. Там они поклоняются лингаму Шивы и оставляют деньги.

Между Львиными воротами и воротами второй внутренней стены храмового ансамбля находятся 22 ступени, которые видны с крыши библиотеки. Они, как сообщает путеводитель, символизируют 22 человеческих порока,

которые «препятствуют спасению». Преодолевая ступеньку за ступенькой, паломник последовательно избавляется от этих пороков. Ступени, как полагают верующие и в чем их усиленно убеждают мастера пропаганды — панды, обладают «божественной силой». За многие века по ним входили в храм и выходили из храма миллионы паломников, по ним во время праздника колесниц выносят из храма идолов Джаганнатха, Балабахадру и Субхадру. Поэтому здесь можно увидеть, как матери осторожно скатывают своих детей в возрасте от пяти до десяти лет вниз по ступенькам.

Обычай этот, правда, постепенно исчезает, чему причиной, считают многие, распространение грамотности среди населения. Но другой ритуал на ступенях лестницы — явление обычное, и от него вряд ли скоро откажутся. Называется он шраддха, и выполняют его с целью ублажить душу покойного предка. Обычно шраддху соблюдают дома в годовщину смерти родственника, но во время праздника махалайя амабасья (разновидность шраддхи в день полнолуния) этот ритуал можно совершать на ступенях лестницы в храме Джаганнатха. Нанятый жрец очищает на какой-нибудь ступеньке, высота которой 15 сантиметров, небольшое место, моет его, подметает особой травой, делает как бы рамку из рисовой муки и кладет внутрь отгороженного чистого пространства угощение для души умершего родственника. Все действия жрец сопровождает чтением мантр (заклинаний). И вот наконец он сообщает своему клиенту, что душа его умершего отца прилетела, насытилась и что он ее отправил обратно. Затем клиент должен накормить то число людей, какое придет ему в голову во время шраддхи. Это считается как бы желанием умершего. Человек идет в храмовые магазины, покупает угощение и раздает его жрецам и паломникам.

Обычай поминания предков долго сохранялся и у славянских народов. Например, праздник поминания дядюв, то есть дедов, у белорусских крестьян ушел в прошлое относительно недавно. А наши поминки! После похорон у нас устраивается тризна, нередко с возлияниями. На стол ставят тарелку и рюмку для покойного. Многим приходит в голову мысль, что без такой трапезы можно было бы обойтись, но мало кто решается отступить от обычая, так как найдутся люди, которым

Южные ворота храма Джаганнатха

это не понравится. Но вернемся в Индию, где нелепые обычаи тоже соблюдаются лишь из страха, что соседи могут не так понять и осудить.

Паломник входит во внутренний двор ансамбля и должен повернуть налево — все движется только по ходу часовой стрелки. На пути храмы Агнешвар, Сатья

Нараяна и храм Ганеши. В последний стоит заглянуть. Если перед Ганешей, пузатым божком с головой слона, произнести 108 раз посвященную ему биджу мантру, то любое желание будет исполнено — так утверждает путешеводитель.

Внутри стен комплекса около 30 храмов. Прежде чем попасть в главный храм к Джаганнатху, нужно пройти через храмы Ганеши, богини Вималы и богини Лакшми — в том случае, если паломнику не терпится попасть в святилище или он спешит.

Посетитель выходит из храма Ганеши, в котором гид предложил ему погладить мышку — ездовое животное бога со слоновьей головой. Высота статуи Ганеши меньше метра, а длина его «транспорта» — мышки — около 20 сантиметров. «Сколько столетий люди гладят эту мышку, — говорит гид, — а ее мех еще не стерся. Вы почувствовали под рукой ее каменную шкурку?»

Рядом с храмом Ганеши растет баньян, который, как скажет, не моргнув глазом, гид, «стоит со времени постройки главного храма», то есть с XII века. Паломнику положено задержаться под этим деревом несколько минут, доверить баньяну свою просьбу, и дерево ее выполнит. Особенно оно помогает бесплодным женщинам.

Дальше путь лежит к храму Вималы мимо площадки с навесом, где собираются богословы и санскритологи, чтобы решать вопросы, связанные с толкованием религиозной литературы и с ритуалами в храме.

Посещение храма богини Вималы предписано всем паломникам, да и они сами осознают его важность. Ведь только после освящения этой богиней прасад (храмовая пища) становится махапрасадом (великим прасадом) — сверхсвященной пищей. Это шактистский храм. В праздник дургапуджи в полночь, когда служба в святилище около главных богов закончена, богине Дурге приносят в жертву двух коз и рыбу, которую ловят в водоеме Нарендра, что в нескольких сотнях метров от храма. В обычные дни в храме готовят только вегетарианскую еду. В праздник раджа (когда родители не имеют права в чем-либо отказать дочерям) женщинам в храм Вималы вход строго воспрещен. Богиня — женщина, и у нее раз в году случается то, что бывает у всех женщин ежемесячно. Жрецы храма проводят в день раджа какие-то церемонии, суть которых мне не удалось выяснить.

В нескольких шагах от храма Вималы — еще один храм Ганеши. Там бог с головой слона и круглым брюшком изображен танцующим на мышке. Живописно расположились его восемь рук: две руки, поднятые вверх, размахивают змеями, две другие сжаты в кулак, в пятой видны бусы из семян растений (такие украшения носят жрецы и паломники), шестая положена на бивень, седьмая держит ангуш (металлический серповидный инструмент, которым погонщики управляют слонами), и, наконец, последняя, восьмая рука подносит к хоботу ладу. Это лакомство, приготовленное из кунжута, масла и сахара, считается любимым блюдом Ганеши, нравится оно и людям.

Следующее мероприятие в обязательной программе паломника — визит к богине богатства Лакшми. Храм построен из песчаника одновременно с главным храмом Джаганнатха. В настоящее время правительство проводит в нем реставрационные работы. С внешней стены был снят толстый слой штукатурки, и под ним открылись искусно выполненные скульптурные изображения. В контопе археологической службы Пури мне показали фотографии храма Лакшми до реставрации и после. Эта кропотливая и требующая мастерства работа проводится археологами и архитекторами Ориссы с большой тщательностью.

Лакшми стоит на пьедестале. Скульптура в человеческий рост одета в красивое шелковое сари, на ней широкий пояс из золота с драгоценными камнями, золотые браслеты, серьги, бриллианты в носу и на лбу. Украшений так много, что богиня больше похожа на рождественскую елку, чем на женщину. Да и это понятно, богиня — олицетворение богатства! Сюда приходят дельцы и просят помочь в торговых делах. Сделка удалась — они несут богине ее комиссионные.

Храм бога солнца Сурьянараяна-мандир, расположенный рядом с храмом Лакшми, посещать не обязательно. Но он любопытен хотя бы тем, что посвящен богу солнца. Говорят, божество этого храма было привезено сюда из храма в Конараке, когда тот был разрушен.

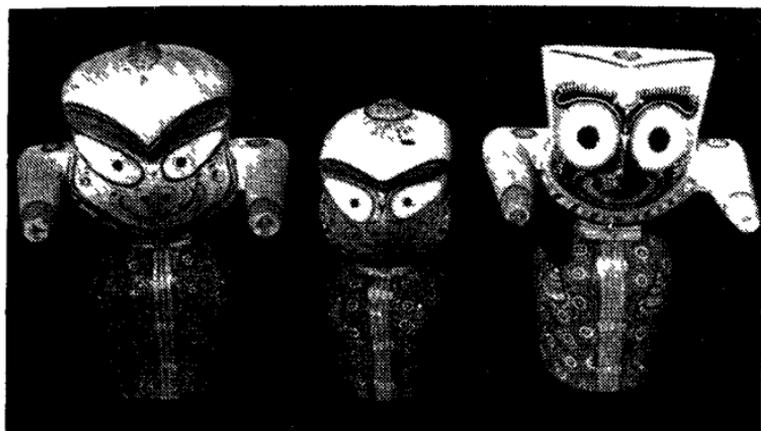
Обязательная программа выполнена, и пилигрим смело может войти в главный храм. Через одну из боковых дверей он попадает в нат-мандир.

Описание всех помещений храма лучше начать с самого крайнего, восточного. Это бхог-мандир. Туда могут входить только жрецы, потому что там держат всю приготовленную в кухне пищу, прежде чем ее освятят и пустят в продажу. Внешние стены украшены резьбой по камню: ряды слонов, крокодилы, львы, большие птицы, нагакхамбхы (две змеи, обвивающие столб). Можно там заметить и митхуна мурти (эротические скульптуры, которые, как полагают верующие, предохраняют храм от злых духов, молний и прочих напастей). Внутри бхог-мандира четыре колонны, на которых выбиты надписи. Стены покрыты фресками, изображающими сцены из индийской мифологии. Здесь Шива едет на своем бычке, там герой «Рамаяны» Рама во время коронации, дальше Кришна с коровами, потом Кришна с пастушками в лодке или Кришна на качелях, а вот фреска, где нарисован Джаганнатх, но к ней мы еще вернемся.

Далее — нат-мандир. Внешние стены его покрыты штукатуркой, под толстым слоем которой скрыта красота рельефа. Под таким же слоем находятся и настенные рельефы джагамоханы и святилища. В стенах появлялись трещины, и тогда было решено укрепить их с помощью штукатурки. В настоящее время и в главном храме начались реставрационные работы. «Удивительные, прекрасные скульптуры были открыты под слоем извести». — сообщил мне недавно в письме мой знакомый из Пури.

Потолок нат-мандира — квадратного зала со стороны, равной 20 метрам, — поддерживают 16 колонн, по четыре с каждой стороны. На одной стороне — фреска, изображающая царя Ориссы, которому помогли в войне против южного соседа сами боги. Джаганнатх, приняв облик чернолицего воина, на черном коне, и Балабхадра — белокожего, на белом коне, поскакали впереди армии. Царь ничего об этом не знал. По дороге боги встретили бедную женщину с кувшином кислого молока и попросили напиток. Вместо денег Джаганнатх положил ей в руку кольцо и сказал, что если она покажет его царю, то получит щедрое вознаграждение. Царь действительно узнал кольцо и одарил женщину. Конец этой легенды будет рассказан позже, ибо все остальные события ее относятся скорее к истории, чем к вымыслу.

Почти посредине зала, где когда-то танцевали дева-

Деревянные скульптурки Балабхадры,
Субхадры и Джаганнатха

даси (досл. «рабыни божества»), то есть храмовые танцовщицы, стоит колонна. Трехметровый каменный столб завершает птица Гаруда, на которой летает бог Вишну. Именно к ней устремляются паломники в нат-мандире. Они по очереди обхватывают колонну руками и прижимаются к ней всем телом. От этих бесчисленных объятий в течение многих веков камень стерся, и колонна на уровне человеческой груди стала слегка вогнутой. Кроме того, паломники брызгают на нее водой и затем ею же окропляют себя. Вода, попавшая на колонну, считается целебной. Потом одни погружаются в молитву, другие поют гимны во славу Кришны под звуки барабана, третьи разбивают о колонну спелые кокосовые орехи. Куски орехов люди уносят домой. Так индусы символически кормят богов, но кокосы едят сами.

Чтобы попасть в святилище, паломники проходят еще один зал — джагамохану площадью 24×24 метра. Там справа поставлен большой деревянный сундук, куда обычно бросают пожертвования на содержание храма.

Святилище и джагамохана равны по площади. Внутри на стенах святилища нет украшений, все внимание должно быть обращено на середину зала. Там на платформе из монолита — ратна веда (трон драгоценностей) длиной 5 метров, шириной 4 и высотой 1,2 метра — сто-

ят справа налево черноликий Джаганнатх, желтолицая Субхадра и идол с белым лицом — Балабхадра. Кроме них на троне помещены деревянный, завернутый в ткань столбик Сударсан, две человекоподобные фигурки богинь — Лакшми и Висвадхатри (богиня земли или как иногда ее называют, Сарасвати — богиня образования) и маленькая деревянная копия самого Джаганнатха, именуемая Ниламадхавой.

Главные идолы, высотой приблизительно 1,8 метра и толщиной в полтора обхвата, грубо сработаны и небрежно раскрашены. Как было сказано, у них нет ни рук, ни ног, а только голова и туловище. Впрочем, у Джаганнатха и Балабхадры выставлены вперед по два обрубка, которые можно принять за руки, а Субхадра лишена и их. Эти боги не похожи ни на одного из богов индуистского пантеона. Среди идолов Индии Джаганнатх выделяется еще и тем, что в его туловище есть тайник, о содержимом которого якобы никому до сих пор не удалось узнать. Подробнее о тайне чрева Джаганнатха и связанных с ним смертях будет сказано несколько позже.

Паломнику позволяют обойти каменную платформу слева направо три-семь раз. Позади трона божков темно, и, как мне признавались мои индийские друзья, там становится страшновато. За платформой находится дверь в сокровищницу, запертую, по словам местных жителей, на три замка, ключи от которых хранятся у раджи Пури и двух чиновников. Без их общего согласия дверь открыть нельзя. Паломник может подойти к ней и заглянуть в щель, но он ничего не увидит. За дверью темно.

В книгах по истории храма встречаются сообщения о случаях воровства. Авторы их пишут, что часть золотых украшений украдена, драгоценные камни заменены подделками и т. п. Местные жители утверждают, что эта таинственная дверь ведет в подземелье, где в нескольких длинных коридорах хранятся неисчислимы сокровища Джаганнатха. Сторожат их только змеи.

Мне не удалось узнать даже приблизительную сумму, в которую оценивают сокровищницу храма. В ней находятся драгоценные камни. Известно, например, что алмаз Кох-и-нур был завещан храму Джаганнатха в Пури махараджей государства сикхов Ранджит Сингом (1780—1839), прозванным за удачливость в войнах

и за смелость Пенджабским львом. Но желание махараджи не было исполнено, и после аннексии Пенджаба англичанами в 1850 году алмаз попал в руки чиновников Ост-Индской компании. В том же году он был подарен королеве Виктории. В настоящее время Кох-и-нур находится в королевской сокровищнице Англии. Если бы завещание Ранджит Сингха было исполнено, лежать бы Кох-и-нuru в одном из сундуков в подземелье храма Джаганнатха.

Паломник может совершить пуджу (индуистскую службу) в святилище, однако по упрощенной программе, ибо полную пуджу проводят пуджапанды. Он может предложить божеству цветы и зажечь лампаду, но для этого должен обратиться за услугой к жрецу, ибо паломникам не положено прикасаться к божествам.

Наконец наступает момент, когда паломник должен раскошелиться. Перед каждым идолом стоит сосуд для подношений, куда бросают деньги.

После посещения главного храма паломник не спеша может заглянуть в другие храмы. Ему предложат зайти и в Ниладри вихар — своеобразный музей и школу, где жрецов обучают Ведам, девушек — танцам, а юношей — игре на музыкальных инструментах. Вход платный.

Если паломник захочет, чтобы купленный им флажок висел на куполе святилища — пожалуйста. Заплати только, в зависимости от размера флажка, от полутора до 120 рупий. Большой красный флаг обеспечит паломнику преуспеяние и удачу. Занимаются развешиванием флажков четверо служащих, и это рискованное ремесло переходит из поколения в поколение. Только они знают, как можно по ребрам купола взобраться на верх святилища и прикрепить флаги. Но зарабатывают они мало: пять процентов от суммы сделки, остальное присваивают жрецы. Паломник может увековечить свое имя на полу во дворе храма. Но оно должно быть написано на специальной мраморной плитке размером 30×30 сантиметров гравером. Стоит она 45 рупий. В 1975 году от продажи таких плиток храм выручил 21 тысячу рупий.

Далее путь паломника лежит мимо высокой платформы, на которой в праздник купания (снана джатра) на идолов выливают 108 (священное для индусов число) кувшинов воды и с которой в эпоху, когда не было ни газет, ни радио, астрологи объявляли народу о предстоя-

цем религиозном празднике. Паломник торопится к Ананда баджару — Базару радостей, где он покупает махапрасад. Там работают два магазина, выручка одного из них поступает в казну храма, другого — в карман раджи Пури. В последнем продают долю изделий храмовой кухни, причитающуюся по правилам храма радже.

Паломник может унести махапрасад домой, а может и съесть его тут же под навесом. Эту пищу должны есть вместе люди высоких и низких каст. Существует поверье, будто человек высокой касты, отказывающийся принять освященную пищу из рук человека низкой касты, наказывается богом. Если, скажем, высокомерный брахман или кшатрий с негодованием отвернется от такого угощения, его голова навсегда останется повернутой в сторону.

Махапрасад священен настолько, что в состоянии снимать с человека самые тяжкие грехи: убийство коровы, брахмана, употребление спиртного, прелюбодеяние с женой гуру (учителя). Что касается трех последних грехов, то о случаях освобождения от них мне ничего слышать не приходилось. Но убийце коровы он, видимо, мало помогает. У известного орисского писателя Сачи Раутрая есть рассказ о крестьянине, случайно убившем бесхозную корову. По указанию деревенского жреца крестьянин повесил себе на шею на веревке кость убитой коровы, зажал в зубах солому (основная пища индийских коров) и пошел в Пури, в храм Джаганнатха, где месяц и еще 21 день исполнял все нужные обряды, совершал подношения брахманам, собирал пыль с их следов и, получив от них благословение, отправился домой. Он оставил в храме последние деньги, но... односельчане все же не простили ему греха и затравили.

Священная пища обладает такой силой, что даже прикосновение к ней «неприкасаемого» или собаки не портит ее чудесных свойств, утверждает путеводитель. Она остается священной и целительной даже когда превращается в объедки от трапезы шелудивой собаки. Недопустимо только одно: ее нельзя есть без должного благоговения, без осознания ее святости. Это великий грех! Панды храма рассказывают паломникам такую поучительную историю.

Однажды некий заносчивый паломник по пути в Пу-

ри заявил, что не станет есть махапрасад, если к нему прикоснулась собака. Когда он подходил к Пури, его неожиданно разбил паралич. Провалившись в пыли на дороге около двух месяцев, больной так изголодался, что, когда мимо бежала собака и, глотая махапрасад, выронила кусок, паломник сунул его в рот и вмиг выздоровел. Служители храма большие мастера на такие притчи.

Несмотря на все выдумки жрецов, люди из высоких и низких каст предпочитают есть храмовую пищу отдельно, подальше друг от друга.

Храмовая пища — источник болезней. Она хороша свежая. Однако в условиях тропического климата и при огромном количестве мух пища быстро портится. Вера же в ее святость так велика, что люди едят ее протухшей. Паломники везут отварной рис, тушеные овощи, гороховую похлебку и прочее в другие города и едят спустя несколько дней после приготовления.

Насытившийся паломник отправляется с гидом на отдых. В городе более 70 гостиниц и 60 дхармшал; в последних за ночь берут всего 25 пайс. Большинство паломников — бедные крестьяне, которым по карману только эти ночлежки.

В праздник колесниц всех гостиниц и постоянных дворов для размещения паломников не хватает, поэтому власти штата разбирают палатки на пустырях, чтобы укрыть людей от частых в июне—июле проливных дождей.

Раньше огромные скопления народа были одной из основных причин вспышек холеры. Во время одного большого праздника в доме, состоящем из одной комнаты, без окон, площадью 12 квадратных метров провели ночь 80 паломников. Этот рекорд стал известен только потому, что все постояльцы заболели холерой.

После отдыха паломник в сопровождении гида посещает святые места города — храмы, водоемы, монастыри.

Среди множества храмов Пури особое место отводится Локанатху. Гиды утверждают, что этот шиваитский храм был основан самим легендарным Рамой, который по дороге на Шри Ланку попал в Пури. Здесь он молился Шиве и был огорчен тем, что в городе нет лингама, символа его бога. Тогда люди нашли тыкву под-

ходящей формы, поставили ее вертикально и, признав ее лингамом Шивы, стали служить пуджу около этого овоща. Со временем тыкву заменили камнем, а потом построили храм, который был назван Лауканатхом, то есть храмом Владыки тыквы. «Лау» на ория означает «тыква». Со временем этому названию стали придавать другой смысл, и теперь оно звучит как Локанатх, что на ория значит «владыка народа». Типичный пример так называемой народной этимологии.

Внутри святилища Локанатха небольшой водоем, посередине которого под водой стоит лингам Шивы. В ночь Шиваратри воду слегка спускают, и каменный столбик показывается на поверхности. Раньше на воде из Локанатха присягали — такой священной силой обладает эта жидкость.

Мои друзья, не объясняя причину, советовали мне не ходить к этому храму. «Если ты уж так хочешь туда попасть, то по крайней мере возьми велорикшу. Пешком не ходи!» — настаивали они. Я поняла, в чем дело, когда до храма оставалось метров сто: рикша вез меня по улице, по обеим сторонам которой сидели прокаженные с протянутыми в мою сторону обезображенными руками. Справа мимо меня проплыла вывеска «Лепрозорий». Несчастные выходят на эту улицу, как на работу, собирать с паломников полагающиеся им традиционные подношения. Парень, бежавший за мной по главной улице, был, возможно, из этого приюта.

Паломник, раздав деньги больным и жрецам, обычно спускается в храм. За многие столетия, прошедшие со дня его постройки, культурный слой вокруг поднялся на 6—7 метров. Вот почему ступеньки в этот храм, как и во многие другие храмы и монастыри города, ведут не вверх, а вниз.

Дальше путь паломника лежит от водоема к водоему и от монастыря к монастырю.

Все водоемы вырыты жителями города и представляют собой огромные бассейны со ступенчатыми спусками со всех четырех сторон. Паломник должен посетить четыре водоема.

К северо-западу от храма Джаганнатха расположен Нарендра. Здесь в праздник чандан джатра божков катают в разукрашенных лодках, а в день дургапуджи ловят рыбу, которую и преподносят богине Вимале вместе

с козочкой. Некогда в Нарендре, как сообщают источники прошлого столетия, водились крокодилы. Сейчас к этому водоему не только приходят паломники, но и приезжают иностранные туристы, потому что им позволено входить в храм, стоящий на дамбе в нескольких метрах от берега. Зашла туда и я.

Внутри, в небольшой оштукатуренной комнате, на возвышении около стены стояли ярко раскрашенные изображения богов — Джаганнатха, Балабхадры и Субхадры, почти вполчину размера тех идолов, что стоят в главном храме. Я уже собиралась покинуть храм, когда меня остановил старик с толстой бухгалтерской книгой.

— Мадам, пожалуйста, распишитесь, — сказал он по-английски.

— Зачем? — просьба меня сильно удивила.

— Вам трудно расписаться?

— Нет... Только я не понимаю, зачем вам нужна моя подпись. Впрочем, пожалуйста, если вы так настаиваете.

Как только я расписалась, старик спросил:

— Мадам, сколько вы пожертвуете храму?

— Нисколько.

— Но вы расписались в книге. В этой графе — ваша подпись, а здесь, — он убрал руку с левой стороны листа, — вы должны указать сумму пожертвований.

Все это он произнес весьма строгим тоном.

С такой формой вымогательства я еще не встречалась. Пришлось заплатить «за науку».

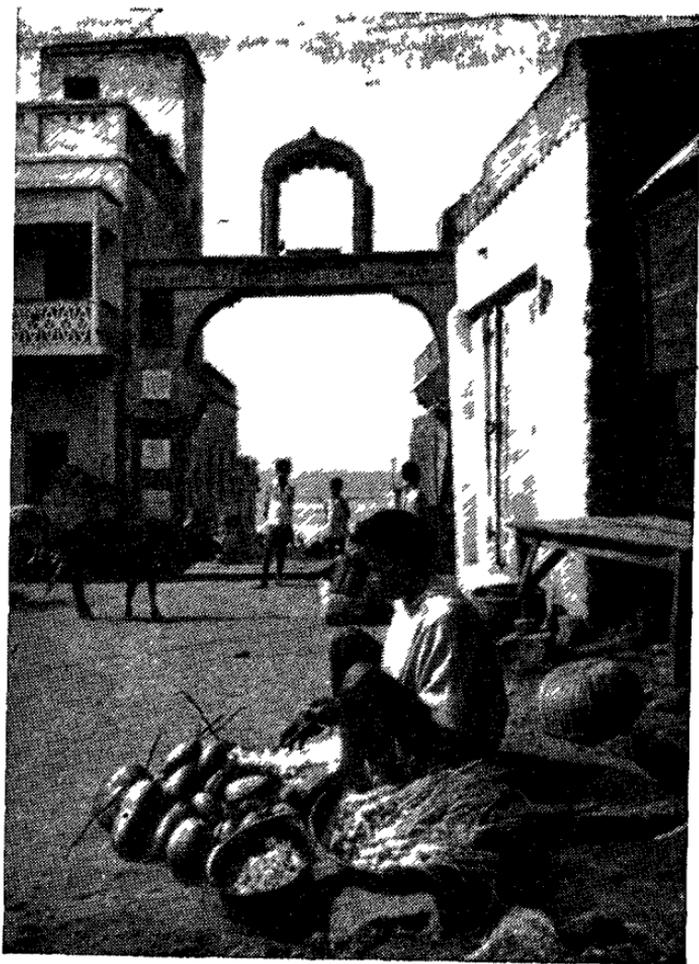
Другой водоем, Маркандей, согласно легенде, был вырыт по приказу самого бога Кришны для очищения людей от грехов. Паломники на берегу этого искусственного озера стригут волосы и оставляют их в дар богам. Здесь расположены шиваитский храм и Храм восьми богинь. Как-то я подошла к этому водоему вместе со своими индийскими друзьями, которых служители храма, а заодно и гиды сразу же начали уговаривать зайти. Те отказались. Тогда гиды сказали им на орня, думая, что я не понимаю:

— Пусть эта европейка войдет в храм.

— Но этим она осквернит его, — не без иронии заметил один из друзей.

— Пусть осквернит! А потом заплатит за это! Что, ей жалко отдать пять-шесть рупий?

Видно, им все равно, каким способом выманить у

Ворота в рай

посетителей рупии Карманы паломников — единственный источник их доходов

Третий водоем — Индрадьумна — назван по имени легендарного царя, якобы принесшего на этом месте в жертву лошадей. Позднее Индрадьумна славился своими огромными черепахами, в которые, утверждает сказание, превратились строители храма Джаганнатха. Сейчас там черепахи больше не водятся.

Водоем Светаганга — четвертый и последний в обязательной программе паломников. Он самый маленький по площади, но самый глубокий: каменные ступени со всех четырех сторон спускаются на 12 метров. Считают, что под землей он каким-то чудесным образом связан с рекой Ганг, святость воды которой признана по всей Индии.

Паломник, совершив омовение в четырех водоемах, спешит в сторону моря к воротам, на арке которых, чтобы никто не перепутал или не пропустил, написано: «Сваргадвара» («Ворота в рай»). За аркой — несколько ступеней вниз к пляжу. Этот участок побережья Бенгальского залива считается особенно священным. Здесь, по преданию, бог Брахма спустился на землю вместе с царем Индрадьумной, когда последний попросил бога освятить храм Джаяганнатха. В десяти метрах от «Ворот в рай» находится место кремации. Большое счастье умереть в Пури, а еще большее — получить для погребального костра огонь из кухни храма Джаяганнатха, ибо человек, сожженный около «райских ворот», отправляется прямо в рай и живет там вместе с богами. Место кремации не ограждено, ветер разносит по пляжу черный пепел.

Здесь совершается омовение и обряд тарпан. Стоя в воде, индус зачерпывает пригоршней воду и поднимает ее до уровня головы. Он предлагает воду сначала богу солнца, а затем своим предкам и при этом произносит их имена вплоть до четырнадцатого колена.

Забавно смотреть на купающихся женщин. Длинные, до полу сари и нижняя юбка прилипают к телу, сковывают движения, и слабейшая волна сбивает купальщиц с ног. Молодых девушек это веселит, а пожилых женщин пугает.

Итак, паломник, путь которого я пытаюсь описать, совершил омовение и тарпан. Дальше гид ведет его по монастырям, большинство которых связано с именами великих проповедников индуизма. В Пури насчитывается 752 монастыря, из которых только 72 сохранили свои постройки. Других время не пощадило. Они были основаны различными вероучителями или их последователями для пропаганды учения, для участия в службе в храме Джаяганнатха и для приюта паломников, аскетов и нищих. Раньше монастыри владели огромными земель-

ными угождями, подаренными им раджами и помещиками.

Индийцы (не все, естественно) до сих пор верят, что станут счастливее, если одарят монеткой нищего. Это убеждение — одна из причин существования в Индии армии профессиональных нищих.

Впрочем, обычай бросать бедняку копеечки, вместо того чтобы помогать ему, был известен и на Руси. Подать нищему означало «проложить себе путь к прощению от бога». Люди говорили: «В рай входят святой милостыней» или «Нищий богатым питается, а богатый нищего молитвой спасается». Поэтому нищие считались «христовою братиею», «церковными людьми», «богомольцами за мир». Часть их была приписана к разным монастырям, соборам, церквям. «Царские нищие» получали от царей не только пищу, но и жалованье и «форменную одежду».

Некоторые считали, что нищенство, попрошайничество — это черты, присущие национальной культуре русского народа. Нечто подобное мне приходилось слышать и о нищенстве в Индии. Причины же нищенства в обеих этих странах, как, впрочем, и в других, одни и те же: низкий уровень жизни населения и невежество, поощряемое религией. Русский писатель Иван Гаврилович Прыжов (1829—1885) в книге «Нищие на святой Руси» указал путь избавления общества от такой язвы, как нищенство. «О русском народе, — писал он, — ходит много диких мнений, на него взведено много напраслины, в которой он неповинен, приписаны ему качества, которых он не имел честь заслужить... Всю же эту речь мы вели к тому, чтобы выставить яснее простую мысль: дайте поскорее просвещение русскому народу, и нищенство сделается преданием»⁴.

В нашей стране его мечта давно сбылась, Индия же ждет своего часа. Здесь монастыри и храмы кормят тысячи нищих, не знающих иного ремесла, как ходить с протянутой рукой.

Со временем обязанность монастырей содержать массу нищих, по-видимому, сама по себе отомрет. Земельные владения этих религиозных учреждений в результате реформы сократились, уменьшились и их доходы. Возможно, по этой причине в монастырях сейчас проживает не так уж много послушников, Возглавляют

монастыри маханты (настоятели). В случае необходимости их приглашают на совет в храм Джаганнатха для решения религиозных вопросов.

У некоторых монастырей есть перед храмом обязанности. Например, Уттарापрасада-матх (матх — монастырь) снабжает храм продуктами, идущими на приготовление храмовой пищи, Джаганнатха-матх поставяет цветы, Джаду-матх несет ответственность за уборку помещений храма и т. д.

Осмотр монастырей Пури я начала с Гобардхана-матха, который в древности готовил жрецов к службе в храме Джаганнатха и выдавал соответствующие сертификаты. Монастырь представляет собой группу двух- и трехэтажных зданий, тесно стоящих вокруг маленького внутреннего дворика, в который можно попасть, спустившись по двум лестницам: культурный слой этих строений поднялся до уровня крыш.

Старый толстый брахман сидел недалеко от входа и равнодушно смотрел, как я приближалась. Но стоило мне вынуть из сумки фотоаппарат, как апатия сменилась гневом. Он закричал, что фотографировать монастырь запрещено. Принесенные мною извинения дали повод для начала беседы. Старик оказался южанином из штата Тамилнад. Он любезно ответил на мои вопросы, разрешил спуститься и осмотреть два небольших помещения, где выставлены изображения богов, и комнату, в которой находится большой портрет главы монастыря.

Сейчас в Гобардхана-матхе, сообщил старик, живут шестеро монахов. У монастыря есть небольшая земельная собственность, но главный доход поступает от пожертвований верующих.

Старик был так любезен, что написал в моей записной книжке полное имя настоятеля монастыря. Оно звучит так: Шри Ахант Вибхушит Джагатгуру Шанкарачари Шри Ниранджан Део Тиртха Махарадж. Настоятель с этим вполне царским именем — не кто иной, как политический деятель общендийского значения, получивший репутацию реакционера. Он считается наследником философа и реформатора индуизма Шанкарачарьи, который, согласно легенде, основал в четырех частях Индии четыре монастыря для пропаганды учения, получившего название адвайты (недуализма). Шанкарачарья

учил, что в мире реально существует только неизменное духовное начало — атман, а все остальное — иллюзия. Монастыри были построены в Бадринатхе, в Дварке, Шрингери и Пури в IX веке. С тех пор настоятели этих четырех монастырей называют себя шанкарачарьями, и в случае смерти одного трое других выбирают умершему преемника. Согласно списку шанкарачарьев, хранящемуся в Пури, в Ориссе с IX века сменилось 144 шанкарачарьи. До начала XX века о них почти ничего не было известно, никто ничем особенным себя не прославил.

И только когда на этот пост в 1925 году был выбран Бхарати Кришна Тиртха, о шанкарачарье Пури впервые заговорили все газеты. Это был образованный человек, окончивший христианский колледж в Мадрасе и университет в Бомбее. Он был связан с выдающимися борцами за освобождение Индии, но стал известен не участием в борьбе с англичанами, а своими выступлениями против Махатмы Ганди, против призывов Ганди к всеобщему равенству, к ликвидации кастовой дискриминации в Индии. Умер этот деятель в 1960 году. После его смерти в течение четырех лет не могли найти подходящего преемника. Объясняется это двумя причинами: во-первых, монастырь небогат, и, следовательно, должность настоятеля не сулит больших материальных благ; во-вторых, в общественной жизни Ориссы монастырь и сам пост шанкарачарьи не играют какой-либо значительной роли. Наконец в 1964 году шанкарачарьей Пури был торжественно провозглашен ректор Санскритского колледжа в Джайпуре. На церемонии присутствовали двое шанкарачарьев, губернатор штата Уттар-Прадеш, раджа Пури, министры, чиновники.

Два года потребовалось новому шанкарачарье, называемому кратко Ниранджан Део Тиртха, чтобы освоиться в политической жизни страны. В 1966 году он возглавил движение против убоя коров, которое завершилось штурмом парламента в Дели 200 тысячами человек. В результате 8 человек убиты, 45 демонстрантов и 19 полицейских ранено. Среди 750 арестованных 500 были аскетами или религиозными деятелями.

Здесь следует сказать о проблеме убоя коров. Высказано много предположений относительно того, когда и почему индусы перестали есть говядину, но ни одно не выдерживает критического анализа. В новейшее время

многие философы пытались истолковать эту традицию с точки зрения современных нравственных понятий. «Одной из важнейших сторон индуизма, — писал М. К. Ганди, — является защита коровы. Для меня защита коровы — самое удивительное явление человеческой эволюции. Она возвышает человека над своим родом. Корова означает для меня весь мир, стоящий в своем развитии ниже человека. Человеку предписано через корову осознать свое единство со всем живущим. Для меня ясно, почему корова была избрана для такого апофеоза. Корова была в Индии лучшим другом людей. Она дарила изобилие. Она не только давала молоко, но и делала возможным земледелие. Корова — это поэма сострадания. Каждый чувствует сострадание к этому кроткому животному. Корова — мать для миллионов индийцев. Защита коровы означает защиту всех бессловесных божьих тварей... Защита коровы — дар индуизма миру. И индуизм будет жить до тех пор, пока индусы будут защищать корову»⁵.

Кроме индусов в Индии живут мусульмане, христиане, иудеи. Все они едят говядину. Мясо коровы входит в рацион многих низких каст. В Ориссе, где убой коров и продажа говядины официально запрещены, она все же продается. Ее распределяют тайком между собой мусульмане и члены низких каст. Мне, например, много раз потихоньку предлагали купить телятину.

После штурма парламента шанкарачарья Пури объявил голодовку, угрожая умереть. Его арестовали и вскоре отпустили. На 73-й день он прекратил голодовку, так ничего и не добившись. Чтобы вновь привлечь внимание к своей персоне, шанкарачарья выступил в защиту кастовой дискриминации, а в 1972 году осудил мероприятия правительства, направленные на планирование семьи. Он заявил, что, по его подсчетам, в результате этой программы правительства через сто лет индусы будут составлять меньшинство в Индии. Шанкарачарья Пури поддерживал правую партию Джая Сангх⁶, открыто вмешивался в политику правительства.

Если Гобардхана-матх пользуется всендийской известностью благодаря политической активности его шанкарачарья, то следующий монастырь, о котором пойдет речь, — Эмарнатх-матх занимает после храма Джаганнатха второе место в религиозной жизни Пури. В особых

случаях маханта этого монастыря назначают ответственным за собственность храма Джаганнатха. Эмарнатх-матх мог соперничать с храмом по богатству, по размерам земельных владений. Один из махантов прославился по всей Индии своей особой святостью и получил в виде пожертвований много золота и земли.

Согласно легенде, этот монастырь основал в XII веке посетивший Пури проповедник и реформатор индуизма Рамануджа. Р. К. Дас, автор книги «Легенды о Джаганнатхе в Пури», описывает жизнь Рамануджи, основываясь на фактах, изложенных в брошюре, изданной в 1906 году, название которой Р. К. Дас забыл указать. Он сообщает, что купил ее в Мадрасе на прибрежном базарчике за одну анну ($\frac{1}{16}$ рупии). Великий проповедник, говорится в книжке, жил с 1037 по 1137 год; большинство же исследователей истории общественной мысли в Индии склонны считать годами его жизни 1056—1136. Р. К. Дас — один из известных историков и искусствоведов Ориссы, опубликовавший несколько книг о храмах этого штата и Южной Индии, поэтому изложенная им легенда о Раманудже интересна хотя бы тем, что отражает представление местных историков об этом реформаторе.

Рамануджа родился в Тамилнаде в вишнунтской брахманской семье. Следуя обычаю, он в 16 лет отправился в леса искать себе вероучителя. И нашел, но вскоре решил оставить его. В религиозных спорах ученик побеждал наставника, что не могло не вызвать у последнего ненависти к юноше. Учитель задумал убить ученика, но, предупрежденный двоюродным братом, Рамануджа бежал. Во время скитаний он заснул, бог отнес его в Шрирангам, где Рамануджа и решил поселиться. Он жил подаянием, проповедовал единобожие и стал настолько популярен в округе, что жрецы храма в Шрирангаме позавидовали его славе и уговорили людей, которые кормили аскета, отравить его. Рамануджа догадался о замысле жрецов и отказался есть отравленную пищу. Однако на этом попытки завистников и врагов убить проповедника не прекратились. Во время посещения Рамануджей Кашмира местные религиозные деятели хотели убить его с помощью черной магии, но, добившись цели, сошли с ума. В конце жизни ему пришлось бежать из Шрирангама, потому что царь был шивантом

и преследовал всех вишнуитов. В Тоннуре (недалеко от Майсура), куда переселился Рамануджа, против него ополчились 12 тысяч джайнистов, но он победил их всех в религиозном споре и обратил в свою веру.

В чем суть учения Рамануджи? Почему оно завоевало такую популярность в народе? Ведь его имя не забыто за восемь веков! Почему брахманы хотели его убить? Ответы на эти вопросы трудно найти в работах местных историков. Они пишут о призывах Рамануджи к бхакти, то есть к преданности, любви к божеству, к спасению через эту любовь, и умалчивают о его идее равенства всех людей перед богом, о непризнании им особой «святости» брахманов, о его протестах против их привилегированного положения в общественной и духовной жизни. Этим наверняка объяснялась ненависть жрецов и религиозных деятелей из касты брахманов в разных концах Индии к нищему аскету.

В хрониках храма Джаганнатха говорится о визите Рамануджи в храм и о его ссорах с жрецами Пури. Проповеднику пришлось не по душе служба в храме, не понравилось поведение жрецов — таков общий смысл рассказа о нем. Согласно тому же документу, составленному, по-видимому, в XVI веке, жрецы храма пожаловались самому Джаганнатху на Рамануджу, и бог, пойдя навстречу своим слугам, приказал птице Гаруде, чье изображение завершает колонну в нат-мандире, отнести спящего Рамануджу подальше от города. Остается лишь гадать: сам ли Рамануджа бежал из города или жрецы применили силу?

Несмотря на враждебное отношение брахманов к проповеднику, его идеи имели успех. Ученики и последователи Рамануджи основали в Пури монастырь, назначение которого было распространять его учение, но характерная для этого учения антибрахманская тенденция, видимо, намеренно забыта.

Вход в Эмарнатх-матх находится почти напротив главных, восточных ворот храма Джаганнатха. Привратник сообщил мне, что ныне там живут 40 послушников и что доходы поступают от земельных владений в виде ренты арендаторов и от пожертвований паломников. Он сказал также, что вход на территорию монастыря для иностранцев закрыт. Это меня озадачило, потому что мне были известны факты посещения монастыря,

в частности англичанами. Например, в 1926 году настоятель монастыря устроил на его территории, в саду, роскошный прием английскому губернатору Бихара и Ориссы, истратив на это 10 тысяч рупий. Событие прошло бы незамеченным, если бы не кампания протеста, начатая крупным общественным деятелем, поэтом, журналистом Гопабандху Дасом. Патриота возмутило, что на прием англичанина потрачены такие огромные деньги, тогда как на помощь пострадавшим от наводнения год назад удалось выпросить у монастыря всего две тысячи рупий! Какие отношения были между англичанами и монастырем, почему монастырь, обязанный помогать нищим, скупился на помощь пострадавшим от наводнения и был так щедр к колонизаторам? Ответов на эти вопросы литература о Пури и о храме Джаганнатха не дает.

Однако это дело прошлое. Сейчас монастырь помогает не только религиозным подвижникам, но и малообеспеченным студентам, которые получают от него стипендию.

Эмарнатх-матх — единственный монастырь, куда не допускается входить иностранцам. В Пури много монастырей, связанных с именами великих философов и поэтов Индии и Ориссы — Ачарьи Мадхавы, Ачарьи Нимбарки, Ачарьи Валлабхи, поэта Кабира, поэтессы Мирабай, основателя религиозной общины сикхов Гуру Нанак, создателя поэмы «Гитаговинда» Джаядевы, Саралы Даса, Упендры Бханджи и других. Здесь представлены различные направления индуизма, существующие со средних веков до наших дней.

Несколько монастырей в Пури связано с именем Чайтаньи. Знаменитый проповедник и аскет родился в 1486 году в брахманской семье в Навадвипе (Бенгалия). Его настоящее имя — Висвамбхара Мишра, а имя Кришны Чайтаньи он взял себе в возрасте 24 лет, когда стал саньяси. По совету матери он пошел в Пури. Однако, прежде чем поселиться в этом городе, он много бродил по Индии.

Когда Чайтанья впервые увидел Джаганнатха, он пришел в такое волнение, что бросился к нему, желая обнять, но тут же потерял сознание. Впоследствии он не осмеливался подходить близко к идолам, а стоял в одном из помещений главного храма около колонны Гаруды, глядел издали на своего кумира и плакал от умиле-

ния. Приближаясь к идолам, он впадал в экстаз и зачастую терял сознание. В исступлении Чайтанья иногда бросался в море или бился головой о стену храма. Сохранилось описание такого его состояния во время праздника колесниц в 1512 году. Волосы стояли дыбом, слезы лились ручьем из глаз, из носа текло, а рот был полон пены. Врач по этому описанию легко определит заболевание Чайтаньи.

Что же сделало его популярным? Таких больных, юродивых всегда было много в Индии. Может быть, его сочинения создали ему славу? Но он сочинил всего восемь стихов, да и те приписаны ему, возможно, без достаточных оснований.

Известность ему принесли его проповеди о равноправии, о любви к людям, ко всем людям, даже падшим, низкорожденным. Он учил, что вишнуит должен быть ниже травинки, более всепрощающим и щедрым, чем дерево, которое дает тень и плоды даже тому, кто его рубит; он не вправе ждать уважения к себе, но должен уважать даже того, кого никто не уважает, всегда петь о величии Кришны.

Неудивительно, что большинство низких каст Ориссы считает его своим пророком, мессией, божеством.

Чайтанья немало говорил о любви. Любовь бывает разная: слуги к господину, друга к другу, матери к сыну и женщины к мужчине. Последняя любовь, по его мнению, является высшей формой любви, ибо женщина для мужчины — и служанка, и друг, и мать, она готова на жертвы и подвиги во имя любви. Поэтому в его проповедях уделялось много внимания любви Радхи к Кришне. Он призывал любить Кришну, как любила его Радха. Для выражения преданности Кришне не нужны брахманы. Достаточно повторять его имя бесконечное число раз.

В возрасте 48 лет Чайтанья исчез. Существует поверье, будто он вошел в храм и, приблизившись к Джаганнатху, растворился в нем. Согласно другой версии, он утонул, бросившись в состоянии экстаза в море.

Таким образом, становление нового религиозного культа произошло в не столь далекие времена. В прибрежной части Ориссы Чайтанье поклоняются как богу наравне с Кришной большинство низких каст. На улицах часто можно видеть простых людей, участвующих

в пагаре киртане. Они бьют в барабаны, танцуют и поют на ория и бешгали песни, прославляющие Кришну. Основоположником этого ритуала был Чайтанья.

Неудивительно поэтому, что несколько монастырей Пури используют его имя для привлечения паломников. В Радхакантха-матхе, где Чайтанья жил 18 лет, хранятся его личные вещи. Последние 15 лет днем и ночью там без конца повторяется имя Кришны. В некоторых монастырях паломникам показывают отпечатки ног Чайтаньи, а в Аллал-матхе — даже отпечаток его тела. Несколько лет назад в центре города был построен новый монастырь, все стены которого покрыты ярко раскрашенными скульптурными группами, выполненными по мотивам легенд о Вишну и Кришне. Этот новый монастырь и несколько других принадлежат основанной Чайтаньей секте Гаудия, на мой взгляд, самой многочисленной и шумной. Несколько раз мне довелось видеть сектантов, идущих по улицам большими процессиями, бьющих в барабаны и поющих гимны. Среди них большинство женщин и стариков.

В книге индийского историка С. К. Де «Ранняя история вишнуитского вероучения и движение в Бенгалии», изданной в 1961 году, дается подробное описание жизни сектантов и обряда посвящения в секту. Этот ритуал очень сложен. Главное, на что обращают внимание при подборе кандидатов в члены секты, — это их кастовое и имущественное положение. Не принимают в секту людей, чем-либо себя скомпрометировавших, а также тех, у кого нет средств к существованию. Кандидат в секту должен в течение года служить гуру, угождать ему во всем. Когда испытательный срок кончается, гуру выбирает день для посвящения ученика в секту и соответствующую касте кандидата мантру. Для всех женщин и мужчин из низких каст подбираются тантрические мантры, а для мужчин из высоких каст — вишнуитские. Посвящаемый должен произнести выбранную для него мантру 108 раз. Для примера приведу одну вишнуитскую мантру: «Ом нама бхагавате Нараянайя» («Ом, я молюсь тебе, бог Нараяна»). Сложный ритуал кончается тем, что посвящаемый кладет у ног учителя деньги и подарки, а затем устраивает угощение сектантам.

Даже такая беглая экскурсия по городу Пури и по храму Джаяганнатха дает представление о том, что

В жизни этого центра паломничества нашли отражение главные события истории духовной культуры Индии, чему способствовали религиозные подвижники, проповедники, аскеты и простые пилигримы, которые в течение многих веков ходили от одного религиозного центра к другому и приносили в Пури новые идеи, возникавшие и получавшие популярность в других районах. Кроме того, местные племенные культы, сложившиеся в Ориссе, оставили свой след в верованиях, бытующих среди населения этой части Индии.

История есть не что иное, как картина преступлений и несчастий.

*Вольтер*⁷

В древности две части современной Ориссы — Калинга и Уткала были известны далеко за пределами Индии по описаниям греческих географов и китайских путешественников. Но самыми ранними источниками сведений об этом районе являются «Махабхарата», буддийские хроники и наскальные надписи, эдикты.

По буддийскому преданию, в Калинге были построены три ступы. Здесь хранились волосы Будды, подаренные им купцам из Калинги Тапузе и Бхаллике, а также зуб и ноготь учителя.

До нас дошло описание еще одного события в жизни древней Калинги. В 261 году до н. э. правитель империи Маурьев Ашока завоевал Калингу. Он ужаснулся, когда увидел жертвы и разрушения, которыми завершился его победоносный поход. Сто пятьдесят тысяч человек было взято в плен, сто тысяч убито в бою, а еще больше умерло от голода и болезней. В конце эдикта о победе над Калингой Ашока приказал выбить наказ для потомков: «Они должны считать обретение дхаммы (или дхармы — закон, религия, долг, справедливость, душа и т. п., а в буддийской литературе — в первую очередь учение Будды. — *Н. Р.*) единственным истинным завоеванием, ибо оно имеет ценность и в этом, и в том мире. Все они должны испытывать в этом наслаждение, каковое есть наслаждение дхаммы, ибо оно имеет ценность и в этом, и в том мире»⁸.

Эту истину открыли Ашоке, по-видимому, буддийские монахи Калинги. Ашока принял буддизм и начал строить монастыри и ступы. Назвав себя Ашокой Милостивым, он совершил паломничество по всем местам, связанным с жизнью Будды. И всюду по его приказу бы-

ли высечены колонны, известные во всем мире как колонны Ашоки.

Среди рыбаков Ориссы сохранилась легенда, повествующая о том, что Ашока, очарованный красотой и умом невесты наследного принца Калинги, а по другой версии — красотой жены царя Калинги, начал из-за нее войну. После победы он женился на ней и по ее настоянию принял буддизм.

Место посвящения царя Ашоки в новую религию находится на холме Дхаули в нескольких километрах от Бхубанешвара. На скале высечен один из его эдиктов. Сейчас на холме возвышается огромный белый купол современного буддийского храма, возведенного несколько лет назад японцами. Издали он похож на обсерваторию. Одновременно с храмом японские буддисты построили под холмом свой монастырь.

Завоевание Ашокой Калинги и принятие им буддизма стало поворотным моментом в истории буддизма. Благодаря деятельности царя это вероучение не только укрепило свои позиции в Индии, но и смогло распространиться на Шри Ланку и ряд стран Юго-Восточной Азии, чему, несомненно, способствовали торговые связи, существовавшие между жителями Калинги и народами этого региона.

Подгоняемые муссонными ветрами, корабли с переселенцами и купцами доплывали до далеких берегов Юго-Восточной Азии. Птолемей сообщает даже место, откуда уходили корабли на Суматру: порт Чикаколе (современный город Шри-Какулам в штате Андра-Прадеш).

Китайские путешественники оставили описание древнего государства на острове Ява, которое они называли Хенань. Так в китайском произношении звучит слово «Клинг», «Калинга». В древности один из районов Бирмы именовался Уккала. Это искаженное название Уткалы — северной части древней Ориссы. Всех иностранцев в Индонезии и всех индийцев в Малайзии раньше называли клингами, то есть выходцами из Калинги, хотя в колонизации Юго-Восточной Азии принимали участие и многие другие народности Индии.

Однако море со временем отступило, и порты Калинги и Уткалы исчезли. Когда это произошло, точно неизвестно. Историки полагают, что в XIII веке около Храма

солнца в Кошараке был большой порт. Сейчас от него не осталось и следа. Ныне в Ориссе имеется только одна удобная естественная гавань — Парадип, где сооружается порт.

Исчезновение удобных гаваней, а также вторжение арабских торговцев в заморские территории индийцев послужило, видимо, причиной того, что древние обитатели Калинги и Уткалы перестали плавать к далеким берегам Юго-Восточной Азии.

Английский индолог А. Бэшем несколько по-иному объясняет факт замирания морской торговли индийцев. «Индийцы, — пишет он, — никогда полностью не отказывались от мореплавания, но в период мусульманского завоевания укрепилось представление, что путешествие в чужие страны оскверняет членов высоких сословий и очиститься им, согласно некоторым авторитетным источникам, уже невозможно. Религиозный запрет на морские путешествия отражал растущий страх перед морем и отвращение к нему, которые в какой-то степени существовали во все времена. Хотя индийские моряки отличались находчивостью и отнюдь не были трусливыми, плавание по морю неизменно описывалось как ненавистное и чрезвычайно опасное занятие. В средние века арабы и китайцы превзошли индийцев в искусстве судостроения, и купцам стало выгоднее продавать свои товары иностранным посредникам, чем самим везти их за границу. Нашествие мусульман способствовало распространению неприязни ко всему иностранному, и народ, некогда основавший столько колоний от Сокотры до Калимантана, с благословения новой религии стал сухопутной нацией, чуждой мореходству»⁹.

Память о тех временах, когда жители Ориссы бороздили Индийский океан, сохранилась в многочисленных легендах и в сюжетах горельефов, украшающих храмы штата.

Великий поэт древней Индии Калидаса в поэме «Род Рагху» называл парей Калинги «властителями морей». Современные ория гордятся своими отважными предками.

Скудны письменные источники по истории древней Калинги и Уткалы. Кроме царя Ашоки память о себе оставил лишь царь Кхаравела (II или I век до н. э.). Он приказал выбить на скале среди джайнских пещерных

храмов Кхандагири и Удайягири (в шести километрах от Бхубанешвара) надпись о своей жизни и деяниях. Из ее текста стало известно, что Кхаравела завоевал почти всю Восточную Индию и построил множество каналов. Надпись сейчас показывают туристам.

Очень мало мы знаем об экономической и политической жизни Восточной Индии в первые века новой эры. Отсутствие письменных памятников и недостаточность археологических изысканий — главные тому причины. Кое-какие сведения дают древние бронзовые таблички, подтверждающие земельные пожалования. Благодаря им историки знают, что начиная с VI века в Калингу и Уткалу на постоянное жительство перебралось несколько тысяч брахманов. Правители жаловали им землю, строили деревни. Приглашая на поселение брахманов, знатоков вед, они исходили из чисто политических интересов: создавали в противовес старой новую жреческую знать, зависимую от правителей и поддерживающую их, и обзаводились грамотными чиновниками.

Вплоть до VI века территория, которую занимают современные штаты Орисса, Бенгалия и Ассам, была почти не затронута процессом арьянизации. «Махабхарата» советует паломникам избегать Калингу. В сочинении «Баудхаяна Дхармасутра», написанном, возможно, в VI веке, сказано, что брахман, посетивший Калингу, обязан совершить обряд очищения, как после возвращения из любого иностранного государства.

Подобные запреты наблюдались и в Киевской Руси в период насильственного крещения населения. Путешественникам и купцам, побывавшим в западных, или, как их тогда называли, латинских, странах, полагались специальные очистительные покаяния и спитимьи. Игумен Печерского монастыря Феодосий возглашал, что с «латынянами» нельзя есть и пить из одного сосуда, нельзя вступать в брачный союз, ибо «вера их — зло и закон их не чист». Тоже своего рода кастовые запреты!

Вполне возможно, что миграция нескольких тысяч брахманов из Северной Индии в Калингу и Уткалу способствовала распространению и здесь индуизма, в первую очередь шиваизма

В X—XI веках шиваизм становится главной религией этого района Индии. В то время заканчивается возведение грандиозного храма Лингарадж в Бхубанешваре,

строится множество небольших храмов вокруг Лингараджа, а также в Пури, в Джаджпуре и других городах Ориссы.

Имя Джаганнатха упоминается в памятниках Центральной Индии начиная с X века. Пури тогда уже считался местом паломничества к богу Джаганнатху. Кого представлял «владыка Вселенной» — Шиву, одну из аватар Вишну или какое-то другое божество, — об этом речь пойдет позже. Предполагают, что храм, в котором стоял Джаганнатх, рухнул, и на его месте стали возводить грандиозный храм, подобный Лингараджу.

Строительство нового храма Джаганнатха в Пури было пачато в 1135 году, во время правления Анантавармана Чодаганга Девы (1078—1147), и закончено в 1198 году при Ананге Бхиме Деве (1190—1198). Одновременно рядом с храмом Джаганнатха сооружали храм богини Лакшми. Это было время распространения шактизма, и ни один бог не мог рассчитывать на популярность, если возле него не было его шакти, женского начала. В Бхубанешваре около Лингараджа пристроили храм богини Парвати, супруги Шивы.

Из письменных источников известно, что на строительство храма Джаганнатха в Пури царь истратил огромные средства, добытые во время военного похода против соседей. Жители Пури рассказывают легенду, будто царь совершил тягчайший для индуса грех: убил брахмана. Чтобы смыть с себя этот грех, царь приказал построить большой храм.

Историки же видят причину в другом: в желании царя освободиться от влияния жрецов шиваитских храмов Бхубанешвара. Пури становится новым религиозным центром Ориссы, где предпочтение отдается не Шиве, а новому божеству — Джаганнатху. Другим брахманам была роздана земля, пожалованы привилегии. Таким образом царь укрепил свою власть в государстве и ослабил влияние жречества Бхубанешвара. Вскоре жрецы Пури настолько освоились и усилили свои позиции, что у правителей опять появилось желание создать новый религиозный центр, новое жречество. Царь Нарасимха Дева I (1238—1264) строит в Конараке на берегу Бенгальского залива, к северу от Пури, величественный храм богу солнца. По размерам он превышал Лингарадж и храм Джаганнатха.

Еще один царь — Парасимха Дева IV (1377—1413) — попытался бороться с властью жречества Пури. Он стал покровительствовать жрецам шивантских храмов Бхубанешвара. Однако ему не удалось ослабить влияние жрецов храма Джаганнатха, поскольку к этому времени культ Джаганнатха стал популярен во всей Индии и жрецы могли повелевать царем от имени божества.

Историки штата считают, что после постройки храма Джаганнатха началось объединение земель, населенных ория, вокруг Пури.

Следующий период истории Восточной Индии — это период борьбы против мусульманских завоевателей. Почти триста лет население Ориссы успешно отражало нападения мусульман. Об этом речь пойдет позже, здесь только отмечу, что мусульмане грабили, убивали людей, разрушали индуистские святыни. Только после завоевания Ориссы маратхами в 1751 году наступил период относительного спокойствия. Маратхские правители взяли под свою защиту храм в Пури, но не забывали собирать деньги с паломников.

Маратхские наместники оградили храм и население Пури от грабежа мусульман, однако перед стихийными бедствиями они были бессильны. Неурожаи 1773, 1780, 1792 и 1793 годов вызвали в Ориссе небывалые по размаху голод и болезни. Самый страшный голод 1866 года, уже при господстве англичан, унес около миллиона жителей. В районе Пури погиб каждый третий.

Англичане захватили Ориссу в 1803 году, спустя сто семьдесят лет после создания там своих первых факторий. Капитан Ральф Картрайт и с ним восемь торговцев Ост-Индской компании были первыми англичанами, появившимися в Ориссе (1633 год). Им удалось получить от наместника могольского шаха фирман на право торговли, но из-за всевозможных коммерческих неудач и конкуренции португальцев и голландцев их дела шли плохо. Только с 1690 по 1744 год англичане вели успешную торговлю в городе Баласоре, расположенном на побережье к северу от Пури. С приходом маратхов в Ориссу английские фактории были закрыты.

В 1766 году лорд Р. Клайв (1725—1774) через своего посланника вел переговоры с раджей Самбалпура о возможности создания на территории его княжества английской фактории по скупке местных алмазов. Сделка не

состоялась, и Клайв наметил военную кампанию, но из-за болезни ее пришлось отменить. Позднее он пытался купить Ориссу у маратхов, отправив с этой целью своего посла ко двору маратхского правителя. Тот готов был уступить Ориссу (за исключением города Пури), но англичан это не устраивало.

8 сентября 1803 года в Ганджаме (юг Ориссы) англичане собрали армию, во главе которой поставили подполковника Хэркарта. Через три дня 565 англичан и 2200 сипаев выступили на север, вдоль морского побережья. 18 сентября без боя был взят Пури. После короткого отдыха войска стали продвигаться дальше на север в направлении Катаки, где жил маратхский наместник. Поход оказался трудным, дорога была размыта дождями, приходилось идти по колено в грязи. Одновременно из Бенгалии к Катаке шли два отряда англо-индийских войск.

Форт Барбати в Катаке был хорошо укреплен. Маратхи готовились к отпору. В форте был размещен гарнизон, в распоряжении которого имелись боевые слоны, верблюды и лошади, а также артиллерия. Форт был окружен рвом с водой, в котором плавали крокодилы. Но ни стены, ни крокодилы не помогли маратхам. 14 октября Барбати был взят. На стороне англичан в этой кампании участвовало менее пяти тысяч человек. Победа досталась им без труда и почти без потерь. Решающую роль здесь сыграли такие факторы, как подкуп маратхских чиновников, активная работа английской разведки и полное равнодушие местного населения к войне между старыми и новыми пришельцами.

Однако местное население недолго оставалось безучастным к судьбе своей земли. Крупные антианглийские выступления отмечены в 1817, 1833, 1847 годах. В 1857 году началось восстание племен, населявших северо-западный район Ориссы. Оно было подавлено лишь спустя пять лет.

Английская администрация в Ориссе опиралась на группу местных феодалов — махараджей и раджей. Храм, сам будучи крупным феодалом и пользуясь поддержкой англичан, изрядно разбогател за время их господства.

С включением Ориссы в состав Бенгалии в ней поселилось много бенгальских чиновников. Орисса практи-

чески управлялась бенгальцами, которых даже называли «промежуточной правящей расой». В результате их «управления» две трети местных землевладельцев были разорены.

Судебные процессы и обучение в школах велись только на языке бенгали. Чтобы продвигаться по службе, ория вынуждены были говорить на бенгали и называть себя бенгальцами. Почти сто лет последние насаждали в Ориссе свой язык и свою культуру. Они считали язык ория диалектом бенгали. Между тем грамматические, лексические и фонетические особенности языка ория и древняя литература на нем доказывают без всяких оговорок, что язык ория и язык бенгали не диалекты одного и того же языка, а самостоятельные языки.

Столетнее правление бенгальских чиновников в Ориссе, их пренебрежительное отношение к местным жителям не прошли бесследно. До сих пор между ория и многочисленными северными соседями сохранилась некоторая отчужденность.

В начале XX века в Ориссе усилилось движение за отделение от Бенгальской провинции, завершившееся в 1911 году созданием провинции Бихар-Орисса. Возглавила эту борьбу «Уткальская конференция», сложившаяся в самом начале века. В 1936 году эта политическая организация добилась отделения от Бихара и объединения всех земель, населенных ория, в единую провинцию Орисса.

«Уткальскую конференцию» создал Мадхусудан Дас (1848—1934), о котором речь пойдет в рассказе о судебном деле между рани (супругой раджи) Пури и английской администрацией. Среди членов этой организации были раджи и махараджи. В 1936 году она распалась, поскольку одна часть ее членов включилась в борьбу за независимость, а другая — против нее. В поддержку колонизаторов выступили раджи, которым английская администрация помогала подавлять народные восстания.

После завоевания независимости к власти в Ориссе пришла партия Национальный конгресс. Были ликвидированы княжества, проведена земельная реформа. С 1967 года бразды правления взяли правые партии, сначала Сватантра, а затем Джаната. В настоящее время правительство штата вновь сформировано Национальным конгрессом.

Орисса богата природными ресурсами, поэтому капиталовложения направляются в основном в горнодобывающую, металлургическую и металлообрабатывающую промышленность. Экономика в Ориссе развивается не так быстро, как в других районах Индии, что объясняется главным образом слабостью местного капитала и нежеланием общиндийских монополистов, имеющих сильные позиции в Ориссе, вкладывать свои капиталы в развитие этого района.

Одна из самых серьезных проблем штата — проблема безработицы. В конце 70-х годов там было 2,5 миллиона безработных. Здесь самый низкий в Индии доход на душу населения, самый низкий процент грамотных.

В Ориссе на площади около 156 тысяч квадратных километров проживают 27 миллионов человек, из которых 91 процент — сельские жители. Да и сами города похожи на большие деревни. Деревенский уклад сказывается в привычках и характере ория, чувствуется он и в языке.

— Тумо ган коутхи? (Где твоя деревня?) — раз по сто на день спрашивали меня незнакомые люди.

Первому человеку, задавшему этот вопрос, я ответила, что «мою деревню называют Москвой и что в ней живет более восьми миллионов человек». Когда этот вопрос повторил второй, третий любопытный, мне стало ясно, что их интересует не деревня, не город, а страна. Правильнее этот вопрос нужно перевести: «Где твоя родина? Откуда ты?»

Не только замкнутый деревенский уклад влияет на миропонимание людей, но и близкое соседство с отсталыми племенами, составляющими четверть населения Ориссы.

Большинство населения штата исповедует индуизм, но есть и мусульмане.

Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий.

В. О. Ключевский¹⁰

Пури находился на окраине империи Великих Моголов, что, видимо, спасло храм от уничтожения.

Самое страшное для жрецов этого храма событие произошло в 1568 году, когда мусульманский военачальник по прозвищу Кала пахар (Черная гора) захватил Пури и сжег деревянных идолов.

Почти сорок лет спустя новое несчастье обрушилось на город. В 1607 году император Джахангир приказал своему полководцу раджпиту (воинская каста, преимущественно индусы) Кесо Дасу разграбить храм Джаганнатха. Кесо Дас притворился, будто хочет присутствовать на празднике колесниц, и, воспользовавшись легковерием жрецов, вместе со своими солдатами проник внутрь храма, который был построен в виде крепости, окруженной двумя рядами высоких каменных стен. В храме всегда имелись большие запасы продовольствия, поскольку жрецы продавали верующим кулинарные изделия своей кухни. Таким образом, Кесо Дас и его солдаты могли выдержать длительную осаду.

Начались переговоры между захватчиками и жрецами. Кесо Дас потребовал, чтобы дочь раджи Пури была отдана в жены его повелителю Джахангиру, а ему самому — сестра раджи. Сверх того, он требовал 100 тысяч рупий контрибуции. Жрецы храма заупрямились. Тогда захватчики сделали вылазку и подожгли три огромные колесницы, на которых идолов отвозили «погостить» в соседний храм Гундичи. Зрелище пылающих деревянных повозок вынудило брахманов пойти на уступки. Они выполнили все требования Кесо Даса. Из-за всех этих событий идолы Джаганнатх, Балабхадра и Субхадра провели в храме Гундичи не восемь дней, как положено по традиции, а восемь месяцев. Столько

времени потребовалось на изготовление новых колесниц, чтобы доставить идолов обратно в храм Джаганнатха.

Император Аурангзеб запретил строительство новых индуистских храмов и ремонт старых. В 1692 году он отдал приказ разрушить храм, но раджа Пури встретился с наместником Великих Моголов в Катаке и за взятку договорился обмануть Аурангзеба. Между тем служба в храме тайно продолжалась. Слухи об этом дошли до императора. Был послан специальный чиновник для проверки, но и его удалось подкупить. До самой смерти Аурангзеба храм оставался закрытым.

Не являются ли эти события в истории штата причиной того, что неиндуистам вход в храм запрещен? Возможно, первоначально запрет посещать храм иноверцам (в то время только мусульманам) был необходим, чтобы обмануть посланцев Великих Моголов и скрыть от них службы, проводившиеся в храме. За многие годы, пока существовала угроза со стороны мусульман, запрет из временного стал постоянным и распространился на другие храмы Ориссы.

Таковы последствия исторических событий, которые проявляются и сейчас, особенно в Катаке, где находится резиденция мусульманских правителей. Там живет много мусульман, действует несколько мечетей. Разногласия между мусульманами и индусами обычно незаметны, но бывает иначе...

В ноябре 1968 года на стадионе в Катаке состоялся футбольный матч между местной командой и гостившим тогда в Индии минским «Динамо». Было довольно жарко. Легкие, сухопарые индийские футболисты бегали живо, самозабвенно сражаясь за победу. Минчане, плотные крепыши, передвигались с трудом, пот ручьями заливал их спины и лица. Молодой тренер минчан волновался: он то смеялся, то вставал и кричал игрокам, то смущенно улыбался — не ждал, видимо, такого решительного отпора местных футболистов натиску одной из лучших в то время советских команд. Газета «Советский спорт», очевидно, закончила бы репортаж об этом матче приблизительно так: «Но в итоге победила техничная игра минчан».

Я познакомилась со многими членами советской спортивной делегации и собиралась после матча остаться

ся на банкет, когда ко мне подошел секретарь местной организации индо-советского культурного общества и сказал, что мне нужно ехать домой в Бхубанешвар.

— Вас отвезет министр торговли. Вон его черная машина.— Секретарь настаивал на моем немедленном отъезде, не объясняя причину. Он почти подталкивал меня к машине.

Я не стала спорить. Недоумевая, я села рядом с пожилым тучным индийцем. Это был министр правительства консервативной партии Сватантра. Всю дорогу он говорил о том, как его партия заинтересована в установлении дружеских отношений с Советским Союзом. Я его почти не слушала, меня больше занимало, почему меня увозят из Катаки.

Машина остановилась около университетской гостиницы, где я жила в первый приезд в Ориссу. Не успела я открыть дверь своей комнаты, как меня окружили служащие гостиницы.

— Как там в Катаке? — спросил сторож. Остальные выжидательно смотрели мне в лицо.

— Как? Был матч, наши выиграли.

— Какой матч! Там беспорядки! Резня! — в один голос выкрикнули сторож и уборщик.

Поведение секретаря общества сразу стало понятным и оправданным.

От приехавших из Катаки соседей все в гостинице уже знали, что какой-то шалопай зажег хлопушку на ступенях мечети. Мусульманам для молитвы нужна тишина, поэтому кто-то вышел из мечети и ударил мальчишку. В ответ индусы стали бить мусульман.

Среди служащих гостиницы был мусульманин — повар Макбул. На следующий день он с сыном (его семья жила в деревне) заперся в одной из комнат гостиницы и не выходил несколько дней. К гостинице подходили какие-то люди и спрашивали Макбула. Телефон звонил не переставая. «Где Макбул? Мы доберемся до него!» — слышался хриплый голос в трубке. Сторож, уборщик и несколько постояльцев — все индусы — отвечали, что Макбул уехал в деревню. Они знали, где находится мусульманин, и сочувствовали ему. В обычные дни слуги гостиницы жили между собой не особенно дружно, но сейчас они все встали на защиту своего товарища.

Страхи Макбула были не напрасны. В эти дни в Ка-

таке пылали более сотни магазинов и лавок, принадлежавших мусульманам. Десятки людей получили тяжелые увечья, около 60 домов сгорело дотла. Материальный ущерб мусульманских семей исчислялся в десять миллионов рупий. Столкновение двух религиозных общин прекратилось только после вмешательства регулярной армии.

На этом страсти не улеглись. Через некоторое время один из мусульманских домов в Катаке взорвался. Полиция начала повальный обыск в домах мусульман. Оказалось, что в подвалах они делали и хранили самодельные бомбы — готовились к мести, к новой резне.

В подобных столкновениях участвуют самые отстаые слои населения. Большинство ория, как мне сказали мои знакомые индийцы, относятся неодобрительно ко всем проявлениям религиозной нетерпимости.

У меня были знакомые мусульмане. Как-то при мне двое студентов-мусульман хвастались перед своими друзьями-индусами тем, что они не побоялись войти в храм Джаганнатха в Пури.

— Но вас могли узнать и оштрафовать или побить! — воскликнула я.

— А разве у нас на лицах написано, что мы мусульмане? У нас на лицах написано только одно — мы индийцы.

И это правда, так как бóльшую часть мусульман Индии составляют не потомки завоевателей, а потомки индусов, принявших ислам в те времена, когда страной правили мусульмане.

На ровном, чистом месте, свободном от щебня, огня и песка, благоприятствующем размышлению плеском воды и тому подобным, но не слезящим глаз, в скрытом месте, защищенном от ветра, пусть занимаются [йогой].

Шветашваттара-упанишада ¹¹

Большинство населения Ориссы — хинду — исповедует индуизм, философская и обрядовая стороны которого хорошо разработаны в течение многих веков и легко приспосабливаются к любым новым веяниям и открытиям. Индуизм — это образ жизни людей. Индуистские религиозные ритуалы сопровождают человека всю его жизнь, от рождения до смерти. Множество предписаний и норм поведения регулируют повседневную жизнь индуса. Однако если беспокойная душа его хочет вырваться из «жизни мышью беготни», то и для нее найдется путь в индуизме. Это путь отшельничества, религиозного подвижничества. Кто не пожелает порвать с семьей, тот может пойти по пути поиска истины и счастья в своей собственной душе, то есть путем контроля над чувствами, созерцания, сосредоточенности.

Медитация жрецов составляет важную часть ритуала храма Джаяганнатха, поэтому кажется целесообразным рассказать об этой стороне духовной жизни. Хочется сразу предупредить, что к индийской культуре нельзя подходить с современными европейскими мерками. В развитии этой древнейшей на земле культуры были свои особенности. Она не исчезала с каждым ударом извне, а, сохраняя старое, впитывала, усваивала новое и чужое. Многие из древнейших достижений этой цивилизации сейчас не только изучают, но и применяют на практике. Особенно это относится к дыхательной и физической гимнастике, которую называют хатха-йогой. Высшая стадия системы контроля над физической и психической жизнедеятельностью человеческого организма — это раджа-йога.

Кто ею занимается? Все кому не лень. Многие пробовали медитировать, не многие посвятили свою жизнь

достижению тех или иных целей медитации. (Пропорционально численности населения под словами «многие» и «не многие» подразумеваются миллионы и сотни тысяч людей.) Нужны ли какие-то исключительные способности, чтобы добиться успеха? Нет, не нужны. Сколько необходимо потратить, дней, месяцев, лет? Всю жизнь. Существуют ли какие-нибудь особые условия? Чистота целей, мыслей и поведения. Таит ли в себе эта система какие-то опасности? Да, человек может погибнуть, если не будет следовать советам своего учителя. Примерно такие ответы я получила на свои вопросы о раджа-йоге. А интерес к ней у меня появился случайно, после одного разговора с Деби.

Я ее почему-то всегда вспоминаю такой, какой увидела в первый раз. Был прохладный зимний день. Мужчины ходили в пиджаках, женщины накидывали на плечи шали. Я быстро шла по территории Уткальского университета, когда неожиданное зрелище заставило меня замедлить шаг. Мне навстречу шла маленькая пухлая смуглолицая красивая девушка. Вокруг нее, повизгивая, крутились десятка три бездомных грязных собак. Эти тощие бедняги, покрытые лишаями и гниющими ранами, не могли не вызывать чувство брезгливости. Девушка кормила собак, приговаривая что-то ласковое. Она старалась, чтобы каждая из них получила по куску лепешки. На ней было недорогое голубое сари, край которого закрывал целиком плечи и руки. Никаких дорогих украшений, только металлические амулеты, подвешенные на нитке, вокруг шеи. Ее миндалевидные черные глаза под тяжелыми веками просияли в приветливой улыбке, когда она заметила меня.

— Зачем вы их кормите? Они разносят заразу...

— Мне их жалко. В прошлом рождении они были людьми. Возможно, в следующем рождении они опять станут людьми.

Собаки улеглись на землю в нескольких метрах от нас и нетерпеливо ждали, когда я уйду: в руках девушки была еще одна лепешка.

— Меня зовут Деби. Я к вам зайду сегодня. Можно?

Так мы познакомились. Я и раньше знала о том, что индийцы верят в бесчисленные переселения душ, но одно дело знать по книгам и совсем другое — увидеть и почувствовать реальное проявление этой веры.

О переселении душ написано немало — и серьезного, и смешного. Особенно любят эту тему сатирики. «А в военное время такое переселение душ — глупейшая вещь. Черт знает, каких только метаморфоз не произойдет с человеком, пока он станет, скажем, телефонистом, поваром или пехотинцем! И вдруг он убит гранатой, а его душа входит в какую-нибудь артиллерийскую лошадь. Но вот в батарею, когда она занимает высоту, опять попадает снаряд и разносит в куски лошадь, в которую воплотилась душа покойника. Теперь эта душа мигом переселяется в обозную корову, из которой готовят гуляш для всей воинской части, а из коровы...»¹² — так интерпретировал догмат о переселении душ участник первой мировой войны, великий чешский сатирик Ярослав Гашек устами своего героя, бравого солдата Швейка.

Находились писатели и поэты, серьезно относившиеся к этому положению индуизма. «Рожденный не в первый раз и уже не первый завершая круг внешних преобразований, я спокойно и просто открываю мою душу»¹³ — писал известный русский поэт Федор Сологуб (1863—1927) в предисловии к сборнику стихов «Пламенный круг».

В Индии всегда найдется человек, который точно скажет, кем ты был в прошлом рождении. Одна «ясновидящая» сообщила мне, что я была индианкой и прожила очень тяжелую жизнь. Если бы она сказала, что я была слоном, я тоже не смогла бы ей что-либо возразить.

Мне всегда казалось, что индусы не до конца верят в переселение душ, в наказание за грехи в последующих рождениях, иначе бы они поостереглись причинять друг другу неприятности и совершать поступки, считающиеся среди верующих греховными.

Деби училась в университете. От ее подруг я узнала, что она происходит из семьи бывших махараджей одного из княжеств Ориссы. Тогда ей было 23 года. Ее скромный наряд, отсутствие золотых украшений и полное равнодушие к сильной половине рода человеческого меня озадачили.

— Ты, говорят, богатая невеста, Деби. Много женихов добывается твоей руки? — как-то спросила я ее, надеясь услышать какую-нибудь трогательную историю о несчастной любви.

— У меня в жизни другая цель,— серьезно ответила девушка.— Замужество помешает мне.

В тот день Деби рассказала, к чему она стремится. От нее я и узнала о мантрах, о магии слов и знаков, о раджа-йоге и «могуществе» саньяси. Ее учил всему этому отец, а у отца был гуру. Она написала в моем дневнике несколько словосочетаний на санскрите и объяснила, какое из них мне нужно повторять бесконечное число раз, приходя при этом в состояние экстаза, чтобы добиться «сверхчеловеческих способностей». Некоторые из мантр, по ее словам, давали человеку власть и деньги, но приносили душевное опустошение, иные — делали его всемогущим. Например, мантра «намаши-вайя» приносит повторяющему ее счастье, а словосочетание «шиваянама» дает богатство, которое сопровождается «душевым банкротством». Сама Деби хотела научиться «устранять одним желанием, волей, мыслью все препятствия, все жизненные неприятности».

Дальше она начала путано объяснять мне взаимодействие бога и души. Позже я нашла ту же мысль у С. Радхакришнана. «Бог — это душа,— писал он в труде „Индийская философия“,— у которой мир природы и человек являются телом. Он не идентичен с ними, хотя и пребывает в них, а они в нем»¹⁴.

Потом я нашла несколько специальных книг о йогах. Люди, занимающиеся раджа-йогой, полагают, что они могут добиться трех ступеней могущества. На первой, низшей, ступени они получают способность предсказывать будущее человека и узнавать его судьбу в прошлом и будущем рождении, контролировать чувства, читать чужие мысли и передавать свои, повелевать силами природы и становиться невидимыми. На второй ступени йоги развивают у себя умение далеко видеть и слышать, двигаться в пространстве со скоростью мысли, подавлять голод, жажду, покидать свое тело и входить в другое тело, умереть по желанию, подчинять людей и вещи своей воле и т. д. На высшую ступень могут подняться только боги. Они тоже должны погружаться в медитацию.

В июле 1979 года во всех индийских газетах было напечатано заявление одного йога из Лакхнау в связи с паникой, вызванной предстоящим падением американской космической станции «Скайлэб». Правительство

США первоначально объявило, что местом ее падения будет Индия. Население было настолько встревожено этим, что многие ожидали конца света. Мне приходилось видеть, как нищие требовали у прохожих все их наличные деньги, говоря, что не сегодня завтра «все равно все погибнут». Йог из Лакхнау взялся отыскать в космосе «Скайлэб» и опустить его в Индийский океан. Он, по-видимому, считал, что уже достиг второй ступени могущества.

Что касается Деби, то она, по-моему, ничего не доби-лась своими медитациями. Меня смущало тогда мое душевное состояние, мое навязчивое желание видеть ее. И сейчас я не могу найти этому объяснения. Каждый раз я говорила ей, что она — колдунья, и девушка только улыбалась.

Мне удалось вновь попасть в Индию спустя девять лет. Естественно, я сразу же написала Деби письмо, в котором выразила желание увидеться с ней. Ответа долго не приходило, и я стала бояться, не случилось ли чего с девушкой. Наконец пришло письмо из далекого провинциального городка, где Деби работала учительницей в школе-интернате. Она ждала меня.

Я не стала сообщать ей о дне своего приезда. Поехала автобусом. Дорога была утомительной и неинтересной: ночь скрывала от глаз места, по которым мы проезжали. Единственное, что позабавило меня и пассажиров, так это толпа, состоящая из мужчин и женщин всех возрастов, которая прошествовала мимо нас в свете фар. Все, а их было человек двести — не менее, были сильно пьяны. Женщины двигались шеренгами по три-пять человек, пританцовывая и держа друг дружку под руку. Позади шли мужчины со связками живых кур и металлическими сосудами с жидкостью. Явно шли «допивать» в другую деревню.

— Кто такие? — спросила я одного пожилого индийца в европейском костюме.

— Адиваси, — ответил он, смеясь. — У них праздник. Так в Индии называют мелкие народности, которые не включены в индусскую кастовую систему.

Школа, где работала Деби, была создана специально для девочек из семей адиваси с целью приобщить отсталую часть населения к общенациональной культуре. Государство содержит и обучает их за свой счет.

Я вошла в ворота школы-интерната и огляделась. На ее территории находилось несколько одноэтажных зданий, в некоторых окнах виднелись детские головки. Ко мне подошла голстая молодая женщина, и я спросила ее, где найти Деби.

— Там! — она махнула рукой в направлении крайнего дома.— Должно быть, там. Она зуб сломала.

По пути к указанному дому я справилась еще у одной женщины, где могу увидеть Деби.

— А, Деби? Сейчас я ее найду. Она сегодня зуб сломала.

Деби была у себя дома. Ее не очень-то обрадовал мой приезд: она была целиком поглощена своим зубом и синяком на губе.

— Что случилось, моя богиня? — спросила я. («Деби» в переводе с ория означает «богиня».)

— Это все противный Шива! Я ему покажу, как надо мной издеваться!

— При чем тут Шива? — недоумевала я.— Как тебя угораздило так расшибить губу?

— Это проказы Шивы! Это он мне все подстроил! Сегодня ночью Шива принял вид большого змея, скрутил мне ноги и сбросил с постели. Я упала прямо лицом вниз.

И она снова принялась ругать бога. В тоне, которым она высказывала свой гнев по поводу поведения Шивы, чувствовалась теплота и нежность. Она была больше обрадована, чем испугана. Люди, занимающиеся медитацией, верят, что на каком-то этапе их усилий бог должен чинить им препятствия. Это значит, что они близки к цели.

В ее школе мне пришлось познакомиться со всеми преподавательницами, пройти по классам, ответить на множество детских вопросов, спеть и станцевать по просьбе школьников.

Когда мы с Деби наконец вернулись в ее комнату, к ней зашли две учительницы, их почему-то не было во время моего «обхода».

— У Пратибхи,— Деби указала на старшую из них в нейлоновом сиреневом сари,— скоро женится младший брат. Она завтра сдет выкупать его у богини Саралы.

В этот момент в комнату заглянуло скуластенькое личико девочки, которая позвала всех преподаватель-

ниц, включая Деби, к директору школы. Я осталась одна, озадаченная вопросом, почему нужно выкупать здорового парня у богини.

Комната Деби была маленькой, кроме кровати в ней стоял стол, небольшой железный шкафчик и сундук для вещей. На столе лежало несколько школьных учебников. Над кроватью висела знакомая мне картинка с изображением лингама с лицом Шивы в середине. Картинка напечатана на бумаге. Днем Деби вешала ее на стену, а перед сном прятала себе под подушку.

Деби вернулась одна.

— Почему Пратибха едет выкупать брата? — тут же спросила я ее.

— Видишь ли, он был продан богине. Пратибха мне рассказывала, что, когда была жива их мать, они однажды пошли в храм богини Саралы. Там встретили знаменитого садху, который сказал матери, что ее сын умрет в двадцать лет. Он посоветовал матери продать мальчика богине, чтобы та его сохранила. Мальчика посадили напротив изображения богини, прочитали соответствующие мантры, преподнесли Сарале цветы и фрукты. Так он стал сыном богини и часто потом, когда мать хотела его наказать, говорил ей, что он не ее сын, а сын богини. В возрасте двадцати лет он внезапно заболел, поднялась температура, и неделю его состояние было критическим, но он выжил. Теперь, когда настало время женить его, встал вопрос о выкупе.

— Много придется платить?

— Нет! Нужно дать что-нибудь богине в храме в его присутствии. И сделать это должна старшая женщина в семье. Мать их умерла, и Пратибхе, как старшей сестре, придется поехать в деревню родителей, где находится тот храм.

Мы были одни, и я наконец получила возможность задать мучивший меня все эти девять лет вопрос: чего она добилась своей медитацией?

— Сейчас я могу при желании видеть перед глазами круги, точки, знак «ом» и четыре цвета, — в ее голосе звучала гордость, она давала мне понять, что ее достижения значительны.

Позже я попросила знающих людей объяснить, в чем заключаются ее успехи. Все как один говорили, что она близка к цели.

— А цель?

— Передать словами то удовольствие, какое она будет испытывать, невозможно. Она будет слышать приятную музыку,— сказал один пожилой индеец,— чувствовать удивительный запах цветов, испытывать счастье, удовлетворение, отрешенность от земной суеты. Она будет наслаждаться чувством свободы.

Индусы считают это знаками божьего благоволения. Иностранные исследователи придерживаются другого мнения. «Для современного ума на Западе или на Востоке вся йогическая система достижения совершенства представляет только разработанный процесс самогипноза»¹⁵,— писал С. Радхакришнан. И я склоняюсь к тому, что умы на Западе и на Востоке правы. В качестве примера мне хочется описать йогические способности отца Деби. Но прежде мой рассказ пойдет о бывших княжествах Ориссы, о царивших там нравах, о той обстановке, в какой жили предки Деби в течение многих столетий.

Власть без злоупотреблений теряет свою привлекательность.

*Поль Валери*¹⁸

Ко времени завоевания независимости Орисса состояла из территорий Британской Индии и 26 «туземных государств», то есть княжеств. Их называли «темными карманами на одежде Ориссы». «Покров тайны окутывает эти княжества. Издание газет в княжествах не поощряют, и в лучшем случае там выходит какой-нибудь литературный или официозный еженедельник... Главными темами известий, поступающих из княжеств, являются визит вице-короля со всеми сопутствующими этому событию пышностью, церемониями и взаимными поздравительными речами, либо пышное празднество по случаю бракосочетания или дня рождения правителя, либо, наконец, крестьянское восстание. Специальные законы защищают князей от критики даже в Британской Индии, а внутри княжеств сурово подавляется самая робкая критика...»¹⁷ — писал Дж. Неру.

По данным 1938 года, общая площадь княжеств Ориссы составляла почти 74 тысячи квадратных километров, и проживало на этой территории около пяти миллионов человек. Правили ими 26 раджей и махараджей, по отношению к которым колониальная администрация проводила политику поощрения и подачек, осуществляя над ними военно-политический контроль через «резидентов» и «политических агентов», которые располагали всей полнотой власти. Англичане никогда не отказывали князьям в помощи, когда дело касалось подавления народных волнений.

О положении в княжествах Ориссы в последние годы английского господства мы, возможно, никогда ничего не узнали, если бы не деятельность специального комитета, созданного в 1937 году представителями местной общест-

венности. Комитет провел подробное обследование положения в княжествах и опубликовал отчет.

Князья и их чиновники всячески препятствовали работе комитета: они запугивали своих подданных, бросая в тюрьмы тех, кто осмеливался рассказывать о случаях злоупотребления властью. Их люди выкрадывали документы, собранные комитетом. Так, например, исчезли свидетельские показания жертв произвола в княжествах Дхенканал и Кеонджхар. Но, несмотря ни на что, отчет был составлен. Из него следовало, что хуже всего жилось населению в княжествах Дхенканал и Талчер.

Прошло более тридцати лет, как все княжества вошли в состав штата Орисса и князья лишились власти и привилегий, а память о прошлом хранится в языке — в его поговорках и пословицах. Теперь, когда хотят пожаловаться на вымогательства чиновников, вспоминают поговорку, появившуюся, по-видимому, совсем недавно: «Не Дхенканал присоединился к Ориссе, а Орисса к Дхенканалу». Там арестовывали по первому подозрению. Так называемые темные суды без суда наказывали подозреваемых мужчин побоями, а полицейские чиновники насиловали женщин. Во дворце раджи Дхенканала устраивались оргии. На улицах городов и деревень слуги ловили молодых женщин и приводили их во дворец.

Неприкосновенность собственности в княжествах не обеспечивалась. В любой момент крестьян могли согнать с земли. Рента была намного выше, чем в соседних провинциях Британской Индии. Кроме того, нужно было платить налоги за выпас скота, за принадлежность к касте, налог на сахарный тростник и т. д. Самым тяжелым из всех поборов был налог за пользование лесом.

Цены на товары первой необходимости тоже были выше, чем в соседних провинциях Британской Индии, в среднем на 50 процентов. Раджа давал одному из фаворитов право монопольной торговли каким-либо товаром, а тот вздувал цены. Например, придворный чтец правителя Дхенканала, пользуясь таким правом, поднял цены на пан (местная жвачка) и биди (маленькие сигареты) более чем в половину их стоимости в соседних районах.

Крестьян то и дело сгоняли на принудительные работы — то нужно было мост построить, то дорогу, то дворец.

Недалеко от Дхенканала, столицы бывшего одноименного княжества, стоит недостроенный дворец, в котором 39 комнат. Местный житель рассказал мне историю его постройки.

Во время второй мировой войны раджа Дхенканала уехал за границу, а его брат задумал построить для себя дворец. Он согнал тысячи людей и заставил их бесплатно работать. Оставалось лишь положить крышу и застеклить окна, когда вернулся раджа. Последний прогнал своевольного брата и оставил дворец недостроенным. Местное правительство не раз обращалось к бывшему радже с просьбой отдать это недостроенное здание штату, чтобы завершить все работы и открыть в нем колледж. Раджа не соглашался. Что стало с этим дворцом, не знаю, мне не удалось съездить туда еще раз. С тех пор как построили дворец, прошло уже более 35 лет, но люди еще не забыли самодурства правителя и рассказывают о нем страшные истории.

В отчете комитета говорится и о другой форме принудительного труда. Время от времени раджи и махараджи объявляли кхеду, то есть кампанию по отлову слонов. Для кхеды собирали до 15 тысяч человек, отрывая их от работы в поле порой на целый месяц. После отлова несколько тысяч крестьян должны были заниматься еще и дрессировкой животных.

Орисса издавна славилась своими слонами. В древности и в середине века многие правители откупались от захватчиков боевыми слонами.

Охота на слонов и тигров была одним из главных развлечений раджей и махараджей. До сих пор у себя в домах они хранят охотничьи трофеи — тигровые шкуры, рога диких козлов и т. п. Во дворце бывшего махараджи Дхенканала висит голова гигантского слона, убитого на охоте, а у бывшего раджи Талчера стоит пуф, сделанный из нижней части слоновой ноги.

Когда во время охоты раджа или махараджа в сопровождении многочисленной свиты прибывал на ночлег в какую-нибудь деревню, то жители ее обязаны были всех кормить, снабжать курами, козами, овощами и фруктами.

Очень обременителен был маган, то есть сбор денег на какую-нибудь церемонию в княжеском дворце. Например, по случаю свадьбы или на церемонию прокалы-

вания ушей принцев с каждого подданного требовали четверть годовой ренты. Подарки радже и штрафы за малейшее нарушение кастовых правил также существенно уменьшали и без того очень скудные доходы крестьян. Нет ничего удивительного, что в княжествах постоянно вспыхивали волнения. В 1938 году 30 тысяч — одна треть всего населения княжества Талчер — покинули его территорию и поселились в соседних лесных районах. Внимание всей страны было приковано тогда к этим беженцам.

Самым крупным княжеством был Майюрбхандж. Его территория сейчас полностью вошла в состав района с таким же названием. По данным 1938 года, площадь княжества была около 11 тысяч квадратных километров, население — почти 900 тысяч человек. Согласно легенде, Майюрбхандж был создан тринадцать столетий назад. Основатель династии «вылупился из павлиньего яйца», поэтому и княжество называется Майюрбхандж (владение павлиньего правителя). Первый отпрыск основателя династии имел почетный титул «огонь в лесу его врагов». Про следующего правителя писали: «...ногам его поклонялись сотни царей, и он ставил свои ноги на головы величайших царей». Подобными похвалами старались прославиться правители не только Майюрбханджа, но и других княжеств. Большинство из них объявили себя потомками раджпутов, якобы приехавших в Ориссу и основавших там княжеские династии.

На самом деле, как считает индийский историк Р. Банерджи, династии раджей Майюрбханджа более древнего происхождения. Он писал, что правители в XVII (или XVIII) веке наняли «историков», чтобы те составили их генеалогию, доказав высокое арийское происхождение. (В арийском происхождении раджпутов никто не сомневается.) На самом деле предки Бхандждео (родовое имя князей этого княжества) были царями в то время, когда раджпуты были еще варварским племенем. Князья Майюрбханджа и других княжеств являются потомками вождей племен, как утверждает Р. Банерджи. Об этом свидетельствуют и традиции во многих княжествах. Например, махараджу Кеонджхара должен был короновать вождь племени бхун. В некоторых других княжествах церемония коронации раджи заключалась в том, что он в присутствии именитых гостей должен был обойти трон

и «спросить разрешения воссесть». Видимо, это отголосок древней традиции избрания раджи или вождя племени.

Во время восстания племен Ориссы — санталов, колов и других — против англичан (1857—1862) раджа Майюрбханджа не позволил своим подданным из племени колов присоединиться к восставшим колам других княжеств. Англичане за такое проявление верноподданничества присвоили радже звание махараджи. Раджа княжества Дхенканал был удостоен этого звания за подобные заслуги.

Сразу после завоевания Индией независимости встал вопрос о судьбе княжеств. Согласно «Акту о независимости 1947 года», княжества имели право присоединиться к Индии или к Пакистану либо остаться в колониальной зависимости. Правительство Индии предложило им войти в состав доминиона. Выдающийся деятель национально-освободительного движения, соратник М. Ганди С. В. Патель, который от имени правительства независимой страны вел с князьями переговоры, заявил им: «Если вы не примете наше предложение, то я не отвечаю за соблюдение закона и порядка в вашем княжестве. Вы будете заботиться об этом сами». По существу это был ультиматум.

Недовольство населения княжеств вынудило их правителей согласиться с этим предложением. Княжества Ориссы первые присоединились к молодой республике. Многие князья прекрасно понимали свое «суверенное» положение в Британской Индии. Стоит процитировать письмо махараджи Майюрбханджа Пратапа Чандры Бханджедо, написанное им князю Дургапура в 1946 году: «Не говоря о постоянном вмешательстве даже в повседневное управление княжеством, наша частная жизнь находится под пристальным вниманием резидента. Наша власть — фарс, настоящими правителями являются резидент и политические агенты. Мы — марионетки и орудие в их руках. Наши протесты и жалобы на их вмешательство игнорируются. Воля британского правительства в Индии навязывается нам в завуалированной форме „совета“ или открытым давлением. Мы бессильны сопротивляться, мы потеряли способность к сопротивлению уже давно... Мы не что иное, как анахронизм и феодальная реликвия для большинства политически мыслящих соотечественников. Они нам не симпатизируют. Они счи-

тают нас отпетыми реакционерками и уверены, что без нас британское господство в Индии давно бы рухнуло»¹⁸.

Помимо крупных княжеств в Ориссе было множество мелких, князья которых получили землю от раджи Пури. За это они обязаны были сопровождать его в храм или на прогулках.

Некоторые князья имели обязательства перед храмом Джаганнатха. Например, княжество Даспалла снабжало храм лесом для строительства колесниц. После ликвидации княжества раджа Даспаллы стал игнорировать свои традиционные обязательства. Заботу о доставке леса в Пури взяло на себя правительство штата.

С ликвидацией княжеств были упразднены титулы раджей и махараджей. Только радже Пури сохранили его титул, что объясняется особым положением, которое он занимает в храме Джаганнатха.

Читатель легко поймет волнение, которое способно вызвать приглашение члена семьи бывшего раджи или махараджи поохотиться в джунглях на тигра. Такое письмо я получила от отца Деби, когда та была дома на рождественских каникулах. У меня, естественно, закружилась голова. «Тигровая охота! Раджа сидит на слоне, а вокруг него бегают тысячи подданных! Деби — тоже на слоне, а в руках у нее ружье с перламутровой инкрустацией. Шум, крики, выстрелы, азарт охоты... Да кто же от такого откажется!» В тот же день я отправила Деби телеграмму, в которой сообщала, что непременно приеду в ее родной город.

Нам, индишам, не приходится отпирываться за границу в поисках прошлого и далекого. И то и другое мы имеем в избытке у себя.

*Дж. Неру*¹⁹

Автобус в город, где жил отец Деби, уходил поздно вечером и прибывал рано утром. Я не умею спать сидя, поэтому всю дорогу пришлось маяться на неудобном сиденье старенького автобуса. Рядом со мной сидел парень, который сразу же после отправления уснул крепким сном. Часа через три на одной из остановок сосед неожиданно проснулся и завел обычный для попутчиков разговор. Узнав у меня, из какой я страны, куда и к кому еду, он сказал, что хорошо знает Деби и ее отца, поскольку родом из тех мест.

— А вы знаете, кто он? — вдруг спросил парень.

— Нет... Кажется, он брат бывшего махараджи. Деби о нем ничего не рассказывала.

— Это благороднейший человек! А какой замечательный охотник! Он убил более сотни слонов и тридцати тигров! Вообще-то охота у нас в Индии запрещена. Но если в лесу появляется тигр-людоед или взбесившийся слон, то правительство выдает специальную лицензию на отстрел таких зверей. Крестьяне обращаются за помощью к своим прежним правителям, у которых есть ружья, да и опыт в охоте. За каждого убитого тигра или слона правительство выдает премию. Иногда до двух тысяч рупий.

— Так много! — Я была поражена.

— Много? Это было бы много, если бы охотник брал деньги себе. Но отец Деби отдавал их пострадавшим семьям. Однажды тигр в одной деревне растерзал нескольких женщин. Им приходилось далеко ходить за водой. На тропинке, ведущей к реке, тигр и напал на них. Охотник выследил этого тигра и убил, а на правительственную премию построил колодец в той деревне. Вот он какой человек!

— А Деби тоже участвует в охоте? — Мне хотелось что-либо узнать от этого парня о моей «колдунье».

— А как же! Она очень меткий стрелок! Однажды даже спасла отца!

— Как это случилось?

— Тогда ей было лет шестнадцать или и того меньше. Они с отцом преследовали бешеного слона. Долго за ним бегали. Зверь был хитрым, прятался, выжидал. Они здорово устали. Отец сел под дерево и задремал. Ружье лежало метрах в трех от него. Деби со своим ружьем поднялась на ближайший холм. Вдруг она увидела, что слон несется прямо на отца! И не растерялась — выстрелила! Пуля попала в голову слона, но лишь ранила его. Слон замедлил шаг. В это время отец проснулся, вскочил, схватил ружье и убил зверя.

Потом парень стал спрашивать меня о семье, о моем житье-бытье в Индии — словом, завел разговор, какой обычно ведут с иностранцами.

На место мы прибыли в пять утра. Было еще темно, в тропиках светает только после шести. Меня никто не встречал. Как выяснилось позже, моя телеграмма пришла через двое суток после отправления. Попутчик довел меня до дома Деби и, простившись, пошел дальше.

Я постучала. Дверь открыл мужчина лет сорока-сорока пяти, сухой, стройный, курчавые волосы его чуть тронула седина. Одет он был в белые широкие штаны и белую рубашку навыпуск. (В такой одежде индийские мужчины обычно ходят дома и в ней же спят.)

— Входите! Я отец Деби. Она на втором этаже, в своей спальне. Мы вас ждали.

Он проводил меня до комнаты дочери. Деби, услышав наши голоса, проснулась. Устроив меня на кровати, покрытой ковром, она куда-то ушла. Я моментально уснула.

Разбудила меня девочка лет восьми с темным скуластым лицом.

— Обед готов,— сказала она.— Деби просила разбудить.

Умывшись, я вышла в коридор. Там рядом с восьмилетней девочкой стояла другая — постарше и такая же скуластая. Ей, как потом сказала Деби, было четырнадцать. Они пригласили меня в комнату на первом этаже, усадили за стол и убежали. Через несколько ми-

нуг вновь появились, но уже в сопровождении Деби. В руках у них были подносы с едой. Отварной рис с бараньим и овощным карри показался мне необыкновенно вкусным.

— Кто эти девочки? — спросила я Деби во время обеда.

— Мои приемные сестры. Их родители арендовали у нас землю.

— Они умерли?

— Они погибли.

— Тигр?

— Да. Они работали в поле, когда зверь бросился на них. Отец поглом убил тигра, а девочек взял к себе в дом. Младшая была тогда еще грудным ребенком. Отец воспитал их, я тоже как могла помогала. Моя мать умерла, когда мне было два года. Отец больше не женился, посвятил всю свою жизнь мне и моим приемным сестренкам.

— Что вы будете с ними делать, когда они вырастут?

— Отдадим замуж. Отец собирает им на приданое. Одно плохо с ними — не хотят учиться, не хотят ходить в школу. Отец пытается научить их чему-нибудь, занимается с ними дома.

После обеда отец Деби предложил нам пройтись по городу.

Был ясный прохладный день. Городок, в котором выросла Деби, показался мне в меру пыльным, похожим на десятки других провинциальных городов, возникших вокруг резиденции князя. Мы быстро пересекли его и вышли к мелкой реке, которую переходили по колону в воде крестьяне с корзинами овощей.

— Куда они идут?

— На базар, — ответила Деби.

Когда крестьяне проходили мимо нас, Деби каждому из них желала удачной торговли.

Мы пошли вдоль реки.

— Совсем недавно, каких-нибудь семь-восемь лет назад, — вспоминал отец Деби, — тут были джунгли, тигры заходили в город.

— Мне один парень, попутчик по автобусу, рассказал немного о вас. Вы — знаменитый охотник.

— Он преувеличил. Правда, мне приходилось много времени проводить в лесу,

— Почему слоны нападают на людей? — спросила я.

— Видите ли, я не биолог, но я бы назвал их сумасшедшими, безумными. Иногда в стаде у одного из слонов появляется беспричинное беспокойство, драчливость, иногда настоящая свирепость. Вожак изгоняет его из стада. И этот слон-изгой очень опасен для людей.

— А у тигров тоже бывает безумие?

— Нет, пожалуй. На людей нападают лишь тигры, которые по тем или иным причинам не могут охотиться на животных. Чаще всего виноваты сами люди: ранят зверя, а добить не могут. Вот и ходит этот калека голодным. Но как долго он может терпеть голод? Несколько раз попробует догнать оленя или дикого козла, а потом... потом бросается на человека. Человек — добыча легкая! Иногда тигр сам ранит себе лапу и остается калекой.

— Было ли у вас когда-либо чувство, что вы не в состоянии убить животное? У меня, например, рука не поднимется на такого красивого зверя, как тигр, да и слон тоже.

— Когда знаешь, что какой-нибудь из этих красавцев топчет ногами или разрывает когтями людей, то жалость и восхищение моментально исчезают. Был у меня один случай, когда я не смог убить слона, хотя тот был в десяти метрах от меня. Он затоптал до смерти двух человек и разметал целую деревню. Чтобы вы поняли мой поступок, я должен рассказать о другом происшествии, случившемся в том же месте. Это на севере нашей области. Там в горах находится глубокая впадина, которую местные жители называли Колодцем богини Бхайраби. Они говорят, что там живет богиня и никого вниз не пускает. Только обезьяны лазают туда за фруктами. Много лет назад несколько смельчаков спустились в ту впадину, но никто из них не вернулся.

— А ученые что говорят об этом колодце?

— Они туда не ездили. Там бывали только лесники, чиновники из лесного хозяйства штата. Они ставили клейма на деревьях, которые потом продавались подрядчикам на аукционах. Я часто сопровождал их. Лучше меня никто не знает тех мест. Я там с детства охотился. Как-то раз меня попросили сопровождать одного такого чиновника. Упрямый был, вздорный. Когда мы просезжали мимо того «колодца», я рассказал ему о бо-

гине и о погибших смельчаках. Чиновник велел остановить машину и подошел к краю впадины. Сказав мне, что «все это чепуха», помочился вниз. Не успел он вернуться к машине, как потерял сознание. Умер через два дня в больнице, так и не придя в себя. С тех пор я откладываюсь ездить туда с чиновниками из лесного хозяйства. Спустя несколько месяцев после того загадочного происшествия я вновь оказался у «колодца». Я тогда преследовал бешеного слона, о котором уже говорил. Бегал за ним несколько дней, вымотался, а когда настиг, убить не посмел. Слон стоял на краю впадины с поднятым хоботом. Я боялся, что от моего выстрела он скатится вниз, во владения богини Бхайраби.

— А много еще слон убил людей?

— Он исчез. Больше его никто не видел.

На следующее утро мы поехали на охоту в джунгли на грузовиках. Не было ни слонов, ни погонщиков, ни разряженных махараджей, ни крикливой прислуги. Все это ушло в невозвратимое прошлое. Раджи и махараджи либо вконец разорились, либо стали обычными помещиками, и такие пышные выезды им были не по карману. Мы с Деби ехали в первой машине, а ее отец — во второй. Наш шофер сидел за рулем с важным видом и искоса поглядывал на нас.

Оставив позади город, мы поехали дальше вдоль железной дороги.

— Куда ведет эта линия? — спросила я Деби. — На карте она не обозначена.

— Теперь она никуда не ведет. Лет сорок, как бездействует. Сначала англичане постоянно ремонтировали ее, а потом бросили это бесполезное занятие.

— Почему?

— Дорогу облюбовали слоны. Они выворачивают бивнями шпалы.

Приблизительно через час шоссе перешло в проселочную дорогу, которая стала подниматься по заросшим джунглями холмам. Изредка попадались небольшие селения адиваси и пасухи со скотом.

Первую остановку мы сделали у каменного дома, бунгало, как здесь называют дома для отдыха лесников. Построен он был, видимо, в колониальное время и пользовался раджей и его свитой для почивок на охоте. Он обнесен забором, на дворе вокруг дома положены

железные рамы с торчащими вверх острыми ржавых гвоздей.

— Это от слонов? — догадалась я. — Помогает?

— Мало, — ответила Деби. — Мы с отцом как-то ночевали тут. Нам тогда повезло, слон был огромным и не смог войти в дверь бунгало. Он просунул только голову и хоботом пытался дотянуться до нас.

Я представила себе Деби, забившуюся в угол пустого дома и дрожащую от страха. А в двух метрах от нее мелькал хобот гигантского слона. Картина получилась как в кошмарном сне.

В Ориссе нет необходимости забираться в такую глушь, чтобы ночью встретить диких слонов. Они живут даже около Бхубанешвара, и об их нападениях на деревню, расположенную рядом с университетским городком, можно услышать от служащих университета, живущих в этой деревне.

Следующая остановка была в лагере лесорубов, куда и направлялись грузовики. Рядом с лагерем, состоящим из нескольких хижин, находилась деревня племени санталов. Четыре дома прижались друг к другу, как будто опасались нападения.

— Их звери не беспокоят? — спросила я Деби.

— Беспокоят. Если зайвится в деревню слон, они или убегают, или залезают на деревья. У них есть луки, стрелы...

Мы вышли на окраину.

— А это что такое?

Я увидела под деревом у края дороги камень, забрызганный свежей кровью. Рядом лежала новая расческа, зеркало, краска для глаз и кусок черной материи.

— Здесь было совершено жертвоприношение богине. Кажется, убили курицу.

— А человеческих жертвоприношений тут не бывает?

— Нет. Это кхонды убивали людей для религиозных жертвоприношений.

В лесу мы пошли по дороге между высокими листовыми деревьями и колючим кустарником. Дважды нам попадался свежий слоновий помет.

— Слоны были тут ночью, — сказала Деби, — они сейчас прячутся. Но могут подойти к лагерю, когда стемнеет.

— Ты здесь раньше бывала?

— Да, я хорошо знаю эти места. В нескольких милях отсюда находится деревня ведьм.

— Ведьм?

— Да. Они занимаются колдовством. Женщины той деревни могут вынуть из тела человека печень, не разрезая живота. Человек умирает неизвестно от чего. Труп вскрывают и не находят печени.

Я никогда не подтрунивала над рассказами Деби и не пыталась поколебать ее веру в подобные чудеса. Просто слушала. Вероятно, думала я, ее интерес к мистике объясняется тем, что она выросла в одном из самых отсталых районов Ориссы. А когда подобные истории мне пришлось услышать из уст преподавателей и профессоров колледжа, я поняла, что вера в сверхъестественные силы в этой стране — явление обычное. В какой-то мере она поддерживается средствами массовой информации. Откройте любой индийский журнал, и вы найдете рассказ об исцелителях, о привидениях, о духах, о предсказателях и т. п. Впрочем, подобные мотивы встречаются и в серьезных научных трудах. Например, в сборнике докладов, прочитанных на Конгрессе историков Ориссы в Бахрампуре в 1977 году, напечатан доклад главы исторического факультета колледжа в городе Кендрапара, в котором автор повествует о жизни отшельника Аракхиты Даса. Историк сообщает, что после смерти аскета его волос, попавший к человеку по имени Махи Махарана, продолжает расти.

Нас позвали обедать. Ложки для меня в лагере не оказалось, пришлось есть рукой.

— А ты знаешь, что рукой есть полезнее? — обратился ко мне отец Деби. — Каждый палец руки означает землю, воду, огонь, воздух и небо. Из пальцев через пищу в человека поступает дополнительная энергия.

Это объяснение я уже слышала раньше. Сказали мне и народное название каждой руки: кханбо хато (содовая рука) — правая и четори хато (рука для грязной работы) — левая. У молодой преподавательницы в университете я заметила на пальцах левой руки длинные, покрытые лаком ногти, а на правой ногти были не покрашены и коротко обстрижены. «Я же правой рукой ем!» — объяснила она. Пальцы правой руки у нее постоянно были зажаты в кулак, и она старалась ими ни к чему не прирагиваться.

После обеда мы зарядили ружья и пошли в лес. Однако вскоре мне стало плохо. Весь путь до лагеря и возвращение домой на грузовиках вспоминается как сплошной кошмар. Я злилась на себя и на свой желудок, который сыграл со мной такую злую шутку. «Мне уже никогда больше не представится случай поохотиться в джунглях на диких зверей» — эта мысль больше всего терзала меня. Я была почти без чувств, когда мы добрались до дому.

— Я тебя вылечу, — сказал отец Деби. — Ложись на кровать и попробуй сконцентрировать все свое внимание на вдохе и выдохе. У тебя это хорошо получается, — подбодрил он меня, когда я выполнила его команду.

— Меня же Деби учила медитации.

— А теперь молчи! — Он начал бормотать какие-то слова и водить руками над моим телом.

— Вставай! — приказал он. — Как себя чувствуешь?

Я поднялась. Голова не болела, тошнота прошла. Было ощущение бодрости, как будто только что искупалась в Черном море в Крыму в начале июня.

— Вы гипнотизер?

— Нет, это не гипноз, — неуверенно ответил он. — По правде говоря, я не знаю, что такое гипноз. Само слово, конечно, я слышал, но природу этого явления я не знаю.

Мне было неловко за свою болезнь и за сорванную охоту. В тот же вечер я распрощалась и выехала в Бхубанешвар.

— В автобусе ты будешь, дочка, спать, — на прощание сказал мне отец Деби.

И я спала, открывая глаза на несколько секунд, когда моя голова больно ударялась об оконное стекло слева или падала на плечо сидящей справа старушки в застиранном сари. Она же и разбудила меня в Бхубанешваре на автовокзале.

Этот случай еще раз убедил меня, что йоги развивают в себе способность гипнотизировать себя и других.

Медитация составляет часть храмовой службы, которая интересна не только сама по себе, но и тем, что в ней своеобразно воспроизводятся как особенности придворного этикета, так и многие черты повседневной жизни местного населения.

Храм — это дань неведомому

*Ги де Мопассан*²⁰

Обычный день в храме начинается в пять часов утра. Двое служащих открывают все двери, кроме одной, — той, что ведет в святилище. При этом они проверяют замки. Если ночью кто-то проник в храм, то по традиции требуются специальные очистительные ритуалы. В народе существует поверье, что никто не может провести ночь в пустом храме. «Такой смельчак обязательно к утру будет мертвым» — так мне сказали в Пури.

Жрецы подходят к двери святилища, в котором «спят» главные идолы храма. Прежде чем открыть дверь, жрецы поют им гимн и просят их «проснуться и покинуть кровати». Дверь, наконец, открыта. Тогда приходят другие служители, уносят кровати и убирают помещение. Третья группа жрецов занимается утренним «туалетом» идолов. Перед Джаганнатхом, Балабхадрой и Субхадрой ставят зеркала из полированной бронзы. Жрецы будто бы чистят зубы идолам, полощут им рты и поливают их отражение в зеркале водой, в которую добавлены камфара, сандаловая паста и кислое молоко. И при этом приговаривают: «Ты — вода, ты — земля, ты — свет, и ты — ветер. Тем не менее, следуя земному убеждению, я купаю тебя здесь водой!»

Пока идет умывание, астролог громким голосом докладывает идолам о том, как в данный день расположены звезды на небе.

В половине седьмого утра на идолов надевают другие одежды. Туалет закончен.

Людей пускают в святилище первый раз с семи до восьми утра. Если в это время кто-нибудь из посетителей плюнет на пол, с него берут штраф, а идолов опять умывают. Дополнительно их умывают, если какой-нибудь

ребенок описался в храме. За этот же «проступок» в другое время дня (когда на кухне приготовлена бхога) родителей штрафуют, а всю приготовленную пищу уничтожают.

От восьми до восьми тридцати людей просят покинуть святилище, и идолам меняют одежду, причем выбор наряда зависит от времени года и праздника. В восемь тридцать в храмовой кухне зажигают огонь, и сотни поваров с сотнями подручных начинают готовить шестьдесят шесть различных блюд. В восемь сорок жрецы выходят во внутренний дворик и служат пуджу богу солнца. Затем они идут к воротам храма и там совершают еще одну пуджу. В девять богам дают завтрак. Перед ними ставят простоквашу, сливочное масло, сладости и бананы. Все это предлагается в небольших, символических порциях, так как на троне ратнаведи, во-первых, много не поставишь, а во-вторых, там в это время уже усаживаются жрецы для пуджи.

«Кормят» идолов часто, их «пир» продолжается с перерывами до половины третьего, когда в святилище вносят кровати, сделанные из дерева и слоновой кости и украшенные крупными алмазами. Идолов просят отдохнуть. Двери святилища закрывают.

«Будят» их в восемнадцать часов. Спальники уносят кровати. Через некоторое время идолам предлагают «закусить» изделиями из рисовой муки.

Посетители храма могут в последний раз взглянуть на своих кумиров около десяти часов вечера. Потом верующих выпроваживают из храма, а идолам сменяют наряд.

Последний раз «принятие пищи» состоится в половине одиннадцатого вечера. В полночь Джаганнатху, Балабхадре, Субхадре, Сударсану, Лакшми, Висвадхатри и Ниламадхаве подносят цветы. Слышится музыка и песня девадаси. Приносят кровати. Жрец громко объявляет идолам, что они могут ложиться спать. Все выходят из святилища. Двери запирают.

Днем двери святилища закрывают несколько раз для пуджи, которую проводят жрецы-пуджапанды. Их трое. Один обслуживает Джаганнатха, его маленькую копию Ниламадхаву, двух богинь и Сударсана, но последним четверем отводится мало времени, ибо все внимание уделяется Джаганнатху. Второй пуджапанда садится

перед Балабхадрой, а третий — перед Субхадрой. Зимой, когда идолы одеты тепло, во все шерстяное, и на ратнаведи совсем нет места, пуджапанды располагаются прямо на полу перед тронном. Служат они свои пуджи одновременно, стараясь не отстать от главного жреца, ответственного за Джаганнатха.

Жизнь пуджапанды целиком подчинена традиционным правилам и предписаниям. Встает он рано, точно произносит «очистительные» мантры, которые, как и все последующие его действия, составляют часть дневного храмового ритуала. Затем — омовение, причем жрец может окунаться лишь в озеро, реку или море, другие водоемы ему запрещены. Он входит, допустим, в реку и в том месте, где собирается погрузиться в воду, рисует знак в виде лотоса с восемью лепестками, пишет мысленно восемь букв «Кришны-мантры», «вызывает священные воды с орбиты солнца» при помощи специального жеста, читает мантры и окунается. Когда купание окончено, жрец надевает чистую одежду, рисует на теле знаки, какие положено иметь вишнуиту, вешает на шею бусы из растения тулси или семян лотоса, проделывает дыхательные упражнения и все время произносит мантры. И вот около девяти жрец входит в храм и устраивается перед божками. Прежде всего, он выполняет обряд «очистения места», для чего обращается к адхарашакти (опорной силе) Вселенной и к Земле, прося дать ему место для сидения и очистить его. Затем он просит своих предшественников, ныне покойных пуджапанд, а также бога Ганешу, богиню Дургу и бога-хранителя храма Кшетрапала защитить его. Следующий этап подготовки к пудже — это изгнание злых духов из святилища и создание защищенного пространства вокруг себя при помощи «огня и воды», чтобы злые духи не мешали пудже. Только после этих процедур жрецы приступают к главным действиям.

Пуджапанда, сидящий перед Джаганнатхом, посредством медитации «меняет свое бренное, земное тело на чистое, божественное, которое обладает характером и натурой самого божества», то есть внушает себе, что он само божество. Жрец представляет себя богом Кришной, красивым юношей, играющим с прекрасными пастушками. Затем он «переводит» божество из своего тела через дыхание в идола. На следующем этапе пуджи

жрец обращается с идолом как с только что прибывшим в его родной дом дорогим гостем: предлагает место для сидения, воду для мытья ног и лица, еду, купание, одежду, цветы, благовония и, наконец, развлечения. Кончается пуджа тем, что жрец «переводит» божество из идола обратно в свое тело. Для этого он подносит цветы к правой ноздре идола, воображает, что бог перешел в цветы, и, приложив цветы к своей левой ноздре, «принимает» бога в свое тело.

Этот пуджапанда во время пуджи произносит две мантры: «гопиджанаваллабхайя сваха» и «клим кришная говиндая гопиджанаваллабха сваха». Смысл их не имеет значения, важно сочетание звуков. В буквальном переводе первая мантра звучит так: «Я предлагаю возлюбленному пастушек (то есть Кришне.— Н. Р.)». Пуджапанда говорит эти слова, когда угощает бога, вошедшего в идола.

Двое других произносят каждый свои мантры и «вселяют» в себя Балабхадру и Субхадру. Затем пуджапанды «переводят» богов в их деревянные изображения, причем пуджа около Балабхадры имеет некоторые элементы шиваитской службы, а перед Субхадрой произносят такие же мантры, как и перед богиней Вималой в ее храме, расположенном на территории храмового комплекса.

Во время пуджи богам предлагается лишь вегетарианская пища, но некоторые овощи называют «мясом» или «рыбой», а сок кокосового ореха — «вином». Это свидетельствует о том, что когда-то в храме совершалась тантрическая пуджа. Для тантрического ритуала необходимо пять предметов на букву «м». На санскрите слова «мясо», «рыба», «вино», «жест» и «оргия» начинаются с буквы «м». Оргию (майтхуну) сейчас заменяет танец или песня девадаси.

Когда я пыталась узнать о девадаси храма Джаган патха, то услышала множество разных предположений и просто небылиц. «Для высокопоставленных гостей, — сказал мне один индийский журналист, — девадаси танцуют голыми». «Они очень богаты, — сказал другой, — очень богаты! Я работал с одним человеком, который был сыном девадаси».

Танцовщицы в индийских храмах появились, по-видимому, в VIII—IX веках. О них ничего нет в трудах Ито

лемя, буддийских джатаках и в описаниях китайских путешественников, посетивших Индию в V—VII веках. Первые упоминания о девадаси появляются в пуранах (религиозных сочинениях) VIII—IX веков.

Надписи на стенах некоторых храмов в Бхубанешваре сообщают о дарении храмам красивых девушек. Например, надпись в Брахмешваре повествует о том, что Колавати, мать правителя Удьотакешари из династии Сомавамси, подарила храму нескольких «полногрудых и крутобедрых красавиц, руки и ноги которых были украшены золотом и драгоценными камнями».

В Ориссе их называют махари. Они делятся на три категории: певицы, музыкантши и танцовщицы. В храме Джаяганнатха они показывали свое искусство паломникам в нат-мандире (зале для танцев в главном храме), а некоторых пускали в святилище, где они развлекали богов. За свою службу в храме они получали землю от раджи и часть храмовой пищи от жрецов.

Красивым девушкам было трудно соблюдать запреты среди толпы праздных и сытых жрецов и родственников раджи. За «рабынями божества» закрепилась репутация «храмовых проституток».

Один из раджей Пури захотел положить конец храмовой проституции. Он издал указ о том, что махари могут выходить замуж за жрецов храма. Мальчики, родившиеся от такого брака, становились музыкантами, а девочки — танцовщицами. Однако общественное положение их не изменилось. Их по-прежнему называли проститутками, а их сыновей отказывались стричь и брить цирюльники города.

В наши дни в больших храмах Ориссы осталось мало девадаси. «Сказания об их горестях, — пишет Р. К. Дас в книге „Легенды о Джаяганнатхе в Пури“, — не закончились, когда правительство запретило институт храмовых танцовщиц. Их земли были отобраны раджей... В отчаянии некоторые из них нанялись няньками, иные занялись низким трудом, а некоторые просто умерли с голоду... Когда общество несовершенно в моральном отношении, зачем нужно осуждать девадаси и лишать божество удовольствия видеть их небесный тапец?»²¹.

Махари-танцовщицы в течение многих лет учились танцевать одиси — тапец, который сейчас известен во

всем мире. А танцевали они, по-видимому, замечательно. М. Мансинха, автор книги «Сага о земле Джаганнатха», видел танец девадаси в храме Джаганнатха, когда был еще мальчиком. «Она была совершенно арийской внешности, — писал он, — с красивым загаром, характерным для жителей Пури. С головы до ног увешана золотыми украшениями. Она казалась красавицей из средневековой поэмы. Примерно полчаса девадаси танцевала в полной тишине под простой, но возбуждающий аккомпанемент маленького барабана, на котором, возможно, играл ее гуру, пожилой человек. Разыгранное ею представление было изящным посвящением богу, когда она танцевала прямо против Джаганнатха в натмандире, около колонны Гаруды, где якобы ежедневно в течение восемнадцати лет великий Чайтанья источал свое сердце в слезах экстаза. И когда танец закончился, я был поражен зрелищем множества верующих, молодых и старых, мужчин и женщин, катавшихся по полу, где ступала нога танцовщицы»²².

После официального запрета на храмовую проституцию стало угасать искусство девадаси. Сейчас одиси исполняют лишь несколько профессиональных танцовщиц. Недавно, рассказывали мне, группа индийских кинематографистов специально приезжала в Пури, чтобы снять танец махари в храме Джаганнатха. Но они не нашли ни одной хорошей танцовщицы!

Сейчас в этом храме служит несколько девадаси — в газетах встречаются сообщения об их участии в праздниках храма.

Мне хотелось узнать о судьбе девадаси в других больших храмах Ориссы, и я уговорила одного из своих индийских друзей спросить жреца главного храма города Кендрапара, есть ли там девадаси.

Жрец ответил утвердительно.

— Откуда вы их берете? — был второй вопрос моего друга.

— Девочек часто приводят сами родители, — ответил жрец. — Бездетные пары просят бога послать им ребенка. Девочку они обещают подарить богу, мальчика же оставляют себе.

— Чем занимаются девадаси в храме?

— Они машут опахалом над божками, участвуют в процессиях, праздниках, поют, танцуют.

Нищета и ее постоянный спутник — невежество продолжают поставлять в большие храмы «рабынь божества».

Первоначально в храме было всего 36 служб. Со временем их число выросло до 250. Одни жрецы заняты в пудже, другие подают воду, третьи — цветы, четвертые приносят светильники, изготавливают «зубочистки» для богов, отгоняют мух, «врачуют» божков, музицируют и т. п.

Храм обслуживают около двух тысяч жрецов; 108 из них ежедневно обязаны быть на своем посту. Они делятся на две группы: брахманов и небрахманов. Жрецы объединены в ассоциации ниого, которые отвечают за работу своих членов и предлагают кандидатуры на вакантные должности.

Жрецы-брахманы заняты обслуживанием божков. Их предки, напомним, были приглашены царями Калинги.

Жрецы-небрахманы, или, как их называют, дайты, считаются потомками племени савара, которому первоначально якобы принадлежал Джаганнатх. Дайты ответственны за поиски деревьев для новых скульптур, за рубку и доставку бревен в храм. Они же втаскивают тяжелых идолов на колесницы во время праздника колесниц. Короче говоря, им поручают самую тяжелую и черную работу в храме. Во время пуджи им не положено приближаться к божкам.

Паломники-фанатики относятся к обеим группам жрецов храма Джаганнатха с одинаковым почтением. Раньше считалось большой удачей, милостью божьей, если кто-нибудь из жрецов ударял паломника бамбуковой палкой.

Общественное положение саура (поваров храма) тоже весьма высокое. Они произошли, по их словам, от браков брахманов с дочерьми дайтов.

В обычные дни у 200, по другим сведениям — 300 плит в храмовой кухне хлопочут более 600 сауров и немногим меньше помощников. Эта тысяча поваров ежедневно кормит около 10 тысяч человек, среди которых, согласно «Записям прав» храма, 1614 человек могут получать пищу бесплатно. К ним относятся главным обра-

зом жрецы храма. В праздничные дни поварам удается накормить 200 тысяч и более паломников. Поэтому храм Джаганнатха иногда называют «самым большим рестораном в мире».

Повара в храме готовят только вегетарианские блюда: отварной рис, гороховую похлебку (дал), которая употребляется как приправа к рису, тушеные и вареные овощи, рисовые лепешки. Полагают, что именно такой была традиционная пища населения древней Калинги и Уткалы до прихода туда мусульман, маратхов, англичан и бенгальцев. В храмовой кухне не используют пшеничную муку, картофель, помидоры, капусту, лук, чеснок, перец, специи и многие другие овощи и фрукты, неизвестные прежде в Восточной Индии.

Бенгальцы принесли в Ориссу не только свою культуру, но и кухню. Пища стала жирной и острой, можно сказать обжигающей. По контрасту с ней храмовая пища для европейского желудка кажется вполне приемлемой и вкусной.

Рис — исходный продукт для приготовления большинства блюд. И это понятно: рис — основная и чаще всего единственная пища большинства населения Ориссы.

Здесь произрастает множество сортов этого злака. Как-то ученые собрали со всего штата семена трех тысяч сортов риса, но, прорастив их, обнаружили, что один и тот же сорт имеет три, а иногда и больше названий. И все же обилие местных сортов не вызывает сомнения, что, по-видимому, послужило причиной создания в Катаке научно-исследовательского центра рисоводства, куда приезжают специалисты со всего мира.

Собирают урожай риса один, два, а в некоторых местах и три раза в году, в зависимости от возможностей орошения полей.

Рис очищают не сразу. Сначала принесенные с полей колосья выдерживают несколько дней на дворе, потом неочищенные зерна насыпают в большие глиняные кувшины (гхумо) и прячут в специальные кладовые (котхи). Женщины чистят рис раз в неделю и готовят лишь то количество зерна, которое необходимо для семьи за семь дней. Бедным крестьянам едва хватает или вовсе не хватает собранного урожая. В зажиточных домах, где рис всегда в избытке, не торопятся его очистить.

и съесть. Там предпочитают хранить его подольше — четыре, а то и пять лет, недавно собранный рис не такой вкусный, как рис прошлого или позапрошлого года. С годами улучшается не только вкус зерна, но и его усвояемость. По большим праздникам хозяйка богатого дома непременно извлечет из кладовой самый старый рис, отварит и подаст как главное блюдо.

Ория любят рис и едят его много. Есть люди, которых называют «едоками риса». На вопрос, сколько риса может съесть за один присест взрослый мужчина, мои знакомые отвечали: «У! Страшно даже себе представить! Некоторым мужчинам нужно сварить на обед полтора-два килограмма». Женщины порой в этом отношении не отстают от мужчин. В столовой общепития колледжа, где я жила, мне приходилось наблюдать за едой нескольких девушек 16—18 лет. Они наполняли плоскую металлическую тарелку диаметром 35—40 сантиметров рисом, придавливая его рукой, чтобы больше поместилось, и с видимым удовольствием за несколько минут уплетали ее всю, не оставив на блестящем дне тарелки ни рисинки.

Рассыпчатый рис, сваренный без соли и без масла, едят, смешивая его в тарелке с острой гороховой похлебкой и с вареными в остром соусе овощами (париба таркари). Но рис не обязательно едят горячим, он вкусен и в холодном виде. Если вымачивать его в воде в течение нескольких часов, добавить простокваши и пряности, то получится покхало — любимейшее блюдо ория. Покхало действительно вкусная еда, особенно в жаркие дни. Для приготовления его необходим какой-то особый рис. Из того сорта, что продается в Москве, как утверждают ория, работающие в Советском Союзе, покхало не получится «Рис должен дать сок», — говорят они.

Если неочищенный рис сплющить под специальным прессом (дхинки) и высушить на солнце, то получится чура. Особенно вкусна чура, залитая горячим молоком с кусочками банана.

Печень рецептов приготовления риса можно продолжать бесконечно, но речь здесь идет не о местной кулинарии, а о людях и их хлебе насущном.

Многие в этом штате едят только рис. Фрукты и молоко для них — роскошь, их дают лишь больным. В Ориссе полагают, что из-за некалорийного питания сла-

беет зрение. Это заболевание здесь называют чалисия, то есть болезнь сорокалетних («чалис» значит «сорок»).

В последние годы в городах по вечерам здесь едят зачастую не рис, а лепешки из пшеничной муки грубого помола, испеченные на раскаленной сковороде без масла или на металлической решетке на открытом огне. Но в деревнях это новшество не очень одобряют. Один из профессоров университета передал мне любопытный разговор, который произошел у него с брахманами его родной деревни, расположенной недалеко от Пури. «Был неурожайный год, — вспоминал он, — риса собрали мало. Я тогда выступил на собрании деревни и предложил им есть больше картофеля и изделий из пшеничной муки. Едят же в Европе картошку и хлеб! Но мои односельчане высмеяли меня. „Кому нужны картошка и хлеб! Пусть там в Европе и едят! Мы без риса не можем!“»

Если бы этот профессор предложил русским питаться в основном рисом, он наверняка услышал бы такой ответ: «Кому нужен этот рис? Пусть индийцы его и едят! Мы без хлеба и картошки не можем!»

Рис не только главная пища, но и составная часть всех обрядов. Рисом благословляют молодоженов. Жрец на церемонии бракосочетания посыпает головы молодых сырым рисом, причем для этого отбираются только целые, без единого дефекта зерна. Благословение таким зерном должно принести молодой семье счастье и долголетие. Рисовые зерна бросают в огонь во время пуджи по случаю какого-либо религиозного праздника. Словом, рис — это не только пища, но и элемент духовной жизни индийцев.

К глиняным горшкам, в которых варится бхога, прежде чем они пройдут весь путь от кухни до богов, никто, кроме поваров, прикасаться не должен. Если же это случится, то пищу выбрасывают. Партнию бхоги уничтожают и в том случае, если на территории храма будет замечена хоть капля крови или кто-нибудь умрет.

Кроме жрецов и поваров в храме работают двести чиновников, охранники, музыканты и тысячи гидов. В настоящее время управляют всем этим сложным хозяйством государственные чиновники. Чтобы понять, каким образом храм оказался под контролем правительства штата, придется вновь обратиться к его истории.

Хотя на первый взгляд религия и политика столь противоположны и противоречат одна другой по своим принципам, на самом деле они неплохо уживаются друг с другом, как только заключат между собой союз и дружбу.

*Жан Мелье*²³

Несколько веков после постройки храма Джаганнатха в Ориссе шла постоянная борьба за власть между правителями государства и жрецами храма. Последние вмешивались в дела, связанные с наследованием престола. Известно, что царь Капилендра (1435—1467) заплатил жрецам храма огромную дань в виде золота, серебра, дорогих тканей и земельных пожалований, по всей вероятности, за помощь в узурпации трона. Царь, которому подчинялась почти вся Восточная Индия и который 27 лет провел в военных походах, согласился на титул севака, то есть слуги Джаганнатха!

Следующий могущественный правитель Ориссы и многих других районов, расположенных на восточном побережье страны, Пурушоттам (1467—1497), был младшим сыном Капилендры. Хроники храма умалчивают о том, каким образом Пурушоттам захватил трон. Зато записан один случай из его жизни. Однажды Пурушоттам зашел в храм Джаганнатха и попробовал там лепешку, которая пришлось ему не по вкусу. Он приказал арестовать повара, испекшего неудачную лепешку. Однако наутро царь распорядился выпустить и наградить повара. Оказывается, ночью царю приснился сам Джаганнатх, который осудил его поступок. Этот эпизод как бы подчеркивает тщетность попыток правителей вмешиваться в дела храма. Жрецы могли от имени божества пустить по стране любой слух. Царь был у них в руках.

Если Капилендра согласился на статус слуги, то Пурушоттам опустился еще ниже. Он стал «подметальщиком» у Джаганнатха. В обязанность царя вошла ежедневная церемония чхерапахара (подметания колесниц Джаганнатха, Балабхадры и Субхадры).

Подшло время продолжить легенду об участии богов Джаганнатха и Балабладры в войне, которую вел один из царей Ориссы. В нат мандире храма Джаганнатха изображен царь Пурушоттам, который был влюблен в дочь правителя Канчи (Канчипурама). Пурушоттаму было отказано в руке прекрасной Рупамбики под тем предлогом, что царь во время ратха джатры выполняет недостойную его сана работу. (Подметальщики, уборщики всегда в Индии находились в самом низу кастовой иерархии.) Царь Ориссы собрал войска и пошел войной на Канчи. Он одержал победу, так как ему помогали сами боги. Девушку привезли в Ориссу, но царь отказался на ней жениться. Он приказал министру отдать ее в жены первому попавшемуся подметальщику. Министр, проникнувшись жалостью к красавице, обманул царя. Когда Пурушоттам подметал колесницу, министр подвел девушку к нему и сказал: «Выполняя волю моего повелителя, я отдаю тебя, Рупамбика, замуж за подметальщика». Насколько достоверна эта история, установить трудно. Известно только, что Пурушоттам действительно успешно воевал против Канчи и был женат на Рупамбике, дочери правителя этого южного государства. Эта легенда — один из наиболее известных сюжетов национального фольклора Ориссы.

Пурушоттам был хитер, поскольку ему удалось все-таки ослабить власть жречества и объявить себя воплощением Вишну. Он использовал для своих целей противоречия между жрецами-брахманами и жрецами-небрахманами. Царь Пурушоттам канонизировал все ритуалы в храме, отдав предпочтение брахманам и оттеснив небрахманов на вторые роли. Объяснял он эти действия тем, что паломники, привыкшие видеть во всех других храмах Индии на службе около богов только брахманов, были недовольны присутствием в храме Джаганнатха низкорожденных. Таким образом жрецы из касты брахманов стали опорой царя. Для них он построил 15 особых деревень в окрестностях Катаки, им он пожаловал земли и привилегии.

Прагараудра (1497—1540) тоже попытался внести изменения в службу храма. Он хотел отменить чтение в храме «Гитаговинды» и заменить ее сочинением своего отца Пурушоттама, которое также рассказывает о любовных играх Кришны. Но жрецы дали отпор этим при-

тизациям. Царю удалось несколько укрепить свой престиж благодаря покровительству Чайтанье.

Последний из независимых царей Ориссы — Мукунда Дева I (1557—1568) заключил с императором Великих Моголов Акбаром договор против султана Сулеймана, правившего Бенгалией. Через три года после подписания этого договора, в 1568 году, Мукунда Дева I был убит. Тогда же, как уже упоминалось, были сожжены идолы в храме Джаганнатха.

С 1590 года Орисса вошла в состав империи Великих Моголов. В это же время с ведома Моголов был выбран новый царь Ориссы. Им стал раджа княжества Кхурда Рамачандра Дева, при котором были сделаны новые идолы и служба в храме возобновилась.

Положение царей — выходцев из княжества Кхурда было непрочным. Другие князья почти не признавали верховенства князя Кхурды и претендовали на трон.

Раджа Кхурды Нарасимха Дева (1623—1647) сумел поднять собственный престиж тем, что усилил свое влияние в храме. Была составлена книга ритуалов. Часть ритуалов храма совершалась с участием раджи в его дворце. В правление Нарасимхи Девы были также установлены нормы, по которым после каждой церемонии в храме радже относили определенное количество храмовой пищи. Сейчас эта часть продается паломникам, деньги идут радже Пури.

Нарасимха Дева построил себе дворец в Пури и позднее стал называться раджей не Кхурды, а Пури.

Он назначил своего человека администратором и контролером храма. Слуги храма обязаны были работать и у него во дворце. Нарасимха Дева связал судьбу храма с судьбой раджи Пури, и эта связь оказалась прочной. Раз установившаяся традиция в дальнейшем никогда не менялась.

Но эти реформы не прошли даром Нарасимхе Деве. Его убили. В заговоре был замешан жрец храма Джаганнатха.

Несмотря на сопротивление жречества, процесс слияния светской и духовной власти шел успешно.

Однако, когда в 1751 году маратхи захватили Ориссу, они не только лишили раджу Пури значительной части его земельных владений, низведя его тем самым до положения рядового князя, но и отстранили его от

управления храмом, назначив туда своих чиновников. Все это имело целью подорвать влияние раджи Пури на местное население, поддержкой которого тот мог бы воспользоваться в противодействии завоевателям, а может быть, даже в организации восстания против них.

Неудивительно, что позднее раджа Пури Мукунда Дева II (1795—1817) помогал англичанам в войне против марагхов. Он требовал за свою помощь вернуть ему территории, отобранные марагхами у его предка сорок лет назад. Но англичане обманули его надежды. Тогда Мукунда Дева II вступил в заговор с марагхами и раджами некоторых княжеств против англичан. Это стало известно английским властям, раджу арестовали, а его княжество конфисковали. Так были пресечены всякие поползновения со стороны раджей Пури на титул царя Ориссы.

После пятилетнего пребывания в тюрьме раджу Пури освободили и сделали главой храма. Ежегодно ему выплачивали одну десятую часть его прежнего дохода. Колониальная администрация была вынуждена пойти на это, так как в отсутствие раджи богослужение и другие функции храма нарушались. В храме начались беспорядки. Жрецы грабили паломников, не выполняли свои служебные обязанности и т. п. Это грозило сокращением числа паломников и, следовательно, получаемых от них доходов.

Храм Джаганнатха сыграл странную роль в захвате Ориссы англичанами. Перед началом военных действий англичане были хорошо осведомлены о значении храма для местного населения и о доходах от паломничества. Дж. Мелвилл, будущий комиссар Катаки, писал: «...во всех случаях, если рассматривать вопрос о значении ценного приобретения — провинции Катака, — следует особо иметь в виду контроль над храмом Джаганнатха. В политическом аспекте его ценность просто не поддается определению, и он мог бы быть очень важным источником доходов для государственной казны, так как при покровительственной политике британского правительства число паломников могло бы настолько возрасти, что трудно было бы даже сравнить прежнюю сумму налоговых поступлений с той суммой, которую можно было бы ожидать. Если исходить из достаточно осторожной оценки, эта сумма могла бы составить ежегодно восемь

лакхов (1 лакх равен 100 тысячам единиц. — *Н. Р.*) против двух прежних»²⁴.

Принимая все это во внимание, англичане заставили известного религиозного деятеля Бенгалии Джаганнатха Таркапанчанана написать письмо членам панчаята (совета) храма Джаганнатха, в котором он убеждал последних принять покровительство иноземцев. Английским войскам был дан приказ ни в коем случае не оскорблять религиозных чувств жрецов храма и паломников.

Храм принял условия англичан. В донесении генерал-губернатору Ост-Индской компании говорится: «Брахманы храма посовещались, обратились с вопросом к самому Джагернауту: „Кто будет теперь покровителем храма?“ — и получили ответ. Идол без колебаний ответил, что в будущем английское правительство станет их (жрецов. — *Н. Р.*) покровителем»²⁵.

Об этом «ответе» Джаганнатха и о решении храма не сопротивляться англичанам сообщили всем раджам Ориссы. Когда армия во главе с Хэркартом подошла к Пури, жрецы храма Джаганнатха вышли ей навстречу.

В 1804 году, через год после захвата Ориссы, англичане позаботились, чтобы праздник колесниц в Пури прошел гладко, дабы не появилось ни малейшего повода говорить о недовольстве идола новой властью. Еще через год на этот праздник приехал Хэркарт, командующий войсками, захватившими Ориссу. Брахманы храма встретили его криками приветствий и рукоплесканиями. Ему жрецы вручили послание, в котором его называли «подобным солнцу, заставляющему цвести лотосы, представителем английского народа, защитником бога, брахманов и вишнуитов...»²⁶. Восемнадцать махантов и два жреца храма подписали это послание. У жрецов и у англичан были общие интересы. Власть чужеземцев обеспечила безопасность храма и паломников в городе, упорядочила систему взимания сборов с паломников.

В Пури были установлены два пропускных пункта: один — на северной, другой — на южной окраине города. Чтобы привлечь паломников из Южной Индии, с них брали меньше. Все паломники подразделялись на несколько категорий. К высшей категории относились лал джатри (красные паломники). Они платили на южном пропускном пункте шесть рупий, а на северном — де-

сять. Сверх того, они должны были давать по две рупии сопровождавшему их брахману. Если лал джатри желал зайти в храм самостоятельно, он должен был платить еще десять рупий. Ему позволялось жить в Пури до 30 дней, после чего с него снова брали деньги.

Паломники другой категории — победнее — назывались ним лал джатри (красные паломники низкого разряда). Они платили три-пять рупий в зависимости от расположения пропускного пункта. Им разрешалось проживать в Пури всего четыре дня, за каждые дополнительные четыре дня они платили особо.

Следующая категория паломников — бху ранг — цвета земли состояла из крестьян; с них взимали две рупии и шесть анн.

Освобождались от паломия только сипаи Ост-Индской компании, слуги англичан, жители Пури и нищие. Последним позволялось быть в Пури всего три дня. Продолжительность пребывания паломников в городе ограничивалась, чтобы предотвратить чрезмерное скопление народа и несчастные случаи в храме.

В храм не пускали проституток, торговцев вином, корзишников, рыбаков, кожевников, ткачей, прачек, птицеловов, заклинателей змей и лиц других профессий, которыми обычно занимаются «неприкасаемые», или, как сейчас их принято называть, хариджане. Это правило соблюдается и по сей день. За его выполнением следили и теперь продолжают следить гиды паломников.

Когда Махатма Ганди приехал в Пури, он в знак протеста против этого запрета отказался войти в храм Джаганнатха. Однако его супруга не удержалась и вошла туда. Мне сказали, что Махатма Ганди был тогда очень недоволен поведением жены.

Англичане собирали деньги с паломников также в Гайе, Праяге, Тирупати и Пуне. За 22 года Ост-Индская компания получила с этих мест паломничества более миллиона фунтов стерлингов. В 1840 году, несмотря на протесты жрецов храма Джаганнатха, англичане отменили поборы с паломников. В хрониках храма тот год отмечен как год несчастий: сильный ураган погнул чакру (колесо, завершающее вишнуитские храмы) на куполе и отворил двери храма. Жрецы истолковали происшествие как знак того, что сам Джаганнатх не одобрил решение английской администрации.

Британское правительство было вынуждено пойти на такой шаг под давлением общественности в Англии, после дебатов в парламенте и оживленного обсуждения этого вопроса в газетах.

А начали кампанию против поборов с пилигримов и против вмешательства англичан в дела храма Джаганнатха английские миссионеры. Их стараниями Джаганнатх в литературе на европейских языках стал синонимом чудовища.

В 1813 году христиане-миссионеры получили разрешение проповедовать в Индии. В 1821 году преподобные Бэмpton и Дж. Пеггс с семьями прибыли в Ориссу. Через год в Катаке была открыта христианская часовня, среди местного населения появились первые христиане.

Спустя два года после приезда в Ориссу Бэмpton переселился в Пури, чтобы, как он сам заявил, «нанести удар идолопоклонству под самый его корень». Через пять лет Бэмpton умер. Пеггс тоже не выдержал испытаний. Потеряв всех своих детей, он вернулся в Англию и оставшуюся жизнь посвятил борьбе против того, чтобы английская администрация в Индии покровительствовала религиозным учреждениям «идолопоклонников». Он печатал памфлеты и книги, выступал на собраниях и т. п. Его книга «Индия взывает к британской гуманности» наделала много шума в Англии и привлекла внимание общественности к храму Джаганнатха.

Шумиха вокруг индуистских идолов объяснялась, по-видимому, прежде всего тем, что деятельность европейских миссионеров в Индии в то время окончилась полным провалом. «Что же касается индусов исповедания Браммы, — пишет русский индолог Тарасенко-Отрешков, — исповедания, столь сроднившегося с их нравами и обычаями, то, не говоря уже о невежестве и глубокой преданности их своей вере, одно существование каст, до сих пор столь еще могущественное, составляет большое препятствие к обращению индусов в христианство, особенно у касты браминов, то есть высших сословий; потому что одно уже принятие христианства имеет неизбежным следствием потерю всякой касты, потерю, составляющую и в нравственном, и в семейном, и даже в политическом быту индусов величайшее наказание и несчастье.

Посему преимущественно обращаются в христианст-

во индусы из касты париев. Но и число их, по удостоверению некоторых, простирается по всей Индии в год только от 200 до 300 человек. Притом и эти новообращенные суть христиане только по имени: они нисколько не оставляют ни обрядов своего идолопоклонства, ни своих воззрений. Сверх того большая часть из них, — приняв христианство по какому-либо настоянию, а часто и вовлекаемые к тому наградою, — едва отдалится от миссионера, как снова обращается к прежнему своему исповеданию»²⁷.

Можно предположить также, что рядовой индус относился к индийским христианам как к представителям особого направления индуизма. Образы Христа и богородицы имеют параллели в индуизме и потому могли вызвать в душе индуса понимание и почтение. Возможно, именно поэтому индуистские реформаторы прошлого века неоднократно пытались создать новую веру, включающую в себя постулаты как индуизма, так и христианства. Подобная попытка была предпринята и в Ориссе. Проповедник Сундар Дас из Куджибара (1730—1838) хотел создать «синтез христианства и культа Джаганнатха». Известный общественный деятель штата Х. Махтаб в «Истории Ориссы» пишет, что его усилия не увенчались успехом, хотя его трактовка Библии и получила высокую оценку христианских миссионеров²⁸.

Об одном из фактов влияния англичан на духовную жизнь Ориссы упоминает английский этнолог Дж. Фрезер в книге «Золотая ветвь». В прошлом веке в Ориссе существовала религиозная «секта, которая при жизни покойной королевы Виктории поклонялась ей как главному божеству»²⁹. Появление этой секты связано, вероятно, с «решением» Джаганнатха подчиниться власти англичан. Сейчас этих «викториан» в Ориссе нет.

В отличие от жрецов храма раджи Пури, видимо, тяготились зависимым от англичан положением. «Здесьшний раджа (находящийся отчасти под надзором англичан) ненавидит европейцев»³⁰, — отметил в своем дневнике князь А. Д. Салтыков, посетивший Пури в 1845 году. По сути дела англичане превратили раджу в высокооплачиваемого чиновника, который волен распоряжаться лишь в пределах храма.

Наблюдение за своевременным и правильным выполнением жрецами храма всех ритуалов входило в тради-

ционно сложившиеся обязанности раджи. Он должен был ходить в храм каждый день и сидеть в месте, которое называется бехаран пинда. Раджа отвечал также за сохранность сокровищницы храма. Он назначал четырех паричха (чиновников) и жрецов на вакантные должности, если у жрецов не было наследников. Раджа имел право наказывать жрецов и слуг храма. Он мог лишить провинившегося жреца его доли храмовой пищи или оштрафовать. За более тяжкие прегрешения, такие, как кража храмовой собственности или ложь, жрец мог получить два наказания: сева банда (отстранение от службы) и деула банда (запрет входить в святилище).

Сохранились письма раджи Вира Кесари Девы (1737—1773) к паричхам храма, в которых описываются разные провинности жрецов. Например, жрец, в обязанности которого входило нести опахало над божеством, сломал палку опахала, когда бил ею паломника. За сломанную палку с него взыскали штраф. Другой случай касался кражи девяти лепешек с кухни. Еще одного жреца оштрафовали за то, что плита в кухне оказалась грязной.

Не все раджи выполняли свои обязанности должным образом, моральные качества некоторых из них были весьма далеки от того идеала, с которым у верующего связывались представления о «живом Вишну».

В 1859 году раджа Пури Кишор Дева умирал в своем дворце, что вызвало тревогу в городе, поскольку у него не было наследника, который бы мог выполнять ритуалы в храме, предписанные радже. За несколько часов до кончины была проведена церемония усыновления четырехлетнего Дивья Сингха Девы — сына раджи княжества Кимеди. Сурьямани Патамахадеи (рани), вдова умершего раджи, стала воспитательницей мальчика, но она о нем даже не вспоминала. Мальчик рос без материнского присмотра, скоро пристрастился к наркотикам, слишком рано почувствовал полную безнаказанность. Он раздавал за взятки должности в храме, игнорируя наследственное право жрецов, садистски избивал слуг, дебоширил — словом, вел себя неподобающе. Жрецы неоднократно жаловались на него английскому комиссару Рэйвеншоу, но тому не разрешили вмешиваться в дела храма. В 1877 году Дивья Сингх Дева стал раджей, а через год его выслали на Андаманские острова.

Дело было так. Мачеху молодого раджи все же стало беспокоить поведение ее приемного сына, особенно ей не нравилась его привычка избивать слуг тяжелыми палками. Она послала за садху (аскетом) Шивой Дасом и попросила его вылечить раджу от бешенства. Садху обещал помочь. Слух об этом пошел по городу, долетел он и до раджи. Двое слуг, посланных Дивьей Сингхом Девой к садху, позвали последнего во дворец якобы для помощи некоему больному. Садху отправился во дворец вместе с учениками, но тех не пустили на порог. Шива Дас вошел один. Его провели в сад, схватили и четыре часа кряду над ним садистски издевались. Почти бездыханное тело садху было брошено на улице около дворца. Там его подобрали ученики и отнесли в больницу. Перед смертью Шива Дас все рассказал представителям администрации города. Раджу и его слуг, участников расправы, судили и выслали на Андаманские острова. Там бывший раджа вскоре сошел с ума.

После него остался сын, опекуней которого вновь стала рани Сурьямани Патамахадеи. Теперь англичане зорко следили за развитием мальчика, посылали наставнице письма, в которых выговаривали ей за плохое воспитание приемного внука, советовали, какого учителя лучше взять, объясняли, как должен вести себя молодой раджа, и т. п. Один английский чиновник даже составил для него распорядок дня.

Рани Сурьямани Патамахадеи, как и прежде, не интересовалась ни внуком, ни делами храма. До совершеннолетия мальчика она обязана была управлять храмом Джаганнатха, однако не только не заходила туда, но и вообще не появлялась на людях, а все распоряжения передавала через слуг. Без должного контроля и организации в храме участились случаи гибели людей в давке. После долгих колебаний англичане решили взять управление храмом в свои руки, то есть назначить ответственного перед ними индийского чиновника.

Когда объявили о назначении временного суперинтенданта храма, в городе появились признаки недовольства. Началось движение в поддержку прав рани. Поговаривали о том, что, дескать, «авторитет храма Джаганнатха находится под угрозой».

Вдова подала в суд, а дело против английской администрации поручила вести Мадхусудан Дасу, который

среди жителей Ориссы стал первым адвокатом, а позднее и министром.

Мадхусудан Дас был одной из самых ярких личностей в истории штата. Родился он в 1848 году в индусской семье среднего достатка. В студенческие годы он сам, без чьего-либо давления, принял христианство и посвятил свою жизнь борьбе за равенство всех религий. Но главное, за что боролся М. Дас, было создание отдельной провинции Орисса. Когда лидеры Национального конгресса не поддержали требования Ориссы отделить ее от Бенгалии, Дас вышел из партии. Он работал адвокатом, читал лекции в колледже имени Рэйвеншоу, писал патриотические стихи. Сначала он открыл фабрику серебряной филигрании и даже ездил в Европу с целью привлечь внимание европейцев к искусству Ориссы, затем построил обувную фабрику, чтобы улучшить материальное положение «неприкасаемых» кожевников и доказать всей стране, на что способен народ его родины.

За какое бы дело Дас ни брался, он отдавал ему всю силу своей души, всего себя. А хотел он только одного — процветания маленького народа ория, славы Ориссы.

М. Дас считал, что характер он унаследовал от бабушки, которая сама бросилась в погребальный костер умершего мужа. Решительность в действиях, самоотверженность, бескорыстие (Дас поддерживал материально и местное ремесло и местный национальный театр) привели к тому, что он разорился и сильно подорвал здоровье. Последние годы жизни он работал в районном суде.

И вот такому человеку с твердым характером и недурным темпераментом рани Сурьямани Патамаха теи поручила вести судебное дело Мадхусудан Дас выиграл процесс. Возможно, дело решили не только ум и способности адвоката, но и страх англичан перед ростом недовольства местного населения английским господством. По-видимому, жрецов храма устраивало правление рани.

М. Дас стал национальным героем Ориссы. После окончания процесса население Пури вышло встречать его далеко за город. По городу его несли в золотом панкине, принадлежащем радже Пури. В торжественном

шествии участвовали тысячи местных жителей, которые славили Даса за «спасение храма от христиан», забыв о том, что сам он был христианином.

Но вернемся к менее ярким личностям в истории Ориссы — раджам Пури. Приемный внук рани Мукунда Дева подрос, но делами храма заниматься не пожелал. Управляли храмом чиновники, назначенные англичанами. В то время жрецы, видимо, согласились с решением властей.

В 1926 году раджей Пури стал Рамачандра Дева, но и ему до храма не было никакого дела. Он имел немалый доход — 80 тысяч рупий в год и подарки от паломников, и ему незачем было ходить в храм и разбираться в сваре жрецов.

В 1954 году был опубликован «Акт о храме Джаганнатха», который вступил в действие спустя почти год. Согласно акту, правительство молодой Республики Индии брало на себя все заботы по управлению храмом. Рамачандра Дева подал в суд, но его жалобу отклонили.

Сейчас раджа Пури является сопредседателем так называемого Руководящего комитета храма, за что получает тысячу рупий в месяц. Но главный доход (125 рупий в день) поступает от продажи паломникам его части храмовой пищи. Кроме того, сотни тысяч паломников, приезжающих в Пури каждый год, следуя традиции, дарят ему деньги и ценные вещи.

До сих пор раджу Пури зовут «живым Вишну». Предполагается, что он не должен общаться с простыми смертными. Но последние раджи любили путешествовать и жить в гостиницах, где контакты с «низкорожденными» неизбежны. А отец нынешнего раджи, покойный Виракесари Дева III в молодости любил, например, играть в футбол — занятие отнюдь не предполагающее уединения.

Хотя раджа Пури и входит в Руководящий комитет храма, решающее слово в работе этого органа принадлежит государственным чиновникам. Комитет состоит из коллектора города Пури (сопредседатель), администратора храма (он же исполняет обязанности секретаря комитета), комиссара, ведающего пожертвованиями верующих храму, и еще семи членов. Среди последних в работе комитета участвуют представитель Мукты мандапы (Верховного совета по вопросам отправления культа),

представитель монастырей Пури и четыре жреца. Должность сопредседателя для раджи — наследственная, а коллектор занимает ее временно — пока выполняет свои гражданские обязанности в городе. Остальных членов назначает правительство штата сроком на три года.

Раньше основной доход храму приносили его земельные владения. Специальные чиновники ездили по деревням и собирали арендную плату с крестьян, работавших на землях храма. После земельной реформы 1974 года, проведенной правительством штата под давлением левых сил, эта статья дохода резко сократилась и составляла в последующие годы приблизительно 9 процентов. В начале 1980 года храм имел 495 акров пахотной земли и земельные участки в городах (только в Катаке ему принадлежат 38 акров). Из газетных сообщений известно, что арендаторы задолжали храму 800 тысяч рупий и что некоторые бывшие чиновники храма присвоили себе его земли в городах.

В настоящее время продажа изделий храмовой кухни стала, по-видимому, основной статьей дохода. Группе западногерманских и местных историков, с 1970 по 1975 год проводивших в Ориссе исследования в рамках программы Гейдельбергского университета, не удалось даже приблизительно установить сумму доходов от продажи пищи в храме Джаганнатха. Поступают в казну храма деньги и от продажи риса, а также кокосов, выращенных на храмовой земле; еще она пополняется благодаря частным пожертвованиям. Названная выше группа ученых отметила, что в последние годы общая сумма пожертвований заметно снизилась. Люди подозревают, что жрецы часть денег присваивают себе и поэтому не очень-то спешат с ними расстаться. Не помогает даже объявление о том, что пожертвования можно вносить в любое отделение государственного банка Индии.

Ежегодно храм получает несколько тысяч рупий от продажи на аукционе права охранять при входе обувь, что делает специальный служащий, а также права продавать на территории храма светильники, цветы, фотографии с картинок религиозного содержания и книги.

Несмотря на разнообразие источников поступления средств в казну храма, расходы всегда превышают доходы. Дефицит восполняется из финансов штата.

Сейчас храм Джаганнатха, с завистью поглядывая

на более богатые храмы Индии, старается приспособиться к новому, капиталистическому укладу. Он приобрел молочную ферму и автобус. Может быть, это лишь первые несмелые шаги и, надо полагать, не последние, ибо храму Джаганнатха есть с кого брать пример. Взять для сравнения хотя бы храм Венкатешварам в Тирупати, который располагает 120 автобусами для обслуживания паломников и большой молочной фермой. Он получает доходы от множества гражданских предприятий, контролирует 30 учебных заведений, включая университет. В 1971 году доход храма в Тирупати составил почти 92 миллиона рупий, в то время как доход храма Джаганнатха — всего 800 тысяч. И тем не менее его хозяйство постепенно модернизируется.

Местное правительство пытается ускорить этот процесс. В марте 1980 года в газете «Самадж» («Общество»), издающейся в Катаке на языке ория, публиковались рекомендации, как улучшить управление храмом, выработанные специальной комиссией из восьми человек, среди которых были губернатор Ориссы Б. Д. Шарма, бывший главный министр штата Харекрушна Махтаб, известный общественный деятель и главный редактор газеты Радханатх Ратх, раджа Пури Дивья Сингх Дева и другие видные политические и общественные деятели Ориссы. Согласно этим рекомендациям, правительство штата должно создать фонд с капиталом 50 миллионов рупий, вложить эти деньги в государственные банки страны и использовать банковский процент с этой огромной суммы на содержание храма, на улучшение обслуживания паломников и т. п.

Как же будут собраны эти деньги? Правительство штата намеревалось обратиться ко всем индийцам, живущим в стране и за ее пределами, с просьбой пожертвовать деньги в фонд храма. При этом будет объявлено, что любой дата (на санскрите, хинди, ория и некоторых других языках Индии означает «дающий», «щедрый», «благодетель», «жертвователь»), который внесет в фонд храма 100 тысяч рупий, может при желании стать членом правления фонда. Кроме того, правительство обещало снизить подоходные налоги всем, кто примет хоть какое-то участие в создании фонда. Комиссия рекомендовала распродать оставшуюся храмовую землю и «лишние драгоценности» из сокровищницы, то есть те золо-

тые и серебряные украшения, а также драгоценные камни, которые не используются для украшения идолов во время храмовых праздников. Есть рекомендация, касающаяся взыскания недоимок с арендаторов. Поскольку храм в настоящее время — государственное учреждение, комиссия рекомендовала передавать в фонд храма Джаганнатха средства, получаемые от распродажи государственных земель. И наконец, было решено организовать продажу фотографий идолов и «Альманаха» (периодическое издание, освещающее главные события и праздники в храме), с тем чтобы весь доход шел в фонд храма.

Мне много раз приходилось слышать, как жители Ориссы называли храм Джаганнатха государственным предприятием. Определение весьма точное, лучше не придумаешь, особенно если ты слышал прямые репортажи из Пури во время больших праздников, передаваемые государственной радиостанцией, или читал в газетах о расходах правительства штата на покупку леса для колесниц.

Истинным раздольем и лучшим поприщем для обмана является область неизвестного.

*Монтень*³¹

Храм Джаганнатха отмечает 62 праздника, из которых 24 считаются главными. Только в некоторых из них большие идолы принимают непосредственное участие, а в остальных их представляют «заместители», человекоподобные металлические скульптуры меньше метра высотой — Маданмохан («очаровывающий красотой») и Долговинд («дол» — «паланкин», Говинд — одно из имен Кришны).

В праздник колесниц, о котором подробно будет сказано ниже, идолов везут в храм Гундичи — на противоположный конец центральной улицы Пури. Присутствие при этом зрелище обеспечивает «спасение» верующему: его душа не родится вновь на этой немилосердной земле.

За 17 дней до праздника колесниц состоится снана джатра (праздник купания). Идолов выносят из святилища и ставят на платформу у внешней стены. Их можно видеть с улицы. В тот день на них выливают 108 кувшинов воды. Ее берут из специального колодца, расположенного на территории храма около северных ворот. Им пользуются только раз в году, во время снана джатры. Деревянные раскрашенные божки после купания полностью теряют свои «черты лица», так как краска смывается. Их уносят в особое помещение на 15 дней, а паломникам сообщают, что Джаганнатх, Балабхадра и Субхадра «простудились, больны гриппом». В эти дни дайты заново раскрашивают идолов, готовят их к празднику наваджавана (новой молодости) и к празднику колесниц.

Наваджавана отмечается за два-три дня до праздника колесниц. Вновь раскрашенных идолов показывают

верующим, которые встречают своих любимцев криками восторга и умиления.

Чандан джатра (праздник сандаловой пасты) празднуется вне храма в течение 21 дня. На это время улицу, ведущую от храма до водоема Нарендра, украшают: ведь по ней каждый день проносят Маданмохана, маленькие скульптурки богинь Лакшми и Сарасвати. Их ставят на убранную цветами и флагами лодку и катают по водоему. Идолов ублажают не только катанием, но и песнями и танцами девадаси. Головы скульптурок мажут сандаловой пастой. Считается, что если помазать ею лоб, то головная боль от перегрева на солнце проходит.

«Заместитель» Джаганнатха — Долговинд участвует в весеннем празднике холи. Его выносят во двор храма, ставят на качели, сделанные специально для этого события, и качают, как ребенка.

В определенный день на идолов надевают множество золотых украшений, и этот день называется суна беса (золотая одежда). Фигуры так перегружены золотом, что видны только их носы и глаза.

Ряд праздников связан с представлениями индусов о сотворении мира Вишну, который в перерыве между продолжительными снами создает или разрушает Вселенную. Первый из них — саяна утсава (праздник сна богов). Заместителей главных идолов несут в богато украшенную спальню и кладут в роскошные постели. Жрецы поют гимн: «О бог, пожалуйста, спи на благо Вселенной!».

Спустя несколько дней наступает праздник бхадра пада (шестой месяц индийского календаря — соответствует августу—сентябрю), когда божков просят «перевернуться на бок». Жрец их сам переворачивает с положенными в этом случае церемониями. И вот приходит месяц картик (октябрь—ноябрь), когда идолов будят («сон» начинается в июне—июле).

В наванна джатру (праздник нового риса) верующий должен обойти главный храм девять раз, после чего съесть что-то вроде пудинга или лепешки из рисовой муки.

В тропическом климате изделия из дерева быстро портятся. Недолговечны и идолы, поэтому их меняют. Замена должна происходить в месяце асадхе (июнь—

июль). Управляющий совет храма за год до этой процедуры принимает соответствующее решение. Поиски деревьев для новых скульптур начинаются на десятый день чайтра (март—апрель). В тот день три группы дайтов отправляются в храм и ждут у двери, когда главам групп вынесут и наденут на грудь гирлянды цветов, снятых с идолов. Затем кладовщик храма выдает им по 6 метров шелковой ткани, а остальным двадцати пяти дайтам — по два метра. Ткань выдается также писарю храма, надзирателю за ритуалами, двум жрецам, четверем плотникам и слуге, носящему символ Вишну. Все они, за исключением семи оставленных в резерве дайтов, пойдут в лес. К ним присоединятся только несколько пуджапандов.

Прежде всего группа направляется к дворцу раджи Пури, расположенному недалеко от храма. Раджа выходит на крыльцо и выносит два металлических блюда с кокосами, орехами, золотом, цветными нитками и рисом. Все вручается брахманам и дайтам. Этой церемонией раджа дает команду начать поиск деревьев.

Но перед тем как пойти в лес, дайты проводят один-два дня в монастыре Джаяганнатха—Баллабха-матх в Пури, где готовятся к походу. Затем, пройдя пешком 50 километров, они останавливаются в городе Какатпуре и живут на территории развалин монастыря Деули-матх, под сенью деревьев. Оттуда дайты ходят в местный храм богини счастья Мангалы, одаривают ее и просят указать, где находятся нужные для изготовления новых идолов деревья. Богиня должна сообщить их местонахождение одному из жрецов во время его почного сна. Если в течение трех дней Мангала никому не приснится, то, значит, ей необходима интенсивная пуджа. Богиню буквально засыпают цветами. Первый упавший с нее цветок указывает направление, в котором нужно искать первое дерево. В 1969 году дайты потратили восемь дней на поиски четырех деревьев. (Четвертое пошло на изготовление Сударсана, деревянного столбика, который стоит в святилище рядом с тремя главными идолами.)

Выбор деревьев для Джаяганнатха, Балабхадры, Субхадры и Сударсана — дело непростое. Особенно тщательно подбирается оно для Джаяганнатха. Нужны высокие толстоствольные деревья с горькой на вкус древесиной. Таким в Северной Индии является ним, или

нимбо. Дерево для Джаганнатха должно иметь четыре ветви, быть красивым и не расти в деревне; на нем не должно быть ни гнезд, ни птиц, ни следов огня и грязи, другие деревья не должны закрывать его своими ветвями. На коре должны быть видны знаки Вишну: колесо, лотос, раковина и жезл. Жрецы внимательно разглядывают кору, и их воображение помогает отыскать нужные знаки. Около дерева должна лежать живая кобра.

Дерево для скульптуры Балабахдры должно иметь семь ветвей и ствол беловатого оттенка, так как этот бог белолиц. Для желтолицей Субхадры ищут дерево с пятью ветвями и желтой корой. Для Сударсана подходит дерево с тремя ветвями и красноватой корой.

Весной 1969 года местные газеты сообщили, что жрец храма Джаганнатха, проведя день в храме Мангалы, ночью увидел во сне дерево для главного идола. Оно находилось в лесу около города Кхурда, куда и отправились дайты на следующее после «вещей ночи» утро. Путь немалый. И весь его нужно пройти пешком, так как дайтам в подобных обстоятельствах никакими видами транспорта пользоваться нельзя. Они нашли в том лесу нужное дерево, что подтвердили и журналисты, посланные редакциями газет на место «главного события дня». (За 9—12 лет, которые проходят между сменой идолов, можно подыскать подходящее дерево и без помощи богини счастья.)

В течение семи дней жрецы-брахманы совершали около выбранного дерева специальную пуджу: читали мантры, лили топленое масло в маленький костер, разведенный недалеко от дерева, и т. п. Потом дайты приступили к рубке. Сначала к стволу прикасаются золотым топором, потом серебряным, а уж рубят железным. Для человека считается неблагоприятным присутствие при рубке.

Когда дерево срублено, его очищают от коры и ветвей, заворачивают в алую шелковую ткань, втаскивают на многоколесную телегу, изготовленную для этого случая, и за канаты катят ее до ближайшей деревни. Там за эту работу берутся крестьяне, и дальше, в деревнях и городах, на протяжении всего пути до Пури «бурлаки» меняются.

Таким же точно образом привозят бревна для Балабахдры, Субхадры и Сударсана. На территории храма

сооружается огромный навес, под который кладут бревна. Пространство вокруг навеса огорожено, никто, кроме жрецов храма, туда не смеет входить. Там изготавливаются три идола и столбик Сударсан.

Церемония смены идолов проходит всегда в канун праздника колесниц. Глубокой ночью специально назначенный старый, по возможности самый старый, жрец выполняет наиболее ответственную операцию: открывает тайник в прежней скульптуре Джаганнатха, вынимает неизвестный предмет, завернутый в кусок шелковой ткани, и перекладывает его в тайник нового идола. Глаза жреца завязаны, а руки обмотаны тряпкой. В 1977 году, когда состоялась последняя смена идолов, эту операцию выполнял 92-летний Адхар Дас Махапатра, судя по фотографии, которую напечатал журнал «Орисса ревью», — довольно крепкий старик.

Раньше это дело поручалось мальчикам из одной и той же семьи, которые потом на протяжении года умирали. Капитан Фипс в 1824 году в статье для журнала «Эйжиэтик джорнэл» писал, что из идола Джаганнатха вынимают коробочку с «духом». Человек, прикасающийся к ней, не живет после этого больше года.

Невозможно себе представить, чтобы люди в течение почти восьми веков не сумели заглянуть в тайник! Известна история, случившаяся с раджей княжества Бурдван. Раджа заплатил огромную сумму жрецам за то, чтобы заглянуть в тайник. Жрецы за деньги готовы на все — радже позволили удовлетворить любопытство, но оно стоило ему жизни. Так никто и не знает, что находится в чреве идола. Жрецы храма иногда толкуют о зубе Будды. Шиваиты склонны считать, что внутри Джаганнатха лингам Шивы. В некоторых поэмах говорится о пупке Кришны, избегнувшем огня погребального костра, на котором сожгли тело умершего бога.

Скорее всего, считают историки, там лежит спасенная часть идола Джаганнатха, сожженного мусульманским генералом Кала Пахаром в 1568 году.

Старые скульптуры идолов закапывают в тайном месте на территории храма. После этого в течение 10 дней жрецы соблюдают траур, плачут, не бреются и почти не едят. Словом, ведут себя так, как если бы потеряли родных или близких.

Где бы господь ни поставил свой храм,
Дьявол с часовней своей уже там.
Вот подсчитать бы ученым мужам,—
Кто впереди по числу прихожан³².

Даниэль Дефо
(Пер. В. Зайцева)

Первое упоминание о паломниках Пури встречается в литературе XII века. В течение многих столетий туда ежедневно устремлялись люди, чтобы помолиться своему кумиру Джаганнатху, посетить все предписываемые традицией «святые» места и отведать махапрасада. Путь их раньше был труден.

Капитан английской армии Финнс, побывавший в Пури в 1822 году во время праздника колесниц, оставил следующую запись: «Старых, больных, немощных убедили совершить паломничество для избавления от всех бед. Среди них много женщин и детей. Паломники оставляют свои семьи и занятия, чтобы пройти огромные расстояния в обманчивой надежде получить вечное благословение. В пути их средства к существованию скудны, их легкие одежды и слабые физические силы рассчитаны лишь на милосердие погоды.

При приближении к храму их трудности возрастают, поскольку они едва наскребают денег, чтобы заплатить налог правительству и удовлетворить жадных брахманов. Повидавши Джагернаута, паломник отправляется в долгий обратный путь, а его средства к этому времени почти или совсем иссякли. Тогда за дело берется смерть, и весь путь паломников может быть отмечен их обглоданными костями, которые остаются на дороге после пиршеств шакалов и грифов.

Кажется, что вокруг храма — чума и голод. Мертвые тела встречаются всюду. Можно видеть, как бродячие собаки, шакалы и грифы наблюдают за последними мгновениями умирающих паломников и нередко ускоряют их кончину»³³.

Они верили, что цена их подвига растет по мере возрастания трудностей. Большинство паломников шли

пешком, некоторые, самые фанатичные, покрывали огромные расстояния более сложным способом: ложились на землю, вставали, делали два-три шага и опять протирались на земле — словом, измеряли путь длиной своего тела. Паломники побогаче двигались по дорогам в телегах, запряженных волами. А самых богатых несли в паланкинах. Князь А. Салтыков путешествовал именно таким способом.

Спустя восемь лет после захвата Ориссы английская колониальная администрация приступила к строительству дороги в Пури, названной Дорогой Джаганнатха. Англичане заботились не столько о благе паломников, на средства которых и строилась эта дорога, сколько об укреплении своей власти. Дорога, связывающая Форт Вильям в Калькутте с Фортом Сент-Джордж в Мадрасе, имела для них прежде всего стратегическое значение. В 1879 году между Калькуттой и Мадрасом через Пури была проложена железная дорога. Сейчас для удобства паломников помимо железнодорожного сообщения организованы ежедневные автобусные рейсы из Калькутты в Пури и обратно.

Встречают паломников на железнодорожном вокзале и на автобусной остановке в центре города батуга — гиды храма, говорящие по крайней мере на пяти индийских языках. Народ их упорно называет пандами, то есть жрецами. Вся территория Индии разделена между этими гидами на участки. Паломник должен назвать место, откуда прибыл, и его передают соответствующему панде. Если паломник отказывается его назвать, то между пандами из-за него, вернее, из-за содержимого его кошелька начинается ругань и драка.

Панда устраивает паломника в гостиницу или в дхармшалу (выбор зависит от средств прибывшего), покупает ему махапрасад и показывает все святые места города. Плату за труды панда получает в конце работы. Размер «гонорара» зависит от наглости панды. Чаще всего паломника обдирают как липку. Если у человека нет при себе денег, то с него берут расписку в том, что он вышлет их по почте. Не было случая, чтобы обещания такого рода не выполнялись. Панды требуют денег якобы не для себя, а для жрецов храма, нищих и аскетов.

П. Мукхерджи в книге «История храма Джаганнатха в XIX веке» описывает приезд в Пури в 1841 году бога-

того паломника — 25-летнего племянника махараджи Бенареса. Его сопровождали 500 человек, 6 верблюдов, 15 лошадей. Он и его свита путешествовали во множестве паланкинов, один из которых был украшен золотом. Этот знатный гость подарил храму 2 тысячи рупий, кашмирскую шаль для божества, роздал восемнадцати главным жрецам по 100 рупий и разных подарков на сумму 500 рупий. Но жрецам храма этого показалось мало, они до того замучили парня своими вымогательствами, что тот кончил паломничество тем, что тайком сбежал из Пури.

Я расспрашивала о храме многих индийских знакомых, и почти каждый из них подытоживал свои воспоминания крепкими выражениями в адрес гидов храма.

Один преподаватель университета вспоминал о своей поездке в храм в школьные годы. Был праздник, во время которого школьникам разрешался бесплатный проезд на поезде. Он и несколько его одноклассников решили в тот день отправиться в храм Джаганнатха. В кармане у каждого было по 2—3 рупии на еду. Панды встретили ребят приветливо, показали божков и повели в специальное помещение, где обычно происходит «ощипывание» паломников. Они дали каждому мальчику по листику растения тулси и затем повелительно крикнули: «Пайса!» («Деньги!»). Те отсчитали каждый по 25 пайс и дали пандам. Пришли другие панды, дали ребятам воды, и вновь то же требование: «Пайса!». Пришлось опять раскошелиться. На этом их траты не кончились. К растерявшимся ребятам подходили все новые и новые панды, совали им в руки кусочки махапрасада, мазали лбы сандаловой пастой, и каждый неизменно повторял: «Пайса!». А когда один из мальчиков пробормотал, что у него нет больше денег, к нему приблизился пожилой жрец, положил руку на его голову и торжественно молвил: «Как ты можешь лгать в храме!» И тот отдал последние монеты, на которые хотел купить хоть немного еды. Все мальчики вернулись домой голодные и с пустыми карманами.

Не следует, однако, думать, что в замашках индийских жрецов проступают какие-то специфические черты национального характера, — скорее в них выявляются свойства самой профессии.

Монашеская братия на Руси была не лучше, если не

хуже, индийской. «Что касается разврата и пьянства, то нет в мире подобного, да и по вымогательствам это самые отвратительные люди под солнцем»³⁴, — писал англичанин Ричард Ченслер, посетивший Россию в середине XVI века.

Больше всего доходов приносит жрецам Пури праздник колесниц, когда в городе собирается несколько сот тысяч паломников.

Обряд — религиозный пепел: это нагар на веревке, образующийся от постоянного охлаждения религиозного чувства; но он и охраняет остаток религиозного жара от внешнего холода жизни

*В. О. Ключевский*²⁸

Джаганнатх стал известен в Европе благодаря появившимся в печати описаниям праздника колесниц. В 1864 году в «Московских ведомостях» сообщалось: «Вся поверхность, как далеко бы ни простирался наш взор, была покрыта народом; и когда тысячи тамтамов огласили воздух и раздались пронзительные крики брахманов, то дикое исступление обрушилось на эту бесчисленную массу человеческих существ. Все бросились к веревкам, всякий хотел сподобиться и прикоснуться к ним рукою и двинуть колесницу кровавого божества. На самой колеснице было не менее 200 человек, и более тысячи схватились за веревку. Долго все усилия их были тщетны, так как колесница целый год стояла на одном месте и от тяжести своей глубоко врезалась в землю. Брахманы не переставали кричать и махать руками, что не мешало им пересмеиваться между собой. Наконец, когда толпа дернула дружно, громадная масса сдвинулась с места на несколько шагов, издавая пронзительные звуки, будто живая. Она остановилась, и водворилось глубочайшее безмолвие. Затем брахманы подали вторично знак, колесница двинулась снова и на этот раз при каждом обороте своих отвратительных колес давила человеческое существо, и скоро колеса покрылись кровью и кусками человеческого мяса! Толпа была в совершенном исступлении; в ней происходила толкотня, давка, драка — все теснились к колеснице. Стоявшие поблизости наклонялись, смотрели под колеса и потом с бледными, испуганными лицами поднимались и рассказывали соседям, что они видели. Я последовал их примеру и увидел под колесницей старуху, покрытую пылью и кровью. Правая нога ее была оторвана, и тело судорожно двигалось, стараясь приподняться; никто не

Ратха джатра — праздник колесниц

думал помогать ей; толпа смотрела на нее бессмысленными глазами, а брахманы с высоты колесницы совершенно спокойно наслаждались этим кровавым зрелищем. Колеса вдруг остановились, одно из них перерезало человека пополам; из-под другого высывалась какая-то масса крови и костей. Зрелище это несколько не смутило брахманов; они даже подали знак к продолжению шествия, как вдруг появились полицейские — они заставили подвинуть назад колесницу и высвободили тела. Толпа кричала, что бросившиеся под колесницу погибли добровольно, что было совершенно справедливо. В ту минуту, как колесница остановилась, два человека бросились было под колеса, но, при появлении полицейских, встали и исчезли в толпе»³⁶.

К сожалению, данные о числе погибших во время ратха джатры в 1864 году нигде не опубликованы. Судя по описанию английского журналиста, в том году жертв было мало: подоспела полиция. Мне удалось собрать данные о количестве жертв в Пури за несколько лет. В 1806 году два человека бросились под колеса, в 1827 — один, в 1828 — один, в 1846 — три, а в 1855 году — семь человек. «Я уверен, — писал в журнале „Эйжизтик

ревью“ в 1830 году английский врач М. Д. Шорт, служивший в Пури,— что в Лондоне зарегистрировано больше случаев самоубийства в течение года, чем здесь за 10 лет»³⁷.

Действительно, число жертв во время этого праздника не так уже велико. Среди бросившихся под колеса большинство были в основном страдающие от сильных болей неизлечимые больные.

Несмотря на то что погибших под колесами обычно бывает немного, этот праздник в Пури и сам Джаганнатх обрели дурную славу во всем мире. Его имя вошло в английский и другие европейские языки как синоним молоха, кровожадного чудовища.

Паломники густой толпой,
С натуги груди, спины надрывая,
Ведомые судьбой,
Влекут усердно за собой
Священной фуры непомерный груз
А те
Упали ниц, устлав рядами тел
Повозке путь, и всяк хотел,
Чтоб оказалась вскоре плодь его
Под колесом, а сверху божество
Чтоб видело, как корчились тела
Его поклонников, когда по ним телега
шла,
Свой страшный путь верша по грудам мяса
и костей
И Джага Наут стоны услышал,
Предсмертный хрип
То здесь, то там угасши под пятой
живых,
Влекущих дальше тяжкий экипаж
туда, вконец³⁸

(Пер В Зайцева)

Так представил английский поэт-романтик Роберт Саути движение колесницы Джаганнатха в поэме «Проклятие Кеханы».

К образу Джаганнатха однажды обратился и великий французский писатель Огюст де Бальзак «Колесница цивилизации в своем движении подобна колеснице с идолом Джагернаутом: наехав на человеческое сердце, не столь податливое, как у других людей, она слегка запнется, но в тот же миг уже крушит его и гордо продолжает путь»³⁹, — читаем мы в романе «Отец Горио».

Рузвельт в одной из речей периода второй мировой

войны сказал, что военная промышленность США катится, как колесница Джаяннатха. Индийские газеты опубликовали тогда протесты по поводу такого сравнения.

Сейчас в Пури случаев самоубийства под колесницей Джаяннатха нет, полиция никого к ней близко не подпускает, да и сама традиция бросаться под колеса, по видимому, отмерла.

Праздником колесниц, считают местные теологи, народ Ориссы отмечает годовщину переезда бога Кришны из Гокуля в Матхуру после победы его над дядей, демоном Кансой. Другие богословы утверждают, что праздник возник в честь бога Рамы, вернувшегося с Цейлона (Ланки) после победы над Раваной.

Работа по сооружению трех гигантских колесниц — деревянных платформ с высоким крытым верхом — начинается за 45 дней до праздника. 400 столяров, резчиков по дереву и художников трудятся над ними на главной улице — Бара Данда. В Южной Индии подобные колесницы используются многократно, а в Пури их делают каждый год заново.

Колесница для идола Джаяннатха строится на 16 колесах, высота ее около 11 метров, и называется она Нандигхос. Таладхваджа — колесница Балабхадры на полметра ниже и стоит на 14 колесах. Дарпа далана — десятиметровая колесница на 12 колесах для Субхадры. Покрываются эти сооружения из дерева огромными красными, желтыми, зелеными и черными полотнищами.

Мне довелось присутствовать на празднике колесниц дважды: 16 июля 1969 и 24 июня 1979 года. Газеты начинали писать о нем заранее. Сообщалось о подготовке колесниц, о количестве паломников, о возможных визитах высокопоставленных гостей и т. п. Полиция и медицинская служба штата были приведены в полную боевую готовность. За несколько дней до начала праздника всех приезжающих заставляли делать прививки от холеры. Полиция не пускала в Пури никого без справки о прививке. Много лет назад ратха джатра заканчивалась, как правило, вспышкой холеры, которая уносила по несколько тысяч жизней. Мои друзья, уроженцы Пури, вспоминали, что в детстве во время праздника им не разрешалось пить воду вне дома.

И вот наступил долгожданный день. Местное радио, сотрудники которого устроились на крыше дома, стоя-

щего напротив входа в храм Джаганнатха, начало прямой репортаж с места главных событий. Дикторы, поэты, писатели, религиозные деятели и популярные певцы по очереди подходили к микрофону. Они вели передачу для тех, кто не смог приехать в Пури, но кто мысленно был здесь, среди многотысячной толпы.

Рано утром три огромные колесницы стояли в ряд напротив входа в храм. Народу было мало. Сначала на колесницы по сходням, сделанным из стволов гигантских пальм, втащили Балабхадру, затем, приблизительно через час, на вторую колесницу внесли Субхадру. К полудню около колесниц на Бара Данде начал собираться народ. Подходили не спеша, ибо знали: главное божество — Джаганнатх появится не ранее двух часов пополудни. Постепенно вся улица, насколько можно было ее видеть, заполнилась людьми. Сверху толпа походила на огромный ковер из черного каракуля.

Вдруг около входа в храм раздался шум, и толпа взревела от восторга. Появился Джаганнатх — черный идол с огромными белыми кругами глаз, высотой чуть меньше двух метров, с красно-белым головным украшением, издали напоминающим головной убор американских индейцев. Рослые, крепкие мужчины дотащили тяжелого идола до его колесницы и стали поднимать наверх по широким сходням. Дайты не церемонились с ним, пихали и толкали, как будто это было не божество, а толстый пьяный детина. Подъем тяжелого неуклюжего идола потребовал много сил и времени. Толпа напряженно следила за восхождением своего кумира. По команде брахманов, стоящих на колеснице, толпа криками подбадривала дайтов. Наконец Джаганнатх поднялся на платформу колесницы и исчез за толпой жрецов и дайтов, окруживших его.

Теперь вокруг колесницы Джаганнатха началось то, что происходило до этого около колесниц Балабхадры и Субхадры. Люди пытались взобраться на нее, дайты отгоняли их, замахиваясь палками и ругаясь. В действиях служителей культа не было ни злобы, ни гнева, скорее равнодушие: они выполняли привычный ритуал. Люди группами прорывались на колесницы и группами же сбегали со сходен. Они помогали друг другу, упавших поднимали, стариков поддерживали под руки. Слышался смех. Молодые парни стремились взобраться на колес-

ницы ради озорства, чтобы потом похвастаться перед друзьями. Их сгоняли, а они, громко смеясь, вновь бросались в бой с дайтами. Эта игра прекратилась, как только среди моря голов появился паланкин раджи Пури.

Красный бархатный паланкин, украшенный золотом, поднесли к колесницам. Из него вышел белолицый высокий молодой человек в белом одеянии с широкой малиновой лентой через плечо и такого же цвета кушаком. На голове красовался белый тюрбан. Раджа поднялся сначала на колесницу Балабхадры, затем Джаганнатха и в последнюю очередь Субхадры. Везде он выполнил ритуал чхера пахар: обходил трижды вокруг божков, стоящих в центре колесницы, и подметал пол веником с золотой ручкой.

Мне удалось наблюдать чхера пахар с довольно близкого расстояния. Раджа медленно двигался по настилу колесницы, его белые босые ноги осторожно ступали среди черных ног жрецов, плотным кольцом окруживших высокородного подметальщика. Глядя себе под ноги, раджа подмел настил колесницы, потом сделал еще круг и побрызгал водой из сосуда, который нес перед ним пожилой жрец. Лицо раджи выражало сосредоточенность.

Когда раджа уехал, в празднике наступил перерыв. Рабочие начали разбирать сходни. Тем временем двое жрецов принесли носилки с чем-то завернутым в зеленые листья. Это, как мне объяснили мои соседи по трибуне, откуда я наблюдала за происходящим, были золотые конечности Джаганнатха. На идола навешивают сделанные из золота символические ноги и руки. Меня удивило, что золотые предметы не лежали в коробке или в каком-то сосуде, а были завернуты в листья. Лесов вокруг Пури почти не осталось, а ритуалы все еще связаны с лесом. Об этом говорит и еще один обычай: прежде чем выносить Джаганнатха из храма, на него вешают талисманы из травы и из листьев деревьев.

Пока Джаганнатху подвешивали ноги и руки, дайты притащили ярко раскрашенные деревянные скульптуры возничих и лошадок. Все это втаскивалось на колесницы и привязывалось канатами. На каждой колеснице появились по четыре деревянные лошадки приблизительно полтора метра длиной. У каждой из них есть

свое имя. Лошадок на колеснице Джаганнатха зовут Санкхика, Рочика, Мочика и Джвалини.

Наконец сходни разобраны. Толпа заволновалась. Полицейские оживились и начали прогонять всех, кто находился в пространстве между колесницами и толпой. Рабочие взяли в руки толстые канаты. Брахманы на колеснице дали сигнал, и первая повозка с Балабхадрой тронулась с места под восторженный крик толпы. Следом за Балабхадрой двинулась в путь Субхадра, и спустя какое-то время сдвинулась колесница Джаганнатха. Я попыталась разобрать слова песни, которую затянул сидящий впереди певец, но в гвалте толпы ничего не было слышно. Обычно в таких случаях поются эротические куплеты, по нашим привычным понятиям, крайне непристойные. Как мне объяснили, такие песни подбадривают рабочих, тянущих тяжелую колесницу, и отгоняют злых духов. Каждый взрослый житель Ориссы помнит наизусть по несколько десятков подобных куплетов.

Движение высоких ярких колесниц среди моря голов похоже на плавание кораблей, отправившихся на развлекательную прогулку. Впечатление красочное, незабываемое. Однако это не просто массовое зрелище, а церемония, которой верующие придают очень большое значение, о чем мне пришлось вспомнить сразу же после того, как мимо меня прошла колесница Джаганнатха. Напомнили мне об этом несколько пожилых женщин, которые легли на землю там, где пропылили колеса экипажа, и начали фанатично целовать асфальт.

Колесницы с идолами должны двигаться медленно, чтобы боги успели спуститься на них. Кроме того, существует поверье, что если тянуть их быстрее, то может отлететь колесо или другая часть сооружения, что непременно приведет к катастрофе для страны или даже для всего человечества.

В одном месте Бара Данды колесница Джаганнатха стоит пять минут. Эта традиция сравнительно недавнего происхождения и связана с именем поэта Салабега (XVII век), чьи мелодичные песни люди поют до сих пор; многие из них исполняются по радио.

Годы жизни Салабега установить не удалось. Автор большого труда «История литературы ория», выпущенного в Дели в 1962 году, М. Мансингх не удостоил Са-

лабега даже упоминанием. Известно, что его отец был субадаром (мусульманским наместником) в Катаке. Однажды он, как повествует легенда, возвращался домой после набега на Пури. Дорога шла мимо озера, в котором купались девушки. При виде мусульман они бросились бежать, но одной из них спастись не удалось. Субадар увез ее в Катаку и насильно сделал своей женой. Она была дочерью брахмана. От этого брака мусульманина с брахманкой и родился Салабег. Отец учил сына законам шариата, а мать — бхакти, преданности, любви к Джаганнатху. Последнее влияние оказалось сильнее, и после смерти матери Салабег, объявив себя индусом, ушел из дома. Он не захотел принять ислам, но и индусы его не признали своим, в храм Джаганнатха не впустили. Он скитался, нищенствовал и сочинял песни о Джаганнатхе, которого мог видеть только во время праздника колесниц. Теперь в том месте, где обычно сидел во время ратха джатры нищий поэт, стоит маленький мавзолей Салабегу. Там и останавливается колесница Джаганнатха.

К вечеру три тяжелые колесницы достигают противоположного конца Бара Данды и останавливаются около маленького храма Гундичи. Так зовут супругу легендарного царя Индрадьюмны, первого покровителя культа Джаганнатха. Легенда утверждает, что именно по просьбе Гундичи божков стали возить по городу для показа тем, кому вход в храм закрыт.

Идолы ночуют на колесницах, а на следующее утро их вносят в храм и устанавливают на небольшой платформе. Как только работа, связанная с поднятием тяжелых и охраной, закончена, дайты удаляются, и жрецы-брахманы приступают к своим обязанностям: к пудже и «кормлению». Идолы проводят в храме Гундичи семь дней.

Обычно паломники уходят из Пури на третий день со дня начала праздника, хотя все его ритуалы продолжаются девять дней. На пятый день этого долгого спектакля в действие включается богиня Лакшми, которую теологи считают женой Джаганнатха. Богословы и местные историки не пришли к единому мнению в вопросе о родстве Лакшми, Субхадры и Джаганнатха. Многие из них, о чем свидетельствуют дебаты, называют Субхадру не сестрой, а женой Джаганнатха.

В ратха джатре богиня Лакшми выступает в качестве жены бога, но ведет себя как простая индийская женщина, которая подчиняется традициям. Ее не берут на прогулку на колесницах, поскольку ей не положено находиться рядом со старшим братом мужа, с Балабхадрой. Но она — женщина, ей свойственны ревность, обидчивость и любопытство. На пятый день отсутствия мужа герпенне у нее иссякает, она устремляется к храму Гундичи, в гневе ломает колесо на повозке мужа. В действительности жрец, якобы посланный ею, ломает какую-нибудь деталь в колеснице Джаганнатха.

Лакшми вновь появляется на «сцене» спектакля на девятый день, когда деревянных божков привозят обратно к храму Джаганнатха. Она приказывает закрыть ворота храма и не впускать Джаганнатха, как порой жена не впускает в дом загулявшего мужа. Около закрытых ворот жрец от имени Джаганнатха и девадаси от имени Лакшми разыгрывает ссору между супругами. Муж кричит:

— Жена, открой!

— Ты, бог трех миров, — отвечает за Лакшми девадаси, — зачем ты пришел сюда? Уходи со своей сестрой! Ей может не понравиться разлука с тобой!

— Я был со своим старшим братом Балабхадрой, — отвечает за идола жрец, — ты не могла сопровождать меня.

В этой картине спектакля участвует и раджа Пури, тщетно пытающийся помирить супругов. Муж обещает жене дорогие подарки, но та отказывается. В конце концов после настойчивых просьб мужа обида жены проходит, и ворота открывают.

Божков устанавливают на их прежнее место на «троне драгоценностей», и праздник кончается.

Роль богини на этом празднике отражает традицию, которую обязана соблюдать индийская женщина. Жены не должны показывать лицо не только старшим братьям мужей, но и свекрам. Как им это удается в небольшом доме, где под одной крышей частенько живут несколько семей — родители мужа и их женатые сыновья, — непонятно.

— Когда я вижу старшего брата моего мужа, то закрываю лицо концом сари, — ответила на этот вопрос одна из моих знакомых.

— Но он успевае́т на вас взглянуть, — настаивала я, — а как же тогда соблюдать традицию?

— Да, конечно, он меня видит, — рассмеялась та.

В другом доме женщины сказали мне, что отец мужа и старшие братья мужа, выходя из своих комнат, надевают деревянные сандалии; их стук по каменному полу предупреждает женщину, что приближается мужчина, и тогда женщина удаляется в свою комнату или прячет лицо.

Можно отыскать еще немало примеров того, как бы и нравы народа отображены в храмовой практике.

Так случилось, что из бесконечного разнообразия образов своей фантазии люди сотворили бесконечное количество богов.

*Томас Гоббс*⁴⁰

В святилище храма Джаганнатха в Пури хранится один лакх шалаграм. Существует предположение, что в тайнике туловища идола Джаганнатха находится шалаграма, потому что она есть внутри скульптур в других храмах Ориссы, посвященных Джаганнатху.

Шалаграмы — это камни, похожие на крупную гальку, черные либо коричневые. Одни справочники говорят, что шалаграмы — это ископаемые раковины-аммониты, то есть головоногие морские животные со спиралевидной раковиной, которые вымерли одновременно с динозаврами в конце мелового или в начале третичного периода. В других находишь сообщение о том, что шалаграмы представляют собой кварц — круглой или овальной формы с включением аммонитов. В результате моих бесед с индийцами у меня сложилось впечатление, что шалаграммами в Индии называют не только окаменелые раковины-аммониты, но и небольшие овальной формы камни с тонкой светлой прожилкой, воспринимаемой как символ брахманской нити. Многие упорно называли шалаграмы «камнями с каким-нибудь знаком на поверхности». Ория-английский словарь определяет шалаграму как «камень, имеющий полость, заполненную минералогическими включениями; черный круглый камень, которому поклоняются как символу Нараяны». Энциклопедический словарь на языке каннара более краток: «Камень, используемый для поклонения».

Собирают шалаграмы в долине реки Гандак в Непале или по берегам нескольких рек в Индии. По рисунку трещин, прожилок и прочего шалаграмы называются именами разных аватар Вишну.

О происхождении шалаграм в Ориссе есть предание.

Когда-то очень давно жил демон Джаландхар. Была у него верная жена Брундабати. Верность жены, как известно, придает силы мужу, делает его непобедимым. Против этого демона вышел на бой сам Вишну и потерпел поражение. Тогда Вишну обратился за помощью к Шиве, с которым они обманом убили Джаландхара. В то время как Шива бился с демоном в поединке, Вишну, приняв облик Джаландхара, вошел в дом его жены и овладел ею. Верность была нарушена, и непобедимость мужа сломлена. Обман после смерти Джаландхара раскрылся. Бедная женщина прокляла Вишну, и бог превратился в камень. Со временем большой камень раскололся на множество мелких, но на каждом из них сохранился один из знаков Вишну: раковина, колесо, лотос и жезл.

В районах Северной Индии, освоенных арьями еще в глубокой древности, также имеются легенды о шалаграмах, но содержание их отличается от орисского варианта.

Творец Вселенной Брахма, говорится в одной из них, увидев на земле много грешников, задумался о том, как их спасти. Он так крепко думал, что с его лба покатился градом пот, из которого родилась богиня Гандаки. Она подросла и стала заниматься аскетизмом. Другие боги испугались, что строгим самоограничением и самоистязанием богиня добьется сверхмогущества, и предложили ей исполнить ее желание, если она прекратит свое религиозное подвижничество. Гандаки пожелала невозможного: она захотела быть матерью всех богов. Но родиться сызнова не могут даже боги! Разгорелась ссора, последовали взаимные проклятия. Боги бросились за советом к Вишну, который не отменил проклятий, а смягчил их. По желанию богини Гандаки боги превратились в червей, но по поправке Вишну — в червей, которые живут в речной гальке. Согласно проклятию богов, Гандаки была превращена в реку, а в гальке этой реки в виде червей поселились боги.

Вполне возможно, что существуют и другие легенды, объясняющие появление в Индии традиции почитать гальку.

Шалаграму нельзя ни продать, ни купить. Ее обязательно нужно получить в подарок или по наследству. Чаще всего она попадает в брахманскую семью после

смерти какого-нибудь человека, поскольку перед смертью каждый индус должен подарить брахману золото, серебро, землю, корову или шалаграму.

В доме брахмана необходимо иметь одну шалаграму, два или три камушка — опасно, четыре — хорошо. Желательно, чтобы число шалаграм было четным. В «Атхарваведе» сказано, что дом брахмана, у которого нет шалаграмы, считается нечистым подобно кладбищу, и пища, приготовленная в нем, нечиста, как блевотина собаки. К шалаграме не должны притрагиваться женщины и дети. Владелец священного камня держит его завернутым в белую ткань, часто моет и смазывает благовонными маслами. Вода, в которой вымыта шалаграма, считается особо священной, очищающей от грехов. Шалаграмы кладут около умирающих. «...Брахман предпочтет,— пишет Р. К. Дас в книге „Легенды о Джаяннатхе в Пури“,— с улыбкой на лице расстаться с жизнью и имуществом, чем с шалаграмой. Она передается по наследству из поколения в поколение и в наследстве считается самым ценным предметом»⁴¹. Высоко ценится такая галька и в приданом невесты.

Тот же индийский историк сообщает в своей книге о связанных с шалаграмами чудесах. «В шалаграме существует жизнь, которую можно заметить: если положить шалаграму на медную пластинку, она начинает двигаться... Недавно шалаграма, которая является Матсья-аватарой (воплощением Вишну в виде рыбы.— Н. Р.), была положена вместе с вещами на берегу священного водоема, и, пока хозяин совершал омовение, шалаграма выбралась из вещей и последовала за хозяином в водоем, где пыталась скрыться в воде. Так велико ее духовное влияние, что и в наши дни во французском поселении Путтуччери в суде индусы произносят клятвы над сосудом с водой, в котором находятся шалаграма и листья тулси»⁴².

Божественную силу камням приписывали и другие народы. В Европе им поклонялись до сравнительно недавнего времени. Так, в Норвегии вплоть до XVIII века сохранился обычай собирать круглые камни. Каждый четверг вечером их мыли, смазывали перед огнем маслом, клали на почетное место, а в определенные дни окунали в пиво, чтобы те послали в дом счастье и благополучие. Славяне-язычники также наделяли камни сверхъестест-

вешными свойствами. Еще в прошлом веке в России бытовало поверье, что круглый камень с отверстием, повешенный в курятнике, обеспечивает курам сохранность.

Много шалаграм собрано в сасанах — деревнях, основанных царями специально для поселения брахманов. Мне посчастливилось побывать в одной из таких сасан.

Обычай деспот меж людьми

*А Пушкин*⁴³

Кастовые преграды в городах постепенно ветшают и ломаются. И это естественно. Не станет же в автобусе пассажир спрашивать своего соседа по сиденью: «Вы какой касты? Не оскверню ли я себя вашим соседством или вас своим?» Рабочие забастовки, студенческие демонстрации объединяют людей разных каст идеями борьбы за гражданские права. Способствует смягчению кастовой системы и совместное обучение в школах и высших учебных заведениях. И все же кастовая психология в городах весьма живуча. В сельской же местности она сохраняется в полной силе.

Кастовая система Ориссы имеет особенности, которые связаны, как уже было сказано, с более поздним по сравнению с районами Северной Индии освоением ее арьями.

Бывшие раджи и помещики считают себя представителями прослойки кшатриев (правителей, воинов). Исследователи относят их к касте раджания (потомков вождей племен), занимающей более низкое положение в иерархии каст, чем касты брахманов (жрецов) и кшатриев. Каста каранов (писцов) образовалась, по преданию, в результате смешанных браков раджания, брахманов и вайшьев (представителей каст торговцев и земледельцев). Процент грамотных в этой касте самый высокий в штате. Большинство каранов служат чиновниками в государственных и частных учреждениях и носят фамилии Паттнаик и Моханти. Именно с ними чаще всего встречаешься в Ориссе. «Что, у них там все Паттнайки?» — спрашивали меня члены советских делегаций, посетивших этот штат.

Баня (ювелиры), гудия (торговцы сладостями) и тели (торговцы растительным маслом), часа и раджу

(земледельцы) причисляют себя к прослойке вайшьев. Касты шудров (прослойка ремесленников) бывают «чистые» и «нечистые». Например, мали (храмовые садовники), гаура (торговцы молоком) — касты «чистых» шудр, из рук которых брахман может взять воду и пищу. Из рук же представителей «нечистых» шудр — танти (ткачи), тхория (мастера по каменной посуде), кан сари (мастера по металлической посуде) и качра (торговцы женскими браслетами) — брахман ничего не возьмет, но эти люди не считаются «неприкасаемыми».

На самой нижней ступеньке общественной лестницы стоят «неприкасаемые»-хариджане. Они также неоднородны, разделены на группы. В Ориссе это домо (корзинщики), пан (занимаются разведением кур и продажей яиц) и хари (уборщики).

Дайты, выходцы из племени савара, которые служат в храме Джаяннатха, объединены в особую касту. Дети, рожденные от брака девадаси и брахманов, образовали касту кахалиа (музыкантов).

Каста чхатракхиа образовалась в Ориссе после наводнения 1866 года, продолжавшегося 45 дней и закончившегося страшным голодом. Отсутствие дорог, шторма на море и особенно повышение торговцами цен на зерно привели к тому, что четверть населения района вымерла. Свою пагубную роль сыграли и предрассудки. Когда были организованы общественные работы (а по существу общественные кухни — чхатры), в которых вместо денег людям давали еду, многие матери запретили сыновьям участвовать в этих работах и есть в чхатрах. Они предпочитали видеть своих детей мертвыми, чем работающими как «неприкасаемые». Тех, кто отважился есть в чхатрах и выжил, объявили вне касты. Они создали свою касту, которая получила название «чхатракхиа» (едоки в общественной кухне). Сейчас она разделена на две части. В первую вошли люди из высоких каст, во вторую — из низких. Браки между этими новыми мелкими кастами не допускаются.

Неоднородны и брахманы. Одни считаются выше по рождению, другие ниже. Статус «туземных», то есть не вывезенных из Северной Индии, брахманов не очень высок. Их предки за какие-то услуги получили землю от местных раджей.

Брахманы, живущие в сасанах, занимают привилеги-

рованное положение в обществе. Элиту составляют жители четырех деревень: Сримукундапура, Висванатхапура, Вирахарекришнапура и Виранарасимхапура, из которых назначаются раджгуру — советники раджи Пури. Многие общественные деятели штата вышли из этих деревень. Одну из сасан мне удалось посетить.

Преподаватель Уткальского университета Прасант Мишра пригласил меня посмотреть биджай чатурдаси («праздник победы в четырнадцатый день месяца») в его деревне, куда собрался поехать с женой и детьми. Он долго беседовал с отцом, прежде чем тот согласился принять в своем доме иностранку: ведь иноверцы по положению приравниваются к «низкороджденным». Прасант соврал отцу, что я дочь министра и моя семья занимает очень высокое положение в Советском Союзе. Это в конце концов возымело действие.

По дороге Прасант рассказал о своей деревне. Эта сасана имеет общинные земли, урожай с которых хранят в специальных помещениях деревенских храмов и частично продают. Вырученные деньги держат на почте. Почтовые отделения служат также сберегательными кассами, но в отличие от банков почта не выплачивает процентов. На имя бога заводится сберкнижка. Деньги идут на финансирование деревенской школы, электрификацию, строительство и ремонт дорог, иногда на ведение судебных дел против недовольных арендаторов из низких каст и на организацию деревенских праздников, для которых каждая семья должна дать четыре кокосовых ореха. Организаторы праздника входят в приусадебные сады, залезают на пальмы и берут эти четыре ореха, не спрашивая хозяев. В той деревне у всех есть кокосовые пальмы. До недавнего времени жители Ориссы полагали (тут явно не обошлось без брахманской пропаганды), что кокосовые пальмы могут вырастить только брахманы. Представители других каст и не пытались заниматься этим делом, они покупали кокосы у брахманов.

В деревне есть два общинных водоема, которые брахманы сдают в аренду членам низких каст. Не только обработка земли, но и ловля рыбы считается занятием, недостойным членов этой высокой касты. У каждой брахманской семьи деревни есть земля, которую обрабатывают арендаторы или батраки.

Что же они делают, если им, сельским жителям, сельские занятия не по чину? Многие односельчане Прасанта работают гидами в храме Джаганнатха. Они едут в Раджастан, собирают там группы паломников и сопровождают их до Пури, за что получают деньги.

Этот промысел обязан своим существованием трудностям, с которыми сталкивались паломники в те далекие времена, когда в стране не было железных и шоссейных дорог. В настоящее время, как сказал отец Прасанта, с каждым годом все меньше паломников пользуются услугами гидов. Естественно, доходы брахманов деревни сократились.

Другие, менее предприимчивые брахманы зарабатывают свои рупии, выступая в качестве арбитров в спорах между членами низких каст.

Жители этой сасаны строго соблюдают все запреты и ограничения, предписанные касте брахманов. Отец Прасанта — вегетарианец, ест мясо только раз в году, в праздник дургапуджи, когда убивают козочку для жертвоприношения богине Дурге. Если во время еды он услышит или увидит «неприкасаемого», то отодвигает пищу и уходит. Она считается уже нечистой. Немало у них и других запретов. Однако молодое поколение брахманов, особенно живущие в городах брахманы-интеллигенты, отвергают многие традиции своих отцов, а иные даже позволяют себе насмеяться над ними.

Я присутствовала в некоторых семьях на церемонии посвящения в брахманы. Во дворе дома сооружают навес, под которым усаживаются приглашенный для такого случая жрец и посвящаемый в брахманы мальчик. Обряд совершают юноши от 10 до 16 лет, для каждого по гороскопу устанавливается своя дата. Эта церемония длится несколько часов, и для непосвященного иностранца она может показаться нелепой. Жрец читает мантры, мальчик повторяет за ним, затем жрец начинает перекладывать с места на место кокосовый орех, какие-то тряпочки, потом зажигает маленький костер, льет в него топленое масло, разбрасывает рис и т. п. Наконец, мальчику вешают через плечо белый шнурок из хлопчатобумажных нитей, а на лхоти, в которое он одет, накидывают сетку, дают в руки палку или черный зонтик. Сетка символизирует лохмотья — одежду аскета, которым когда-то становился юноша из брахманской семьи. Палка

была необходима ему в пути. Зонтик фабричного производства, видимо, добавили совсем недавно.

Я попросила Прасанта рассказать, как его посвящали в касту брахманов.

— У нас в деревне этот обряд совершается не так, как в городах. Мне тогда было одиннадцать лет. Жрец прочитал все нужные мантры, и на меня надели нить и сетку. Ты видела, что в городах сетку надевают на дхоти, а у нас в деревне ее наматывают прямо на тело. Помню, стою почти голый, все на меня смотрят... Я расерялся. Сжимаю в руке палку, я даже не заметил, кто мне ее сунул. Вдруг жрец спрашивает с улыбкой: «Куда ты собрался?» Отец предупредил меня накануне, как я должен ответить на этот вопрос. «Иду жениться», — говорю. «Сколько ты хотел бы иметь жен?» — снова спрашивает старый жрец, и глаза его улыбаются. Отец не сказал, что я должен на это ответить. «Одну», — честно признался я. Все засмеялись, как я потом понял, над моей наивностью. Обычно ребята с целью повеселить народ заявляют, что им необходимо иметь тысячу, или миллион жен, или три с половиной жены. Больше вопросов не было. Жрец пообещал поговорить с моим отцом относительно скорой женитьбы, и этой шуткой обряд закончился. С того дня я ношу шнурок из шести нитей. После смерти отца добавляют еще три.

Прасант относился к своему шнуру, символу его касты, без должного почтения. Снять он его не мог, боясь осуждения родных, и приспособил шнурок, чтобы привязывать ключи.

Один индийский студент-брахман, обучающийся в Москве, признался мне, что привез с собой шнур, но держит его в чемодане.

На место мы прибыли после захода солнца. Полная луна освещала деревенскую улицу сиреневатым светом. В ожидании начала праздника я сидела в углу веранды, выходящей на улицу. Было тихо. Вдруг раздался шум, звон.

— Это богов вынесли из храмов, — пояснил отец Прасанта. — Сейчас их поставят на паланкины и понесут по деревне. Боги должны знать, как живут люди.

Вскоре шум усилился, и мимо дома, в котором я находилась, пронесли украшенные цветами и лампадками паланкины с божками.

В то же самое время от одного дома к другому ходили «неприкасаемые» — арендаторы и прислуга общины. По древней традиции брахманские семьи должны во время праздника биджай чатурдаси угощать «неприкасаемых» у своего «священного» порога. Около нашего дома собралось человек двадцать, в основном пожилых крестьян. Они подставляли глиняные горшки, и мать Прасанта сыпала в них специально приготовленный для этой цели сладкий рис. Вдруг раздался писклявый голос: «Посторонись! Я иду!» Я узнала младшего братишку Прасанта. Ему было лет десять, не больше. «Неприкасаемые» расступились, как расступаются придворные перед королем в фильмах с историческим сюжетом, и пропустили мальчика.

Прасант был недоволен поведением брата.

— Он плохо учится в школе, глуповат, часто лжет, но усвоил уже брахманскую спесь! — жаловался Прасант. — Ведь специально решил войти в дом не раньше и не позже, а во время угощения «неприкасаемых»! Знает, негодяй, что старики крестьяне больше всего на свете боятся осквернить своим прикосновением брахмана.

Утром я отправилась осматривать деревню, которая состояла из одной улицы с километр длиной. Многие глинобитные дома под соломенными крышами были украшены белыми кружевными рисунками. На обоих концах улицы возвышались храмы, с западной стороны — вишнуйтский, а с восточной — шиваитский. За храмами виднелась гладь водоемов. Два озера были соединены прорытыми на задворках домов каналами, и получалось, что деревня стояла как бы на острове. Обилие воды смягчало весеннюю жару. За каналами раскинулись рисовые поля. «Неприкасаемые» жили за одним из водоемов, километрах в двух от деревни.

Я шла по улице в сопровождении детей. Мальчики в шортиках, девочки в коротеньких платьицах, а самые маленькие нагишом крутились у меня под ногами. Ребятишки постарше выкрикивали те немногие английские слова, которые они усвоили в школе. Одни спрашивали: «Который час?» Другие без конца повторяли: «Доброе утро! Добрый вечер! Как поживаете?» Нужно было что-то отвечать. Это занятие мне скоро наскучило, и я вернулась в дом Прасанта.

Обедали на веранде во внутреннем дворе. Все сели

на циновки, постеленные на полу в ряд. Хозяйка дома, одетая в чистое розовое сари, положила перед каждым около колен по свежему банановому листу вместо тарелки. В доме для меня нашлась ложка. Затем мать и жена Прасанта с головой и лицом, прикрытыми уголком сари, промелькнув мимо нас раза три, оставили на банановых листьях отварной рис, картофельное пюре, тушеные со специями овощи и еще что-то вегетарианское. Все ждали, когда глава семьи, отец Прасанта, начнет грапезу. Следила за ним и я, есть хотелось нестерпимо. Отец, мужчина лет пятидесяти, с гладким, свежим лицом, взял наконец щепотку риса и положил его на пол около своего бананового листа. Вслед за ним то же самое проделали и другие члены семьи. Я вопросительно посмотрела на Прасанта.

— Это угощение богу, — прошептал он.

Я тоже положила богу его часть. Сделала я это с большим удовольствием, потому что вместо бога за угощением явился большой пятнистый кот, похожий на обычного русского Ваську. Кот, мурлыкая и облизываясь узким шершавым языком, аккуратно и важно прошел мимо каждой «тарелки» и съел все божье угощение.

— А как же бог? — потихоньку спросила я Прасанта.

— И кот — божья тварь, — ответил он.

После обеда мы поехали домой.

Прасанту Мишре я обязана многим. Он доставал книги о Пури и его храмах, объяснял непонятные мне факты, рассказывал случаи из своей жизни и легенды родного края. Особенно меня интересовали сказания и литературные произведения о Джаганнатхе: в них я надеялась найти ответ на вопрос о происхождении культа Джаганнатха.

Народные поверья —
Неполные страницы,
Разрозненные перья
От улетевшей птицы.

К. Д. Бальмонт ⁴⁴

Идолы Джаганнатх, Балабхадра, Субхадра и столбик Сударсан не похожи, как уже отмечалось выше, ни на одного из богов индуистского пантеона. Джаганнатх — Владыка Вселенной — имя, которым в древности величали всех богов, в том числе и Будду. Имена остальных трех идолов можно перевести как «Могущественный», «Благороднейшая» и «Миловидный». Их происхождение до сих пор вызывает множество споров.

Сначала следует упомянуть о традиционных поверьях и легендах, объясняющих появление странных идолов в вишнуитском храме. Давным-давно, когда был золотой век, добрый царь государства Мальва Индрадьюмна послал четырех брахманов в разные части света искать Вишну. Те, что пошли на запад, на север и на юг, вернулись с пустыми руками. Четвертый брахман долго бродил по лесам Восточной Индии, пока не встретил племя савара. Ему сообщили, что оно поклоняется синему камню Ниламадхаве. Брахман поселился в доме вождя племени савара Басу, который заставил гостя жениться на его дочери. По другой версии, брахман сам женился на девушке из низкой касты, чтобы увидеть Ниламадхаву. Басу ежедневно ходил в лес к месту, где был спрятан священный синий камень, и приносил богу цветы и фрукты. На просьбы брахмана взять его с собой Басу отвечал отказом. Но однажды по настоянию дочери он взял зятя в лес, завязав ему глаза. Брахман был хитер, он захватил с собой горчичных зерен, которые незаметно бросал по дороге, чтобы позднее найти путь к Ниламадхаве. Когда пришли на место, Басу развязал зятю глаза и отправился собирать цветы и фрукты. Оставшись один, брахман начал молиться. Вишну услышал молитву и явился. Бог посоветовал брахману

не задерживаться у савара, а как можно быстрее сообщить о Ниламадхаве Индрадьомне.

Басу вернулся с цветами и фруктами и стал звать Вишну, но тот не вышел к нему. Савара вдруг услышал голос Вишну: «О преданный мой слуга! Я не хочу больше даров джунглей! Я мечтаю о вареном рисе и сладостях. Не долго ты будешь меня видеть в облике синего камня. Скоро я стану известен как Джаганнатх, владыка Вселенной». Никогда больше Басу не видел своего божка. Ниламадхава исчез.

Брахман вернулся в государство Мальву и рассказал обо всем царю. Индрадьомна, не долго думая, собрал войско и пошел на восток. Тысячи лесорубов расчищали путь его армии.

Когда царь прибыл на берег моря, он остановился около холма, носящего название Синей горы (современный храм Джаганнатха стоит на Синей горе). Во сне царю явился Вишну и повелел ему построить на этом месте большой храм. Царь выполнил указание бога. Храм был построен, но Ниламадхава, синий камень племени савара, исчез, и не стало божества, которое можно было бы поставить в новом храме, и не было святого, который бы освятил его. Тогда Индрадьомна отправился на небо к Брахме.

Бог был занят медитацией, и царь не посмел его беспокоить. Пока Индрадьомна ждал, когда бог обратит на него внимание, на земле прошло много-много лет и сменилось девять поколений. Город около Синей горы обезлюдел, превратился в руины, а храм занесло песком.

Однажды в тех местах охотился царь из девятого — после Индрадьомны — поколения. Его конь споткнулся. Царь сошел с коня, пагнулся, чтобы посмотреть, обо что в песке можно споткнуться, и увидел не просто камень, а чакру. По его приказу слуги счистили песок, и перед глазами изумленных людей возник храм. В этот миг Индрадьомна и Брахма спустились на землю. Между Индрадьомной и царем, нашедшим храм, вспыхнул спор: кому он принадлежит. Брахма призвал в свидетели старую ворону, которая подтвердила права Индрадьомны на владение храмом.

Брахма освятил храм. Но в нем не было божества. Царь горевал и в молитве просил Вишну помочь ему. Вишну не заставил себя долго ждать и явился царю во

сне. «У берега моря плавает бревно. Из него и сделай божество», — приказал бог. Наутро царь во главе войска с пятью тысячами боевых слонов прибыл к морю. Там в прибрежных волнах он увидел бревно. Оно было таким тяжелым, что ни войско, ни тысячи слонов не смогли вытащить его на берег. Индрадьумна вновь стал звать Вишну. На этот раз бог посоветовал поручить работу человеку из племени савара и одному из брахманов. Волшебное бревно было вынесено на берег двумя людьми: савара и брахманом.

Царь созвал лучших резчиков по дереву и приказал им изваять статую. Мастера принялись за дело, но топоры тупились, ломались. Резчики только поранили руки, но ничего не смогли сделать. Царь опять зовет бога, и тот обещает помочь. На следующий день во дворец царя приходит мастер и требует отвести ему комнату, в которую никто не заглядывал бы до окончания работы. Это был не простой мастер, а сам Вишну.

В первые дни из комнаты доносился шум, но потом все стихло. Гундича, жена царя, испугалась, что мастеру стало плохо или он умер, и она велела открыть дверь. Вишну исчез, а в комнате остались три незаконченные скульптуры идолов. Снова звал царь, и снова бог его успокоил. «Пусть такие фигуры стоят в твоём храме» — был совет Вишну.

Эта история, по-видимому, вобрала в себя несколько легенд и пережила множество редакций. Она наводит на мысль, о том, что когда-то божество племени савара стало настолько популярным, что правителю было выгодно сделать его царским, то есть взять под свое покровительство. Рассказ о том, что савара помогал вылавливать бревно, может служить одним из подтверждений гипотезы о местном происхождении культа. Потомки савара — дайты до сих пор служат в храме. Им поручаются важные работы, только они и брахманы могут касаться идолов. Но есть одно противоречие: современных савара, которые не работают в храме, а живут земледельческим трудом, считают «неприкасаемыми» и в храм не пускают.

В деревнях савара под высоким манговым или баньяновым деревом стоит необработанный камень, раскрашенный красной краской. Около него шаман этого племени совершает религиозные обряды. Во время праздни-

ков у савара поют обычно эротические песни, как и в дни праздника колесниц и других религиозных праздников Ориссы.

Какой народ не любит гривуазных куплетов! Некоторые русские частушки по содержанию очень похожи на песни возничего на колеснице Джаганнатха. Но в Ориссе такие песни «законно» входят в ритуалы праздников, и даже дается обоснование их необходимости.

Раньше многие местные историки не признавали, что культ Джаганнатха происходит от племенных культов. Вспомним легенду о синем камне племени савара. В храме царь Индрадьумна поставил божка, сделанного самим Вишну. Стало быть, это не племенной, а царский божок! Низкое происхождение Джаганнатха не устраивало брахманов. Они и подредактировали легенду. У нее существует множество вариантов. Например, есть еще одно объяснение, почему Джаганнатх сделан из дерева.

Когда-то, во время нападения на Пури врагов, главного божка храма увезли и спрятали далеко от города. Только через 144 года отыскали дерево, под которым он был зарыт. Однако там его не оказалось (по другой версии, он был испорчен временем), и поэтому из этого дерева по божественному указанию вырезали другого божка.

В «Бюллетене храма Джаганнатха», изданном в 1969 году в Пури, объясняется, почему у идола Джаганнатха столь странная форма. «Как семь цветов, сложенные вместе, дают белый цвет, так и десять аватар (бога Вишну. — Н. Р.), объединенных в одну, дают форму Джаганнатха».

В одном из текстов священных вед упоминается слово «дару» («бревно»). В Ориссе бревна, из которых вырезают идолов Джаганнатха, Балабхадру, Субхадру и Сударсана, тоже называются «дару». На этом основании некоторые историки считают, что Джаганнатх — божок ведического происхождения. Было высказано предположение, что он — не кто иной, как Джинанатх, то есть один из тиртханкаров (предтеч) основателя джайнизма.

Многие исследователи склонялись к мысли, что три скульптуры — Джаганнатх, Балабхадра и Субхадра — означают три ратна (три драгоценности) буддизма: Будду, учение и общину.

Шиванты называют Джаганнатха Бхайравой, одним из аспектов Шивы.

Шактисты ходят в храм богини Вималы. Их мнение, что храм Джаганнатха первоначально был шактистским, не лишено основания. Только после освящения около этой богини пища становится особенно ценной. Богиня Мангала указывает местонахождение дерева для нового тела Джаганнатха.

Жители Пури считают Джаганнатха Кришной, Балабхадру — его старшим братом, а Субхадру — его сестрой. Кто же он, этот Владыка Вселенной? «Поколение за поколением, — писал историк из Ориссы Г. Ч. Трипатхи, — пытались раскрыть его тайну, а он смотрит, как бы саркастически улыбаясь, на тщетные усилия тех смертных, которые стремятся разгадать ее. Возможно, потому он улыбается, что у него нет никакой тайны. Джаганнатх был лишь тем, кем люди заставляли его время от времени быть»⁴⁵.

Первоначально, без сомнения, он был племенным божком. Ученые спорят о том, через какие стадии он прошел, пока не стал признанным по всей Индии вишнуйским божеством.

Поиски решения этой проблемы привели меня в разные религиозные центры штата.

Религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованных от прежних времен.

Ф. Энгельс ⁴⁶

В древности в этом районе Индии, как уже говорилось, были построены три большие ступы с реликвиями Будды. Из буддийской же литературы мы знаем, что там был город Дантапура (Город зуба), где хранился зуб Будды. Легенды рассказывают, что эта реликвия была перевезена из Ориссы на Шри Ланку и до сих пор находится в храме Канди. Везла зуб принцесса Хемамала, спрятав его в своей прическе. Случилось это событие в IV веке, точнее, в 371 году, на девятый год царствования на Шри Ланке Сиримегхаванны.

Из древних буддийских памятников в Ориссе сохранились два эдикта царя Ашоки (в Дхаули и Джаугаде), а также кусок колонны Ашоки, поставленный позднее в шиваитском храме Бхаскарешвар в Бхубанешваре как символ Шивы.

Китайские путешественники, посетившие Индию в V—VII веках, сообщают о распространении буддизма в северных и южных частях современной Ориссы. Их рассказы подтверждаются археологическими находками, особенно в районах Майюрбхандж и Баудх («Баудх» на ория значит «Будда»).

Но наибольшего расцвета буддизм здесь достиг, по-видимому, в VIII—X веках, когда на трех холмах в 60 километрах от Катаки были построены буддийские центры: Ратнагири, Удайягири и Лалитгири. В результате археологических работ 1961 года в Ратнагири были найдены развалины грандиозной кирпичной ступы, монастыря, небольшого храма и еще нескольких построек. Археологи полагают, что монастыри существовали еще в XII—XIII веках, когда был возведен храм Джаганнатха.

По мнению местных историков, буддизм в Ориссе

исчез в XVI веке, так как известно, что еще Чайтанья вел борьбу против буддистов.

Распространение буддизма на территории современной Ориссы на протяжении почти двух тысячелетий не могло не сказаться на местных культах и на духовной жизни населения. Есть даже деревни, жигели которых называют себя буддистами. Представление о том, насколько живучи идеи буддизма в Индии, можно получить на примере истории секты алекха дхарма («религия, не выразимая на письме»), или махимы дхарма («религия сияния»), о которой я узнала совершенно случайно.

Я брала уроки у известного в Ориссе фонетиста, ныне покойного профессора колледжа, семья которого принадлежала к низкой касте. Однажды я застала его за работой над рукописью.

— Вчера приходил представитель алекха дхармы, просил отредактировать книгу о секте. Пришлось для него купить солому, в доме на циновке ему спать нельзя.

— Первый раз слышу об этой секте, — призналась я.

— Вы их видели, — уверенно сказал профессор, — они бродят по дорогам. У стариков с головы свисают длинные свалевшиеся пучки волос. В руках у них зонтики из пальмовых листьев.

— А... Их называют «баба́».

— Да, это они. В тысяча восемьсот восемьдесят первом году их группа напала на храм Джаганнатха в Пури и пыталась уничтожить идола Джаганнатха.

Этого было достаточно, чтобы у меня появился интерес к секте. По совету профессора я отправилась в Джоранду, центр секты, расположенный недалеко от города Дхенканал, бывшей столицы одноименного княжества.

Монастырь секты алекха дхарма, или махима дхарма, находится на окраине деревни Джоранда, за высокой беленой каменной оградой. Я вошла внутрь, прошла мимо одного, затем другого побеленного дома. Меня никто не остановил. Вдруг я увидела группу весьма странных на вид людей. У мужчин, всю одежду которых составляла повязка из коры дерева на бедрах, с головы свисали длинные пакли волос. У стариков эта пакля достигала колен. Они встретили меня приветливо, рассказали о себе, подарили книги о своей религии и разрешили се-

«Баба» из секты алекха дхарма

бя сфотографировать. Главный и самый старый из них попросил меня подождать, пока он приведет свои волосы в порядок. Он старательно уложил колтуны, и его прическа стала похожа на гнездо крупной птицы.

Англичане впервые узнали о существовании алекха дхармы после нападения группы сектантов на храм Джаганнатха. Двенадцать человек заявили позже на суде, что слышали голос отошедшего в мир иной основателя секты, и этот голос повелел им сжечь идолов Джаганнатха, Балабхадру и Субхадру. Они смогли дойти только до середины главного храма, когда жрецы и паломники встали на защиту своих идолов. В результате столкновения предводитель сектантов был убит, а остальные бежали. Зачинщиков осудили на два месяца тюрьмы — за нарушение общественного порядка и правила, запрещающего людям низких каст входить в храм Джаганнатха. С того времени началось изучение секты, насчитывающей в настоящее время до 50 тысяч

На терригории храма в Капиласе

посвященных членов и сочувствующих, то есть живущих в миру.

Согласно рассказам самих сектантов, основатель алекха дхармы аскет Махима Госвами появился в Ориссе в 1826 году. Он не был простым смертным, то есть не был рожден женщиной, а был воплощением махима (сияния), иначе говоря, богом Махима Госвами сначала поселился около шиваитского храма в Капиласе (район Дхенканал), где ему покровительствовал бог змей и где он питался в течение 12 лет одной водой. После этого Махима Госвами взял себе ученика по имени Джаганнатх (распространенное в Ориссе имя). Согласно легенде, это был сам бог Джаганнатх, бежавший из Пури к Махиме Госвами, чтобы служить ему и проповедовать его учение. Следующие 12 лет Махима Госвами питался одними фруктами. По истечении «фруктового» периода он стал пить молоко, которое в новом глиняном кувшине посылала ему каждое утро мать тогдашнего раджи княжества Дхенканал. После «молочных» 12 лет пророк принял впервые за многие годы из рук богини плодородо

дия Аннапурны чашку с вареным рисом. И с того дня началась его проповедническая жизнь.

Эта легенда объединяет вокруг имени основателя секты четыре направления индуизма: шиваизм (Махима Госвами провел большую часть жизни в шиваитском храме Капилас), вишнуизм (Джаганнатх, сбежавший из Пури, — аватара Вишну), шактизм (богиня плодородия кормила пророка рисом) и культ змей (охранял его в Капиласе бог змей Нага, который в некоторых местах популярен среди низких каст).

В 1826 году Махима Госвами встретился со слепым мальчиком, 13-летним Бхима Бхой. Легенда повествует о том, что Махима Госвами вылечил мальчика от слепоты, однако тот попросил вновь ослепить его, чтобы не видеть испорченный, злой мир, но при этом наградить поэтическим даром. Удивительным по красоте песням слепого поэта и был обязан пророк своей популярностью. Умер основатель секты в 1876 году.

Жизнь Бхимы Бхой сложилась счастливо. Поэта признали еще при жизни, любили и ценили. Одна из его двух жен была брахманкой (сам поэт произошел из низкой касты). В Ориссе и сейчас знают его песни, часто их исполняют по радио.

Жизнь теперешних сектантов лишена каких-либо радостей. Подобно буддийским монахам древности, они должны жить лишь подаянием. Им запрещено брать пищу из дома брахмана и прачки. Они полагают, что прачки (в Индии все прачки — мужчины) своим трудом как бы участвуют в грехах людей. Сектанты едят только вегетарианскую пищу, только на улице и обязательно до заката. Спать они могут лишь под открытым небом или в ашраме (ночлежке для паломников). Им не положено спать в доме, посещать родную деревню, отчий дом, иметь профессию, рассказывать о своей прежней жизни, называть свою касту, стричь волосы, готовить пищу. Они не могут иметь семью и собственность. Целью своего подвижничества они считают благо всего человечества. Нужно отдать им должное: они нередко участвуют в организации школ в отдаленных деревнях.

Сектанты алекха дхармы верят, что бог — это высшая сила, энергия, которую невозможно представить в каких-либо зримых, пластических образах. По их утверждениям, у бога нет тела, он не рождается и не умирает.

рает, у него не может быть земных воплощений, поэтому их храмы пусты. Они ассоциируют бога с высшей энергией, с солнцем, и в своих храмах они поют ему гимны. Эти люди обязаны демонстрировать почтение богу солнца дважды в день — при восходе и заходе. Утром они встают лицом к востоку, семь раз ложатся на землю и поднимаются. Вечером все снова повторяют, повернувшись лицом на запад.

Как могла сложиться секта солнцепоклонников в Ориссе? Можно только предположить, что в древности там был распространен культ солнца. Может быть, когда в XIII веке царь Нарасимха Дева I строил свой храм солнца в Конараке, он хотел возвести местный культ солнца в ранг царского. Скульптуры храма в Конараке изображают Нарасимху Деву I, молящегося богам, причем перед богом солнца царь стоит на коленях, его сабля лежит на земле, а перед другими богами он менее почтителен — стоит на ногах и саблю не снял.

Основатель секты Махима Госвами учил, что «спасение» не может быть достигнуто паломничеством, исполнением обрядов, почитанием идолов из камня или дерева. Путь для этого другой: медитация, йога и самоистязания. Сектанты ненавидят брахманов, называют их обманщиками, а Джаганнатха в храме Пури объявили «ненастоящим», ибо настоящий якобы сбежал к основателю секты — Махиме Госвами.

Его приверженцы составили устав общины, но не договорились о форме одежды. В результате разногласий по этому вопросу секта разделилась на две фракции: члены одной носят набедренную повязку из коры дерева, другой — из куска ткани.

Здесь невозможно удержаться от аналогий с христианством. Между римской и византийской церквями также шел спор из-за того, чем следует прикрывать наготу. Они так и не пришли к единому мнению о том, следует ли монахам и монашкам носить исподнее. Восточная церковь запрещала эту часть туалета, а римская — разрешала. Лео Таксиль высмеял подобные теологические споры в книге «Священный вертеп» (М. 1965).

Будь в Европе так же жарко, как в Индии, темой спора могла бы стать и набедренная повязка. Словом, все это очень похоже на вечную борьбу «тупо- и остроко- нечников».

Возможно, под влиянием буддизма или христианства, принесенного в Индию англичанами, в этой секте возник обряд исповеди и покаяния, неизвестный другим сектам и направлениям индуизма. Сектанты собираются и каются в своих грехах. Самое страшное наказание для них — исключение из секты. Несколько лет назад один из сектантов был изгнан из секты за нарушение целомудрия, другого исключили на три года за посещение родной деревни, третьего — на год за то, что он ударил ребенка.

Западногерманский этнограф Анна Шарлотта Эшман (1941—1977), которая начала свою научную работу в Индии в 1970 году, провела любопытное исследование секты, в частности ее социального состава. Она установила, что среди сектантов две трети — выходцы из часа или других земледельческих каст, 8 процентов — адиваси, 4 процента — из брахманов и 4 процента — из «неприкасаемых». Идеи Махимы Госвами популярны сейчас не только в Ориссе, но и в Андхра-Прадеше, Бенгалии и Ассаме.

Сектанты приняли Эшман как «сестру», позволили ей провести среди них опрос и даже присутствовать на «закрытом» для непосвященных обряде исповеди. Она готовила монографию о секте махима дхарма, но неожиданная ранняя смерть помешала закончить работу.

Историки и исследователи, которые займутся изучением буддизма в Ориссе, несомненно, найдут здесь немало других примеров влияния буддизма на современную жизнь штата. Моя же задача заключалась в том, чтобы установить, существует ли связь между буддизмом и культом Джаганнатха, проверить гипотезу о буддийском происхождении исследуемого мною культа. Однако мои поиски сразу же зашли в тупик, поскольку оказалось, что буддизм в Ориссе не изучен. Он практически исчез, только случайные находки время от времени напоминают людям о забытой религии. Так, например, в деревне Гениапалли в районе Самбалпур были обнаружены две каменные скульптуры Будды. Местный помещик хотел их выбросить, но крестьяне не позволили. Они соорудили храмы и стали им поклоняться. Одну скульптуру они называли Сиддхартха-муни (Мудрец Сиддхартха), другую — Нагамуни (Змеиный мудрец). Предполагают, что они были сделаны в IV—V веках.

Вдохновение превращает широтный камень в драму.

Ле Корбюзье ⁴⁷

Шиваизм начал распространяться в Ориссе в VI веке, а в X веке достиг наибольшей популярности. Это, видимо, связано в первую очередь с переселением сюда из Северной Индии брахманов, судя по именам на дарственных пластинках, — брахманов-шиваитов. Имена брахманов-вишнуитов среди них встречаются редко. Расцвету шиваизма тут способствовало также покровительство местной правящей династии Сомавамши (X—XI века) шиваитским храмам. В Пури, да и всюду в этом штате можно встретить множество таких храмов, но все же главным своим центром приверженцы этого направления индуизма считают старую часть Бхубанешвара. О поездке туда и будет мой рассказ.

Старенький автобус медленно полз по удивительно красивой дороге, связывающей Катаку с Бхубанешваром. Особенно живописна эта дорога длиной 28 километров в сезон дождей, когда за рядами мощных кряжистых деревьев, стоящих по обеим сторонам шоссе, зеленеют прямоугольники рисовых полей, сочность, интенсивность красок которых не может не поразить глаз европейца. Однако эта дорога считается самой опасной в штате: ежедневно на ней случается по нескольку аварий. В местах, где дорожные происшествия особенно часты, сделаны ограничители скорости: искусственные бугры на полотне дороги. Водитель волей-неволей снижает скорость. Если же он не заметит указатель, не сбавит газ, худо придется ему на рукотворных ухабах. Поэтому водителю автобуса, легкового автомобиля или грузовика то и дело приходится замедлять ход. Правительство штата, возможно, решило при помощи самодельных бугров справиться с проблемой аварий на дороге между Катакой и Бхубанешваром — двумя городами,

Экономическая жизнь которых давно слилась в единый комплекс. Многие живут в Катаке, а на работу ездят в Бхубанешвар, и наоборот.

Автобус время от времени останавливался, громко пыхтел и опять двигался дальше. Потом он встал окончательно вопреки усилиям шофера. Пассажиры были очень расстроены задержкой: до Бхубанешвара оставалось километров пять.

На полу, в проходе между сиденьями, расположился старик крестьянин с заднего сиденья. Он сложил ноги в позе лотоса и начал шептать молитвы, явно прося богов о помощи. Никто не обращал на него никакого внимания. Многие пассажиры вышли и принялись толкать автобус. Наконец мотор завелся, и все с радостным шумом заняли свои места. Крестьянин не спеша поднялся, оглядел публику торжествующим взглядом и молча, не ожидая благодарности, сел на свое место.

Автобус прибыл на автостанцию в новой части Бхубанешвара. Первый камень в этом районе был заложен 13 апреля 1948 года Дж. Неру. За 30 лет тут выстроены административные здания, гостиницы, магазины и несколько кварталов жилых домов. Столица штата продолжает расти.

До завоевания независимости Бхубанешвар представлял собой деревню с трехтысячным населением, окруженную лесом и каменными храмами. В древности здесь было якобы 7 тысяч храмов и 10 миллионов лингамов Шивы. Последних никто не считал, а что касается храмов, то ныне их число достигает нескольких десятков, хотя в литературе встречаются цифры 100 и даже 500. Бхубанешвар по-прежнему остается главным шиваитским центром штата.

Название современной столицы Ориссы произошло от имени Трибхубанешвара (Бог трех миров), которым величали лингам Шивы в одном из древних храмов.

Лингарадж, главный храм города, построили в X веке, но Бхубанешвар, как религиозный центр, был широко известен несколькими столетиями ранее. Строительство многих храмов города историки и архитекторы относят к VI веку. В Лингарадже стоит особый символ Шивы, называемый сваямбху линга (нерукотворный лингам). Такие лингамы особенно ценятся в Ориссе. Этот кусок скалы или камень позже был вставлен в

Храм Лингарадж

йони, женский символ, имеющий в диаметре 2,5 метра. Легенды храма Лингарадж и «Екамра пурана» рассказывают о том, что первоначально символ божества (камень) стоял под манговым деревом. Царь Бенгалии, воинственный шиваит Шашанка, прославившийся в истории как жестокий гонитель буддистов, пришел в Бхубанешвар (начало VII века), признал в камне лингам Шивы и построил для него храм.

По-видимому, лингам храма Лингарадж, как и дере-

вянные идола Пури, первоначально был племенным божком. Здесь среди жрецов также есть как брахманы, так и небрахманы, последних зовут баду. Имеется в Лингарадже и свой праздник колесниц — акостами, когда на одной колеснице возят по главной улице старого города «заместителя» лингама Шивы. Возничий поет при этом непристойные куплеты.

Службы в шиваитском и в вишнуитском храмах разные. Жрецы-шиваиты поливают лингамы водой, посыпают цветами, окуривают благовониями, предлагают им бананы, кокосовые орехи, а в больших храмах, где есть кухни, как, например, в Лингарадже, ставят у символов приготовленные блюда.

Мусульмане, христиане, люди низких каст и все иностранцы могут увидеть ансамбль храма Лингарадж издали, с платформы, откуда открывается вид на внутренний дворик около главного храма Шивы, храма его жены Парвати и других, меньших по размерам храмов. Кругом — камень, никакой зелени. Торчащие из крыш каменные химеры, каменный пол двора и лес каменных ребристых куполов — все серо-бурого цвета. Храмовой ансамбль напоминает горный ландшафт, причудливо выветренные скалы.

Я приехала в Бхубанешвар в праздник шиваратри (Ночь Шивы). В старой части города чувствовалось оживление: появились торговцы дешевыми сувенирами, увеличилось число паломников, аскетов и нищих. Я подошла к входу в Лингарадж. Полицейский и несколько жрецов, одетых в дешевые дхоти и задрапированные в чадары, замахали руками и закричали, что мне вход в храм воспрещен.

— Я знаю это, — спокойно ответила я на ория. — Мне непонятно только, почему вы не пускаете в храм благожелательно настроенных иностранцев. Какую тайну вы скрываете?

Не отвечая на мой вопрос, жрецы принялись расспрашивать меня: кто я, где живу, где учила язык ория и т. п. Потом один из них улыбнулся и сказал:

— Ты свой человек. Приходи завтра утром, мы тебя проведем в храм и все покажем. Только никому об этом не говори! Никому!

— А сколько это будет стоить? — Я решила сразу обговорить цену услуг, зная алчность жрецов.

— Дашь две рупии за внос на территорию храма фотоаппарата и сколько-нибудь на пуджу... для бога...

— А сколько же все-таки?

— Сколько не жалко, мы понимаем, что вы студентка.

Я обрадовалась удаче и, не чуя под собой ног, бросилась разыскивать улицу, где жила с родителями одна из моих сокурсниц. Для встречи с ней я и приезжала в Бхубанешвар в тот день.

— А ты знаешь, что я буду первая иностранка, которая войдет завтра в Лингарадж! — похвасталась я перед девушкой.

— Я рада за тебя, — ответила та.

В наш разговор неожиданно вмешался ее старший брат, преподаватель университета.

— Простите, но вы сошли с ума! — спокойно сказал он. — Чего вы там не видели? Лингам? На них можно любоваться в городе на каждом шагу! Как вы собираетесь туда проникнуть?

— Меня жрецы пригласили!

— Жрецы? Да они отпетые жулики! На днях с моим коллегой произошел в Лингарадже неприятный случай. Он с женой и ребенком пошел в храм. Мальчик маленький, все может с ним случиться. Обмочился... Жрецы заметили это и устроили такой скандал! Мой приятель оставил им жену и ребенка в качестве заложников, побежал в банк, взял деньги и откупился от этих прохвостов. А вы собираетесь войти в Лингарадж по их приглашению! Обманут! Заведут в храм и бросят. Придут другие жрецы и устроят шум. Как откупаться будете?

— А сколько взяли с вашего коллеги?

— Тысячу рупий.

— Для меня многовато! — огорчилась я. — А что, если я сначала схожу в главную контору храма? Там должен быть правительственный чиновник. Он-то обманывать не имеет права. Если разрешит, я пойду в храм.

— Идите, идите, — махнул рукой мой собеседник. — Он вам то же самое скажет. Лучше посмотрите храм сегодня ночью. Ведь шиваратри...

Этот праздник посвящен подвигу Шивы. Легенда гласит, что когда-то, в незапамятные времена, боги и демоны после долгой вражды решили примириться и совместными усилиями добыть напиток бессмертия — амриту. Для этой цели они взяли царя змей Васуки

и много сотен лет пахтали им мировой океан. Их усилия увенчались успехом: на поверхности вод появился сосуд с амритой. Но вместе с амритой и другими дарами океана боги и демоны получили и страшный яд калакуту. Он возник как напоминание о том, что добро всегда сопровождается злом, а счастье одних — слезами других. Этот яд отравлял своими испарениями небо и землю и грозил сжечь всю Вселенную, отчего боги, демоны и люди пришли в смятение. Шива выпил яд и спас всех. Калакута был настолько сильным ядом, что бог потерял сознание. Его жена Парвати и другие его почитательницы день и ночь приводили Шиву в чувство, и только под утро он очнулся. С тех пор Шиву рисуют с голубой шей и называют Нилакантха (Синяя шея). Верующие люди думают, что яд до сих пор жжет ему горло, поэтому его изображают также с коброй вокруг шеи, полагая, что змея, охлаждая, ослабляет боль. С этой же целью лингамы Шивы поливают водой.

Как знать, может быть, легенда эта дошла до ранних христиан и преобразилась в сказание о чаше, которую пришлось испить Иисусу Христу?

Индийское «испитие чаши» с ядом произошло на четырнадцатый день темной половины месяца пхалгун (февраль—март). В этот день верующие постятся до середины ночи. Те, кто собирается ночью в храм, жгут лампадки, сидя внутри храма или во дворе.

Вечером я поднялась на платформу около Лингараджа. В свете прожекторов и тысяч лампадок храмовой комплекс походил на аквариум, в который опустили электрические лампочки.

Наутро я вновь подошла к Лингараджу. Быстро пройдя мимо входа, где толпились гиды и паломники, я вошла в главную контору храма, расположенную в небольшом каменном доме. За длинным столом сидели пожилой мужчина в европейском костюме и жрец храма в дхоти и чадаре. Я сказала о цели моего визита.

— Ни один иностранец не может войти в храм, — сказал жрец и посмотрел на чиновника, который подтвердил эти слова кивком головы.

— А если бы гиды ввели меня в храм, какой мне пришлось бы заплатить штраф?

— Думаю, много... — задумчиво сказал чиновник. — Там, собственно, смотреть-то нечего. Зайдите в другие

Уголок старого Бхубанешвара

храмы города, куда пускают иностранцев. У нас сегодня особенный день... Люди низких каст сегодня утром могут войти в Лингарадж, но иностранцам нельзя

Для меня этот запрет был особенно огорчителен, потому что мне не удалось найти ни одной книги, которая давала бы подробное описание Лингараджа.

Простившись со служащими храма, я покинула контору и пошла по извилистым улицам старого города. Прогулка среди древних храмов сразу же улучшила настроение. Любуясь этими удивительными постройками, я всегда испытывала чувство душевного покоя и удовлетворения. Созерцание их причудливых и изящных объемов, как это вообще бывает при восприятии всякого значительного творения искусства, способно отвлечь от самых докучливых забот и внушить столь редко переживаемое нами ощущение гармонии бытия.

«Когда я впервые увидел храмы Бхубанешвара в Ориссе,— писал Рабиндранат Тагор в очерке „Храмы“,— мне показалось, что я читаю новую книгу. Я понял, что в этих камнях заключен рассказ о многих веках. Я стоял перед ними онемевший, мне казалось, что у меня сильнее бьется сердце.

„Ригведа“ — это гимн в стихах, храмы — гимн в камне. Они стоят устремленные в небо, вознося к нему порыв души. Какую мысль заключило в них человеческое сердце? Какую тайну раскрыла любовь к божеству? Какое послание из глубины души выражено ценою огромных усилий на этом каменном пространстве?

Здесь находится более сотни святилищ, в большинстве которых ныне по вечерам больше не горят лампы, не слышны звуки сангхи (раковина, используемая как духовой инструмент.— *Н. Р.*), резные камни их покрыты пылью. В них живет память неведомых веков. Таинственные, безмолвные, исполненные покоя и величия, эти храмы с первого взгляда заставляют задуматься об их удивительной, несравненной красоте, их величии, которые так трудно описать словом. О каждом храме следует рассказывать в отдельности. Человеческий язык не способен передать то, что сказано языком камня. Отдельные камни, которые мы разглядываем, — это не слова, смысл их нам неясен, но то, что они говорят, вмиг захватывает душу созерцающего их...

Я увидел, что снаружи храмы сплошь покрыты резьбой по камню, нигде нет пустого пространства, куда ни брось взгляд, везде видна работа искусного резчика.

Не все изображения посвящены мифологическим темам, не десять аватар и божественные истории о небожителях привлекают внимание, а сцены из жизни человека: малое и великое, хорошее и плохое, повседневные

события, его развлеченія и деятельность, война и мир — вот картины, покрывающіе стѣны храмов. У этихъ картинъ нѣтъ иной цели, какъ показать окружающій миръ. Поэтому среди тѣхъ, которые различимы въ нихъ, есть и такіе, которые кажутся неподходящими для храма. Въ нихъ нѣтъ нарочитого отбора, для ихъ создателей въ мирѣ не было великаго и малаго, ничево тайнаго или запретнаго»⁴⁸.

Ученыхъ помимо мыслей, высказанныхъ великимъ индійскимъ поэтомъ, волнуетъ датировка этихъ шедевровъ. «Въ отличие отъ грековъ, китайцевъ и арабовъ, — замѣтилъ Дж. Неру, — древніе индійцы не были историками»⁴⁹. Въ этомъ вся трудность проблемы установленія даты постройки, въ этомъ же причина расхожденія мнѣній относительно датировки тѣхъ исследователей и архитекторовъ, которые описывали памятники Ориссы.

Самымъ раннимъ изъ всехъ считается храмъ Парашурамешвара. Одни историки склонны считать датой его сооруженія 575 или 600 годъ, другіе говорятъ, что онъ былъ возведенъ значительно позже, въ 750 году. Все сходятся только въ томъ, что ко времени его постройки архитектурный канонъ еще не опредѣлился окончательно. Въ отличие отъ болѣе позднихъ храмовъ въ джагамоханѣ Парашурамешвара двѣ двери, четыре окна, въ планѣ она прямоугольна, а крыша состоитъ изъ двухъ каменныхъ плитъ.

По канону въ культовыхъ сооруженіяхъ должна быть всего одна обращенная на востокъ дверь, чтобы лучи утреннаго солнца могли попасть на изображеніе бога въ святилищѣ. Квадратное помещеніе джагамоханы съ двумя окнами, забранными каменными решетками, должно завершаться многоярусной крышей. Внешніе стѣны Парашурамешвары украшены каменной резьбой. Здѣсь и Шива съ женой Парвати, и ихъ сыновья Картикѣя и Ганеша, и многорукий, многоголовый Равана, и саптаматрика (семь богинь-матерей), и ихъ ездовые животные, и цветы, и змеи. Кое-гдѣ видны небольшіе женскіе фигурки.

Храмы, построенные спустя столѣтіе или два, какъ, например, Муктешвара (IX—X вѣкъ), содержатъ значительно болѣе изображеній женщинъ, да и размеры этихъ скульптуръ тоже увеличались. Горельефы на каменныхъ воротахъ, на стѣнахъ святилища и джагамоханы Муктешвары, а также на невысокой оградѣ хорошо сохранились, за исключеніемъ тѣхъ скульптурокъ, подле которыхъ

до сих пор проводится пуджа. По утрам их обычно «умывают» и посыпают цветами.

Раджарани — храм, получивший наибольшую известность благодаря изяществу форм и мастерству исполнения. Это изумительное творение зодчих X века украшено скульптурами ведических богов Индры, Агни, Ямы, Варуны и других, но славой своей храм обязан не им, а изображениям женских фигур. «Как не может быть дома без жены, — утверждает древняя рукопись „Шилпа пракаша“ („Изобразительность мастерства“), — веселья без женщины, так и сооружение без женской фигуры будет несовершенным и бесплодным»⁵⁰. По традиции скульпторы должны были показать красивых женщин в шестнадцати настроениях и позах: с согнутыми руками, с рукой на подбородке, с рукой на губах, зевающую, с веткой в руке, с цветком, с птицей, с кружащейся мухой, с бубном, снимающую с ноги браслет, поправляющую прическу, смотрящуюся в зеркало, танцующую, стоящую спиной, с ребенком на руках и играющую среди цветов. Все это создает праздничное настроение у зрителя. А это и имел в виду автор «Шилпы пракаши», когда писал, что святилище и джагамохана должны быть нарядными подобно жениху и невесте.

Пуджа в этом шиваитском храме не проводится; он охраняется как памятник архитектуры. Около него всегда сидит сторож в форменной одежде. Но от кого его оберегают? Я ни разу ни в одном храме не видела нацарапанного имени, нет у местного населения так присущего многим европейцам, в том числе и нашим соотечественникам, тщеславного пристрастия увековечивать свои имена на всяком достопримечательном сооружении, особенно если это памятник мирового значения.

Почти напротив Раджарани стоит довольно простенький по внешнему оформлению храм Бхаскарешвара. Внутри него находится гигантский, высотой около 3 метров лингам. Многие историки предполагают, что это кусок колонны, высеченной по повелению Ашоки. Назначение колонны Ашоки пока не удалось установить.

В этой части Бхубанешвара многие храмы находятся в состоянии идеальной сохранности, но немало их лежит в руинах, и кажется порой, что они рождены не фантазией и трудом людей, а сотворены самой природой.

Пока я переходила от одной группы храмов к дру-

гой, за мной неотступно следовали двое школьников лет десяти в форменной одежде. Я по опыту знала, что им очень хочется поговорить со мной, останавливало лишь недостаточное знание английского языка. Всякий раз, когда я обращалась к ним с каким-нибудь вопросом на их родном ория, беседа сразу же становилась оживленной. Юное поколение хорошо знает цену памятникам, оставленным их предками, но оно хочет снова и снова слышать слова восторга. Я это чувствовала и не скупилась на похвалы, тем более что все они были вполне искренними.

Передо мной вдруг выросли несколько башенок шиваитских храмов с изящными рельефами. В одном из них стоял мужчина. Его голова была склонена, ладони соединены. Чтобы не нарушить его молитву, я быстро удалилась. В соседнем храме не было никого, и я вошла в джагамохану, но почему-то сразу почувствовала беспокойство. Из темноты святилища доносился какой-то непонятный шорох. Я почти бегом выскочила из храма. Мальчики, которые сопровождали меня раньше на некотором расстоянии, теперь стояли около храма.

— Там внутри какой-то непонятный шорох, — сказала я им на ория.

Они осторожно заглянули внутрь, сделали несколько шагов по направлению к святилищу и тут же вернулись.

— Там кобра, — разом решили ребята.

Это была моя единственная, так и не состоявшаяся встреча с коброй. Многие знакомые москвичи полагают, что в Индии их можно увидеть на каждом шагу. Это неверно. Мне приходилось перешагивать через раздавленных кобр на шоссе на дорогах в сезон дождей, когда они выползают из нор в поисках сухих мест. К сожалению, чаще всего такими местами оказываются дороги, построенные на насыпях. Там кобры и становятся жертвами несущихся на больших скоростях грузовиков. Легковая машина может объехать кобру, а тяжелому грузовику любой резкий поворот грозит аварией.

ДЖАЙНСКИЕ ПЕЩЕРНЫЕ ХРАМЫ

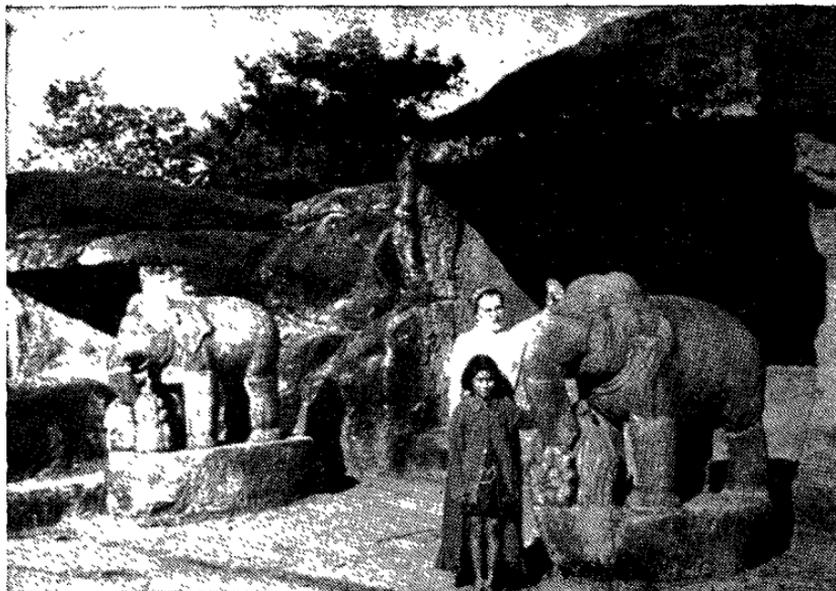
Нет ничего приятнее, как созерцать минувшее и сравнивать его с настоящим.

*В. Белинский*⁵¹

Возникший почти одновременно с буддизмом, джайнизм наибольшее распространение в Ориссе получил со II по VII век. Согласно легенде, основатель этой религии Вардхмана (599—527 годы до н. э.) читал свои проповеди жителям древней Ориссы. Многие историки предполагают, что джайнские общины исчезли здесь в XV веке и появились вновь лишь в начале XIX века, когда несколько семей торговцев-марвари переселились в Катаку из Северной Индии.

В отличие от буддийских памятников джайнские культовые сооружения хорошо сохранились. Пещерные храмы Удаягири и Кхандагири, находящиеся в 6 километрах от Бхубанешвара, создавались джайнскими монахами в течение многих столетий (II век до н. э. — XV век н. э.). Все кельи-пещеры сейчас пронумерованы и считаются экспонатами музея. Пещера номер один издали похожа на двухэтажный дом, крыша которого как бы переходит в склон холма. В обоих ярусах пещеры — высокие потолки. Остальные пещеры маленькие, низкие, делались они с расчетом на то, что монахи будут в них сидеть или лежать.

Фасады многих пещер украшены резьбой по камню: фигурки молящихся людей, стройных воинов, охотников, лошадей, но особенно много встречается изображений слонов. Ведь Орисса некогда славилась своими боевыми слонами. На стене одной из пещер, как я уже упоминала, выбит эдикт царя Кхаравелы. Недалеко от нее расположен вход в пещеру, сделанную в виде ощерившейся пасти тигра. На вершине холма Кхандагири возвышается современный джайнский храм, где в 1950 году была поставлена большая из черного мрамора

Удаягири. Пещера № 10

ра скульптура Паршванатха (23-го тиртханкары, то есть джайнского пророка).

Оба холма очень живописны. Высокие деревья, крутые повороты дорожек и ступенек, неожиданно появляющиеся из-за угла входы в пещерные храмы, снующие там и сям черномордые обезьянки с серебристыми спинками, большие крикливые птицы. Такими я видела пещеры, когда приезжала сюда десять лет назад. В этот раз мне показалось, что они как-то обжиты. Некоторые превращены в действующие храмы, и около них уже крутятся брахманы и вымогают деньги у посетителей, а на узких дорожках сидят нищие. В главной пещере двое аскетов устроились на оленьих шкурах, готовясь погрузиться в медитацию. Их укоризненный и в то же время просительный взгляд остановил мою руку, потянувшуюся к фотоаппарату.

Переходя от одной пещеры к другой на холме Удаягири, я вдруг увидела надпись: «Джаганнатха гумпха» («Пещера Джаганнатха»). Этот пещерный храм состоит из двух помещений — «веранды», украшенной вырезанными из камня изображениями оленя, рыбы, пти-

цы, цветов, чудища с головой птицы и туловищем животного, и «комнаты» длиной 8 и шириной 2 метра. Ничего внутри и снаружи не говорило о какой-либо связи пещеры с Джаганнатхом. Решить эту загадку помог путеводитель по пещерным храмам. Оказалось, что когда-то стены пещеры были побелены и на них был нарисован лик Джаганнатха. Я искала следы влияния джайнизма на формирование культа Джаганнатха, а нашла как раз противоположное.

Всякая черта прошедшего времени, всякий отголосок из этой бездны, в которую все стремится и из которой ничто не возвращается, для нас любопытны, поучительны и даже прекрасны.

*В. Белинский*⁵²

Идея богини-матери, заступницы, утешительницы была близка всем народам на ранней ступени их развития. Но не всегда богиня была милостивой. Землетрясения, эпидемии, наводнения, голод считались проявлением ее гнева. Тогда красивая добрая мать становилась грозной ведьмой, танцующей на трупах. Если Дурга (Непобедимая), Парвати (Дочь гор), Ума (Грациозная) перед глазами верующих предстают в виде прекрасных, нарядных женщин, то другие ипостаси этой богини — Кали (Черная), Бхайрави (Грозная) и Чамунди (Свирепая) изображены в виде ведьм.

Страшен богини воинственный танец!
 В грохоте грома и молний блистанье
 Мрачен божественный лик,
 Пламенем вьется кровавый язык!
 Гибнет в огне мотыльков неразумная стая,
 Небо затмили богини черные пряди,
 Солнце зовет из тьмы о пощаде!
 Смуглое тело омыто потоками жертвенной крови,
 В страхе трепещут миры, если Кали нахмурила брови⁵³

(Пер. С. Цырина)

Так писал о богине Кали Рабиндранат Тагор в драме «Жертвоприношение».

В пуранах говорится, что в индуистском пантеоне существует 108 богинь, но на самом деле их значительно больше.

Сейчас в храмах богинь Чандики, Камакьи, Кали, Чамунди по определенным праздникам приносятся в жертву козленок или буйвол, а когда-то там лилась кровь людей. Человеческие жертвоприношения были запрещены в середине прошлого столетия.

В Индии, как и в других странах, процесс разложе-

Богиня Дурга

ния первобытнообщинного строя и зарождения классового общества всегда сопровождался некоторой переоценкой богов: появлялись новые боги, исчезали старые или старым приписывались новые качества. По мере роста имущественной и классовой дифференциации, по мере перехода от матриархата к патриархату древний культ богини-матери сменялся концепцией бога-отца.

В Индии этот процесс нашел отражение в шактизме,

Богиня Кали в Джаджпуре

то есть в религиозном течении, в котором большинство женских божеств стало представлять собой лишь шакти — женскую энергию мужских божеств, без которой последние всегда ограничены в проявлении своего божественного могущества.

Многие богини стали шакти бога Шивы. В Индии на

считывается 51 место паломничества шактистов. Легенда повествует о том, что жена Шивы Сати умерла от горя, потому что ее отец грубо обошелся с ее возлюбленным Шивой, когда последний предстал перед очами старика в виде отшельника, обсыпанного пеплом. Шива взвалил труп жены на голову и пошел бродить по свету. Другие боги, убоявшись, что таким самоистязанием Шива добьется сверхъестественной силы, посоветовали ему бросить труп на землю. Этот совет богов передал Шиве Вишну. Труп упал и развалился на 51 часть. В другом варианте легенды Вишну шел следом за Шивой и отрезал куски от трупа. Позднее там, где они упали, возникали места паломничества. Пупок Сати упал в Джаджпур, столицу древней Уткалы. Этот городок, расположенный к северу от Катаки, представляет собой большую деревню с узкими улочками и одноэтажными домами под соломенными крышами, с возвышающимися среди зелени деревьев храмами. В центре города, на площади, за высокой каменной оградой виден купол храма богини Вираджи, а вокруг — несколько куполов шиваитских храмов чуть пониже.

Ближе всех к храму Вираджи стоят храмы Трилочан (Трехокий — одно из имен Шивы) и Бурхалингам (Древний лингам). В первом из них жрец служит ежедневную пуджу. Напротив входа в Трилочан поставлен небольшой каменный лингам. На стороне, обращенной к храму, на нем высечено лицо женщины в роскошном головном уборе. Это — Парвати, одна из ипостасей жены Шивы. Около стены Трилочана находится скульптура, изображающая другую ее ипостась — богиню Кали. Истощенная голодом, полуживая, буйно помешанная, грозная старуха могла служить скульптору моделью для его богини. Дряблая кожа обвисла, живот ввалился, глаза вылезли из орбит. Следуя канону, художник высек на ее груди гирлянду из человеческих черепов.

Судя по тому, что на скульптуре нет ни капли красной краски, она не служит объектом поклонения. Женщины, собравшиеся вокруг меня, когда я фотографировала эту скульптуру, показали мне другую Кали. Буквально в трех шагах от Трилочана находится, я бы сказала, храм-погреб, куда нужно спускаться по ступеням. Одна из женщин сбежала вниз и открыла дверь. Там в полумраке сидела не менее страшная, чем описанная

Равана Деревянная маска

выше, каменная старуха с восемнадцатью руками. Ее уродливое тело было покрыто пастой из киновари.

Лингам с головой Парвати, увиденный мной впервые, а также два изображения богини Кали вызвали у меня ощущение, будто я на несколько мгновений совершила путешествие в древнюю Уткалу. Сочетание древности и современности в этой удивительной стране встречается

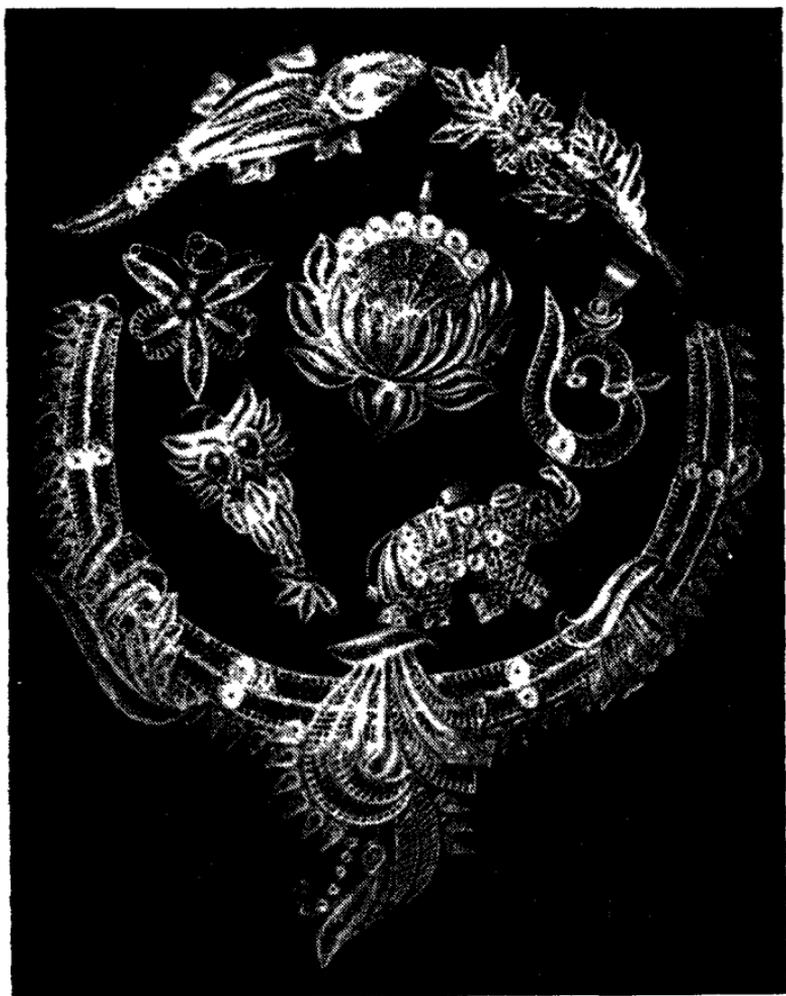
на каждом шагу, оставляя впечатление незабываемой сказки.

Джаджпур может рассказать не одну старинную сказку. Во многих местах я заметила оставшиеся после работы археологов следы: ямы, скульптуры, поднятые наверх и укрытые под навесами от дождей и солнца. Все говорило о том, что когда-нибудь здесь будут производиться раскопки. Правительство штата хотело бы провести квалифицированные поиски в этих местах, останавливает, видимо, лишь отсутствие необходимых средств.

Меня интересовал этот город в связи с культом Джаганнатха. Хотелось посмотреть, как велось строительство в древних храмовых центрах Ориссы. В Джаджпуре, как и в некоторых других древних городах, в центре возводили храм, посвященный популярной в той местности богине, а вокруг — шиваитские храмы меньшего размера. Вероятно, так первоначально были построены храмы и в Пури: раньше на месте храма Джаганнатха стоял древний храм богини, а вокруг — несколько шиваитских храмов, среди которых был Локанатх. В пользу этого предположения говорит хотя бы тот факт, что только после освящения храмовой пищи у богини Вималы бхога становится махапрасадом. Кроме того, Субхадра стоит в святилище в центре, между Джаганнатхом и Балабахдрой. Деревья для новых скульптур главных идолов «помогает» найти богиня Мангала. Возможно, что богиня из центрального храма (построенного ранее XII века) была перенесена в соседний храм в связи с возвышением богов мужского пола.

Не только роль, которую играют богини в храме Джаганнатха, но и местные промыслы указывают на то, что культ богинь занимает значительное место в религиозной и культурной жизни Ориссы. Во множестве лавок и магазинчиков в крупных городах штата продаются всевозможные изделия ремесленников. Большинство из них лишь условно можно назвать сувенирами. Как украшение жилищ их используют только иностранцы, для индийцев они — предметы культа, атрибуты того или иного религиозного праздника.

В Индии мне неоднократно приходилось наблюдать, как люди, впервые приходившие в мою комнату, заметив собранные мною скульптурки богов и маски, мо-

Серебряная филигрань Катаки

ментально возвращались к двери и легкими, почти незаметными движениями снимали сандалии и с извинениями заходили снова. Каждый раз я им говорила, что мои боги — только сувениры и что ни я, ни кто другой им не молится. Тогда гости опять обувались. Один из молодых чиновников, недавний выпускник университета, как-то признался, что всякий раз, когда он заходил ко мне поговорить и выпить чашку чая, он с большим трудом удерживался от порыва упасть на пол перед моими

деревянными скульптурками Джаганнатха, Балабхадры и Субхадры. Для него они были прежде всего изображениями богов, во власть которых он себя полностью отдал.

Ремесленники Пури прославились своими масками из дерева и папье-маше. Их обычно используют в праздник госани джатра, когда по улицам города носят огромные глиняные изображения восемнадцатирукой богини Чанди. Ее сопровождают, танцуя, ряженные в масках стариков, аскетов, медведей, обезьян и т. п. Несколько таких процессий собираются на площади рядом с входом в храм Джаганнатха, ставят богинь в одном месте на землю и продолжают веселиться. Праздник кончается тем, что богинь топят в море.

По всему штату ремесленники и крестьяне лепят из глины и обжигают скульптурки лошадей и слонов и ставят их потом под деревьями, около которых якобы живет богиня. Кто побогаче, может позволить себе и дорогие подношения — бронзовые скульптуры животных. Художественное литье особенно развито в Пури, Дхенканале и Ганджаме. Мне приходилось любоваться такими изящно выполненными бронзовыми скульптурами до полуметра высотой, стоящими под священными деревьями на окраинах селений.

Но из всех видов художественного ремесла Ориссы наибольшую известность в Индии получила катакская серебряная филигрань. Ожерелья, кольца, серьги, браслеты, вазочки, кораблики с парусами, лотосы и прочие изделия из тончайшей серебряной проволоки могут украсить любой музей мира. Не зря Мадхусудан Дас возил образцы этого ремесла в Лондон, чтобы удивить европейцев искусством своего народа. Высокое мастерство, законченность форм и безграничная фантазия воплотились в этих ювелирных вещах. Здесь нет случайных линий, каждый изгиб проволоки соответствует канону, выработанному поколениями умельцев. Изготавливают эти украшения рабочие филигранной фабрики в Катаке и сотни кустарей. Их носят мусульманки и женщины из низких каст. Представительницы высоких каст до недавнего времени относились к этим поистине царским украшениям с явным презрением. Сейчас, когда цены на серебро выросли в несколько раз, когда оно стало недоступно беднякам, женщины из обеспеченных семей ино-

гда надевают какое-нибудь изделие, выполненное в технике скани, хотя золото по-прежнему остается для них престижным металлом.

Храмы в Индии, как и люди, бывают богатые и бедные. В больших богатых городских храмах на богинях сияет золото, в бедных же, чаще всего деревенских, в уборах богинь мерцает серебро. Серебряные кружева украшают паланкины, на которых в праздники носят по деревне скульптурки богов. Филигранные лотосы и другие экзотические цветы помещают на алтари (крытые помосты) богини Дурги в праздник дургапуджа. Алтари сооружают в определенных местах города, называемых деби гхара (дома богини). Там ставят большие глиняные раскрашенные изображения Дурги, около которой жрец служит пуджу. В конце праздника Дургу топят в море или в реке.

Я привела лишь несколько примеров культового применения изделий из серебряной скани в Ориссе. К сожалению, никаких работ по этой проблеме до сих пор не написано. Мои же возможности основательнее познакомиться с ней были ограничены запретом входить в индуистские храмы. Мне оставалось только расспрашивать местных жителей.

Несомненно, искусство филиграни в Ориссе развивалось в течение многих столетий. И высказанное некоторыми историками предположение, что на женщинах, служивших моделью для изваяний прекрасных апсар на стенах храмов, были надеты серебряные филигранные украшения, не лишено основания. Уж очень они схожи по рисунку с современными женскими украшениями из серебра.

Отчего же колоссальные памятники индусов так величавы и неизмеримы?..

Н. Гоголь⁵⁴

Храм солнца в Конараке или Черная пагода, как ее называли европейцы, находится к северо-востоку от Пури. Он считается высшим достижением архитектуры Ориссы и шедевром мирового значения. «Конарак» на санскрите значит «угол солнца», то есть угол Ориссы, где почитают бога солнца. Он был построен в XIII веке, в правление царя Нарасимхи Девы I из династии Восточных Гангов. Когда-то у его ступеней плескались волны моря, но за семь столетий произошли большие изменения: море отступило от храма почти на три километра, да и от самого здания остались лишь руины, которые привлекают туристов со всего мира красотой статуй и обаянием древности.

Весь ансамбль Храма солнца состоит из трех частей. Одна часть сооружения — танцевальный павильон, в котором девадасы исполняли ритуальные танцы, — находится отдельно от двух других. Крыша его обвалилась, но еще крепкие стены сохранили былую красоту. Снаружи они сплошь покрыты горельефами, изображающими как бы застывших в танце полногрудых танцовщиц. В руках у них барабаны, флейты, цимбалы. Две части храма — помещение для публики и святилище — соединены. Одно из них построено в виде колесницы. По форме она похожа на те, в которых вывозят напоказ Джаганнатха, Балабхадру и Субхадру. Перед храмом — семь каменных коней в богатой сбруе; число семь символизирует семь дней недели. Тяжелая колесница как бы стоит на 12 парах колес (диаметром чуть меньше трех метров). Их число указывает на деление года на 12 месяцев.

Большинство изображений этой части храма посвящено теме любви, ибо «желание — основа Вселенной, — говорится в „Шилпа пракаше“, — из желания возникло

все живое»⁵⁵. Каменный декор храма сохранился далеко не полностью, но и то, что дошло до наших дней, производит неизгладимое впечатление. Сложный, во многих местах ажурный, почти кружевной орнамент сплошь покрывает разнообразные плоские и фигурные поверхности бесчисленных выступов и углублений, которые служат соответственно постаментами и нишами для крупных горельефов, отдельных фигур и скульптурных групп. Живописный контраст между мелкой, затейливой резьбой орнамента и обобщенными, монументальными формами человеческих фигур не дает возникнуть ощущению монотонности и перегруженности декора, создавая все новые и новые, необычайно прихотливые, но всегда гармоничные соотношения объемов, линий, богатейшую игру светотени, непрерывно меняющуюся в зависимости от угла зрения, от состояния неба и времени суток.

Скульптурные группы, представляющие собой в основном любовные пары, настолько причудливы по композиции и силуэту, что не сразу постигаешь сюжеты изображаемых сцен. А между тем именно они считаются едва ли не главной достопримечательностью этого архитектурного шедевра. В особенности они интригуют иностранцев, усматривающих в них самое экзотическое выражение некоторых особенностей индийской культуры.

Как известно, мотивы, называемые эротическими, не являются исключительным достоянием индийских религиозных философских и художественных традиций. С древнейших времен они существовали в мифологии, культовых установлениях, литературе и искусстве многих народов. Однако из европейской культуры со времени утверждения христианства такие сюжеты были почти совершенно изгнаны и многие века считались греховными или по меньшей мере предосудительными, непригодными для изображений и описаний, и до сих пор продолжают считаться таковыми. Возможно, этим и объясняется ощущение некоторой неловкости или, напротив, какого-то суетливого возбуждения, характерное для поведения туристов, когда они рассматривают рельефы Храма солнца.

Всякий, кому неведомы творческие каноны и символика этого искусства, обычно видит в сюжетах скульптурных групп, покрывающих стены храма, прежде всего апофеоз плотской любви, представленной здесь неисся-

каемым разнообразием ситуаций и поз; иные из них воспринимаются как плоды самого изощренного и смелого воображения.

Но чрезвычайная, не оставляющая никого равнодушным занимательность этих удивительных творений настолько увлекает зрителя, что ему подчас недостает внимания на то, чтобы по достоинству оценить их пластические качества. И он может не заметить, что композиции, изображающие самые изысканные и мудреные любовные ласки, отличаются тонкой уравновешенностью масс, гармонией форм и линий и — что, быть может, самое ценное, — совершенным соответствием как всей концепции здания, так и той части его поверхности, которую они украшают. «Внешний декор здания — пробный камень архитектора»⁵⁶, — писал Ле Корбюзье. Декор Храма солнца в Конараке — это впечатляющий признак зодчества высшего художественного уровня.

Каменная колесница довольно хорошо сохранилась, железные балки продолжают держать крышу. Но внутри помещение забили галькой и песком, чтобы предотвратить разрушение.

Святилище давно рухнуло. Если судить по пропорциям остальных частей храма, то его высота должна была достигать 70 метров. Он был намного выше храмов Джаганнатха и Лингараджа. Вокруг руин стоят двухметровые слоны, всадники и чудища, которые некогда украшали храм. Особое восхищение вызывает ювелирно выточенная из твердого камня скульптура молодого стройного воина — бога солнца — на стене святилища. Искусствоведы восхищаются изяществом работы древнего мастера, а историков удивляют сапоги бога солнца. Такой формы сапоги носили скифы.

Из донесений правительству Великих Моголов известно, что Храм солнца был окружен стеной, в пределах которой находилось кроме главного 22 храма, а за стеной, напротив входа, — еще шесть. Один из могольских историков писал, что даже те, кто склонен к критическому суждению и кому трудно угодить, были ошеломлены, увидев храм.

В наше время в такое же состояние приходят специалисты, когда узнают, что свод поддерживают железные балки длиной более 10 метров. Они не заржавели за 700 лет! Сколько было высказанно восторгов по поводу

железной колонны в Дели! А ее высота около 7 метров и вес 6 тонн. Древний секрет выплавки нержавеющей железа еще не найден.

Семьдесят метров — это высота современного двадцатипятиэтажного дома. Каким образом при тогдашнем уровне техники древние мастера поднимали каменные блоки весом в несколько тонн на такую высоту?

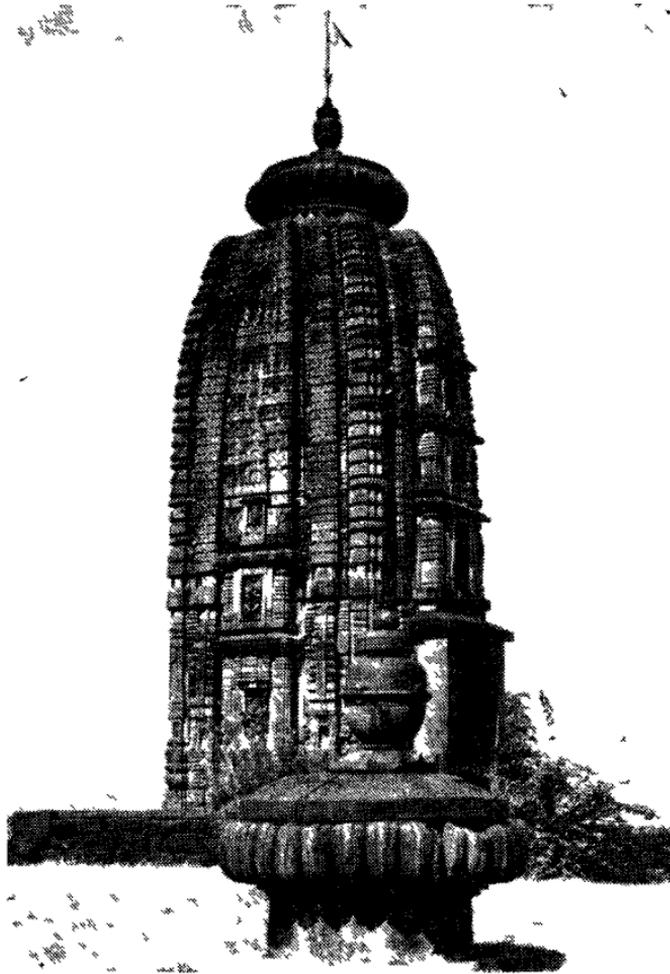
Правители сгоняли тысячи людей, которые возводили рядом со строящимся храмом с одной или с нескольких сторон земляные насыпи с пологими склонами. Росла высота стен храма — поднималась и удлинялась насыпь. По ней на нужную высоту втаскивали каменные блоки. Земля заменяла привычные нам строительные леса. Благодаря такому ухищрению отпадала необходимость поднимать тяжелые камни перпендикулярно вверх.

Для Лингараджа, высота которого около 50 метров, была сооружена насыпь длиной до 7 километров. Она начиналась от холма Кхандагири, откуда и брали камень, и заканчивалась на вершине Лингараджа. Легко можно представить себе людей, медленно идущих друг за другом с огромными корзинами, наполненными землей, на головах. (Дамбы и дороги в наши дни строятся таким же трудоемким способом.) Сейчас в Бхубанешваре можно кое-где увидеть остатки той гигантской насыпи XI века.

Применялся и другой способ подъема блоков. Насыпь делали со всех сторон, то есть практически храм закапывали в землю, превращали в земляной холм, по пандусу которого втаскивали камни. Когда же амла, калаша и чакра для вишнуитского или трезубец для шиваитского храма водружались на должное место, храм раскапывали.

В первой четверти нашего века таким же точно методом были восстановлены храмы в Кхичинге, на северо-западе Ориссы. Специалисты считают, что при реставрационных работах был нарушен канон, неправильно уложены отдельные камни, но это не мешает восторгаться изяществом пропорций зданий и красотой рельефов.

Вспомним удивительный эпизод из легенды о происхождении культа Джаганнатха, когда конь царя споткнулся о чакру на вершине засыпанного храма. Такой поэтический образ не случайно происходит из тех мест, где земляные насыпи заменяли строительные леса.

Восстановленный древний храм в Кхичинге

История не сохранила нам имен строителей, но мы знаем, что они не были простыми рабочими. Архитекторы и скульпторы, как сообщает древнее сочинение, должны были знать математику, древние мифы, уметь рисовать, то есть пересечь океан знаний vastu (архитектуры). Это же произведение определяет и личные качества мастера. Он должен быть здоровым, правдивым, добрым, свободным от злобы и зависти, веселым, щедрым, серьезным и т. п. Определенные требования предъявлялись и к его ученикам, чаще всего сыновьям.

Вот такие люди и возводили Храм солнца в Конараке. Существует легенда, что 12 сотен скульпторов в течение 12 лет творили это чудо. Все эти долгие годы им было запрещено видеть своих жен. Царь считал, что в тоске по дому, по любимой мастера смогут живее передать в камне страсть и наслаждение любви.

В отличие от способа, принятого в европейской архитектуре, в Конараке, как и в других местах Ориссы, блоки, с которыми работал мастер, лежали не на земле, а на своем месте, в сооружении. Это требовало от мастера точности глаза и руки. Ошибаться было нельзя. Об одном скульпторе сохранилось предание.

Однажды царь Нарасимха Дева I посетил стройку. Резчик был так увлечен работой, что не заметил, как царь подошел к нему. Около мастера сидел помощник, подававший ему пан (жвачку). Скульптор не оборачиваясь протягивал руку за паном и продолжал свое дело. Царь, знаком повелев помощнику отойти, сел рядом с резчиком и подал ему пан из своей коробочки, когда тот протянул руку. Мастер почувствовал, что вкус у пана другой, обернулся и, увидев царя, бухнулся ему в ноги, но царь поднял его и сказал: «Мастер, ты достоин того, чтобы царь служил тебе подмастерьем».

Нарасимха Дева I прославился в истории Ориссы тем, что сумел дать отпор мусульманским завоевателям. Поэтому Храм солнца в Конараке называют памятником победы над врагами.

Царь истратил на постройку храма огромные средства, которые равнялись сумме государственных доходов за 12 лет. По-видимому, ему необходимо было создать новый культ и ослабить власть брахманов Пури. Однако брахманов больше устраивает другая версия.

Царь якобы болел проказой, молился богу солнца, прося его об исцелении. Когда он выздоровел, то повелел возвести храм.

Еще до начала строительства храма это место считалось священным. Здесь вылечился от проказы Шамба, сын Кришны. А заболел Шамба из-за любопытства. Он подсматривал за любовными играми отца, чем вызвал его гнев и проклятие. Отец наказал сына страшной болезнью. Шамбе ничего не оставалось делать, как идти к «исцеляющему проказу» месту и молить бога солнца о помощи. Божий сын мог при большом усердии изба-

виться от такой напасти, но что касается смертного царя, то такой благополучный исход кажется маловероятным.

Эта легенда впервые возникла в городе Мултане (современный Пакистан), но хорошо прижилась в Ориссе.

В 1837 году англичанин Фергюсон посетил те места и в книге «Образцы древней архитектуры Хиндустана» сообщил, что руины святилища имели высоту 40 метров. Сохранился его рисунок. Одни исследователи полагают, что причиной разрушения послужили землетрясение или молния. Другие считают, что виной тому песчаный грунт, который неравномерно оседал, в результате чего купол святилища дал трещину и рухнул.

Жители же соседних деревень из поколения в поколение рассказывают такую историю. Когда-то купол святилища завершал огромный плоский камень, который якобы притягивал к берегу корабли. Они садились на мель и разбивались. Однажды — никто не может теперь сказать когда — на берег высадились пираты и сбросили тот камень вниз. Жрецы взяли божков и ушли в Пури.

На мой взгляд, легенда эта похожа на правду. Пираты действительно грабили те места. Они же и называли Храм солнца в Конараке Черной пагодой в отличие от храма Джаганнатха в Пури, который в их морских ориентирах назывался Белой пагодой.

Храм в Конараке, по мнению исследователей, разрушился между 1569 и 1627 годами.

Такое прошлое Черной пагоды. Сейчас ее посещают туристы со всего мира, а на седьмой день месяца магх (январь—февраль) около храма появляются тысячи паломников. Еще до восхода солнца они идут к водоему — примерно в двух километрах от храма, — где совершают омовение. Когда-то там протекала судоходная река Чандрабхага. Сейчас остался пруд, наполненный, считают верующие, священной водой исчезнувшей реки. Затем паломники направляются к берегу моря встречать восход солнца, и когда красный диск отрывается от вод морских, они спешат к невзрачному Храму девяти планет, что стоит рядом с Храмом солнца. Там выставлен для поклонения фриз, некогда украшавший главный вход Черной пагоды.

Никто не знает сейчас, почему из года в год в этот день люди приходят в Конарак. Возможно, когда-то и

знали, да забыли. Полагают, что тогда состоялось освящение построенного храма или какой-то другой праздник.

Расплатившись с надоедливymi жрецами Храма десяти планет, паломники идут к автобусу. Они исполнили свой долг.

Меня же влекли руины храма. Я обошла здание и села на камень, стоявший в нескольких метрах от колес каменной колесницы. Попыталась представить себе храм в лучшие его годы, когда у стен плескались морские волны, а внутри и вокруг, как муравьи, сновали жрецы, паломники, прокаженные, нищие. Мои мысли прервала группа иностранных туристов. Их гид тщетно пытался привлечь внимание возбужденных экскурсантов к немногим «приличным» скульптурам.

— Обратите внимание на жирафа! В Индии нет жирафов! Они водятся только в Африке... А это царь на слоне, он едет посмотреть жирафа, привезенного на корабле из далекого плавания к африканскому берегу! — говорит гид. — Историки считают, что Храм солнца был построен в крупном для того времени порту. На месте этих дюн был густонаселенный город...

Усилия гида были напрасными. Его никто не слушал. Туристы разбрелись, чтобы в одиночестве разглядеть каменные фигурки, застывшие в причудливых позах. Потом они ушли.

Между мной и стеной храма появилась индийская семья — паломники, которые, видимо закончив религиозную программу, решили перейти к культурной. Довольно молодые родители и их дети от шести до семнадцати лет молча разглядывали эротические изображения. Никто из них не хихикал, не указывал пальцем и не задавал родителям «трудных вопросов». Они пришли на встречу с богами, как мне потом объяснил один пожилой профессор, «у них и мысли не могло быть, что тут что-то неприличное».

Индийскую семью сменил молодой индиец. Он внимательно разглядывал позы, стараясь запомнить их. Тот же профессор сказал мне, что молодые люди специально приезжают в Конарак поучиться искусству любви у своих изощренных в этом деле предков.

Эротические скульптуры украшают все храмы Ориссы, построенные в X—XIII веках. В то время тантризм,

о котором будет рассказано в следующей главе, с его эротическими ритуалами оказал влияние на все направления индуизма. Так оправдывают историки присутствие в храмовом строительстве неприличных с точки зрения европейской морали тем.

Храм солнца в Конараке дал исследователям любопытный материал, показывающий, каким образом произошло становление идолов Балабхадры и Субхадры. Сохранилось два горельефа на стенах этого храма, изображающих царя Нарасимху Деву I, молящегося Джаганнатху. Один такой горельеф находится в Национальном музее Дели, а второй можно видеть на стене самого храма. Наиболее интересны в этих горельефах не царь и не Джаганнатх, которых легко узнать, а Балабхадра и Субхадра. Вместо них рядом с Джаганнатхом изображены лингам Шивы и богиня Дурга. Ими-то и были Балабхадра и Субхадра в первые годы после постройки храма! В надписях, выбитых на стенах храмов, и в дарственных пластинках Нарасимха Дева I называл себя «великим почитателем Шивы, сыном Дурги и Пурушоттама» (одно из имен Джаганнатха). Поэтому в службе, которую проводят пуджапанды около Балабхадры и Субхадры, остались элементы шиваитской и шактистской пуджи.

Настало время вспомнить о фреске в бхог-мандире храма Джаганнатха в Пури. Там тоже нарисованы Джаганнатх, лингам Шивы и богиня Дурга. Таким образом, в XIII веке Джаганнатх, Балабхадра и Субхадра символизировали три господствующих направления индуизма: вишнуизм, шиваизм и шактизм. Храм солнца в Конараке дает возможность ответить еще на один вопрос, поставленный в начале книги: о происхождении праздника колесниц.

В основу архитектурного замысла этого храма положено содержащееся в одном из гимнов «Ригведы» описание бога солнца. Согласно этому древнейшему из источников по истории культуры Индии, люди представляли его мужчиной, с руками из золота, стоящим на колеснице, запряженной семью лошадьми.

Образ бога-колесничего существовал и в других странах, народы которых говорят на индоевропейских языках. «Древние греки верили, — писал Дж. Фрезер в книге „Золотая ветвь“, — что солнце гонит по небу

свою колесницу. Поэтому жители острова Родос, поклонявшиеся солнцу как высшему божеству, ежегодно посвящали ему колесницу и четырех коней. Их сталкивали в море для того, чтобы они служили солнцу»⁵⁷.

Западноевропейские карнавалы берут свое начало от древнего языческого культа солнца.

Имеются косвенные данные о том, что в древности и на Руси праздновался своеобразный праздник колесниц. Он долго сохранялся в Симбирской и Костромской губерниях. «Девыцы приготавливали соломенное чучело, а молодцы вывозили на улицу телеги без передних колес, связывали их одна с другою в виде гуська и впрягали лошадей. Потом начинался поезд с одного конца селения до другого. На передней телеге помещалась старуха и держала на коленях чучело»⁵⁸, — читаем мы в одной из книг конца прошлого столетия.

Санные поезда на масленицу — это не что иное, как пережиток древнего праздника колесниц. До принятия христианства на Руси на масленицу почитали бога солнца и в его честь пекли круглые, как само светило, блины.

В древней Греции такую жертвенную колесницу везли лошади. На Руси в праздничные повозки (телеги) также впрягали лошадей. Колесница храма в Конараке свидетельствует о том, что для ратха джатры необходимы лошади. Но почему в Южной и Восточной Индии, где празднуется ратха джатра, вместо лошадей используется мускульная сила людей? Ответ прост: в этих частях Индии практически нет лошадей. В Ориссе мне ни разу не довелось встретить живую лошадь. На стенах храмов можно видеть множество каменных изображений этих животных, у священных деревьев — сотни глиняных лошадок, поставленных там людьми в надежде, что богиня, живущая в дереве, придет в дом просящего и поможет ему справиться с бедой или хворью. Есть лошади на фресках, есть скульптуры всадников перед входами в храмы, есть деревянные лошадки на праздничных колесницах, но живых... нет! Вот и приходится людям тащить за канаты тяжелые колесницы, подобно тягловым животным. В таких условиях проходят индийские «карнавалы».

В 1969 году праздник колесницы в Пури совпал с первым полетом людей на Луну.

...Умственная жизнь первобытных людей (а следовательно, и их социальные институты) зависит от того основного и первоначального факта, что в их представлениях чувственный мир и мир «иной» составляют нечто единое.

Л. Леви-Брюль ❧

В храме Джаганнатха около главных идолов проводится тантрическая пуджа, суть которой заключается в том, что жрец создает «видение» бога в своем сознании и переносит это видение в его изображение. Подобные ритуалы совершаются во всех больших храмах Ориссы, Бенгалии и в некоторых других местах Северной Индии, но их не увидишь ни в одном вишнуитском храме юга страны.

Тантризм возник в VII—VIII веках на востоке Индии. Название его произошло от слова «тантра» — сочинение о магии слов и диаграмм. Последователи тантризма верили, что, если правильно произносить заклинания, это окажет магическое действие на человека и на весь мир, что человек и Вселенная, соотносясь друг с другом как микрокосм и макрокосм, становятся объектами действия таинственной силы слов и знаков. Человеческий организм — это Вселенная в миниатюре. В нем находится множество линий, каналов и центров, через которые движутся нервные силы. В нижнем нервном центре заключена сила подобная той, что сотворила Вселенную.

В учении тантристов отразились представления древних людей о том, что мир родился таким же способом, что и человек, благодаря участию как женщины, так и мужчины, поэтому в систему их магических обрядов входит половой акт.

В древнем источнике «Тантра Мантра» сказано, что женщина — высшая дхарма мужчины. Женщина — высший тапас (объект поклонения) его; женщина — его

рай. Если женщина удовлетворена — весь мир удовлетворен.

В идеологии некоторых сект тантристов женское начало преобладало над мужским. Мужчинам рекомендовалось развивать в себе женское начало, так как считалось, что именно оно есть начало начал. В Пури еще на рубеже нашего столетия существовала тантрическая секта, последователи которой — мужчины — носили сари, красили глаза и вели себя как женщины, то есть соблюдали все ритуалы и ограничения, связанные с физиологией женщины. В одном из монастырей Пури сохранились их фотографии.

Тантризм с его эротическим уклоном проник к X веку во все направления буддизма и индуизма в Ориссе, поэтому храмы, построенные после X века, в той или иной мере отразили это учение либо в скульптуре (михуна мурти), либо в пудже.

Исчез ли тантризм в наше время и как представляют его себе образованные индийцы? В поисках ответа на эти вопросы я расспросила многих друзей и знакомых и услышала множество историй, которые в основном касались черной магии. Ею занималась до недавнего времени одна секта тантристов. Сведения о ней я нашла также в газетных и журнальных статьях.

— С моим дедом произошел страшный случай, — рассказывал мой знакомый преподаватель университета, — жил он тогда в Пури. Дед вместе с одним парикмахером решили вызвать дух умершего и получить от него силу ясновидения. Они нашли гуру, человека, который знал особые мантры, заклинания, способные оживить труп. Парикмахер узнал, что на берегу в песке захоронена женщина, умершая накануне. Вы, конечно, знаете, что некоторые низкие касты не сжигают покойников, а хоронят в земле. И вот они втроем — дед, парикмахер и гуру — ночью, прихватив с собой для жертвоприношения козу, а также новое сари и браслеты, отправились к месту захоронения. Разрыли могилу, надели на труп сари и браслеты. Дед сел женщине на грудь, а гуру начал читать мантры, после чего дед опрыскал лицо трупа специальной водой. Женщина начала подниматься с закрытыми глазами. Дед был хромым и не смог вскочить. Он повалился на землю. Видя, что женщина не открывает глаза, дед вновь сел ей на грудь. Она опять его повали-

ла, и так было несколько раз. Стали думать, в чем все-таки дело. Тогда гуру спросил деда: «А вы насурьмили ей глаза?» Принялись искать краску, и оказалось, что дед забыл сурьму дома. Поэтому гуру прочитал другую мантру, дед прыснул водой женщине в лицо, и та опять умерла. У них ничего не получилось. Больше мой дед в таких приключениях не участвовал и мне не советовал. Он сам признался, что было жутко.

Ошеломленная услышанным, я нашла Деби и спросила ее мнение об этой страшной процедуре с мертвой женщиной.

— Во-первых, они забыли сурьму, а во-вторых, руки и ноги трупа нужно было к чему-нибудь привязать. Иначе опасно, — сказала Деби с полным знанием дела.

Вполне естественно, что после таких рассказов я обратилась за разъяснением к исследованиям по религии Индии и обнаружила, что представления моих знакомых о тантристах не случайны, они закреплены в художественной и в специальной исторической и философской литературе.

Студенты, с которыми я слушала лекции в колледже, сообщили мне, что один старый тантрист всегда сидит рядом с храмом Кали в Катаке.

— Его зовут в дом, если людей беспокоит привидение. Старик находит место под полом, где захоронены кости умершего, выкапывает их и таким образом избавляет жильцов от привидения.

Большинство же моих знакомых называли тантристами тех, кто благодаря магическим действиям развивал в себе способность предсказывать будущее. Самый знаменитый из них живет в отдаленном районе Ориссы на границе со штатом Мадхья-Прадеш. Ни имени его, ни племени мои друзья вспомнить не смогли, но в их памяти крепко засела сенсационная новость, опубликованная во всех газетах, о том, что этот тантрист ходил в Дели и предсказывал будущее членам правительства и известным кинозвездам.

Магия, колдовство, ясновидение, эротические обряды во имя богов и т. п. — об этом написано немало в индийской и зарубежной литературе, и это вызывает интерес исследователей, поскольку это наше прошлое. Почему же это прошлое так надолго задержалось в Индии? Вероятно, потому, что ее населяют как развитые, так и

отсталые народы, живущие в отдаленных, труднодоступных горных районах. Индийские ученые выводят на орбиту искусственные спутники, а часть населения (пусть небольшая) все еще пользуется каменными орудиями или недавно заменила камень на железный нож фабричного изготовления. Орудия производства сменить легче, чем отказаться от первобытных представлений о мире. Взаимное влияние разных цивилизаций в одной и той же стране и дает такую яркую, противоречивую и запутанную картину духовной жизни всего народа в целом.

Этот же процесс и обусловил появление весьма своеобразного культа Джаганнатха.

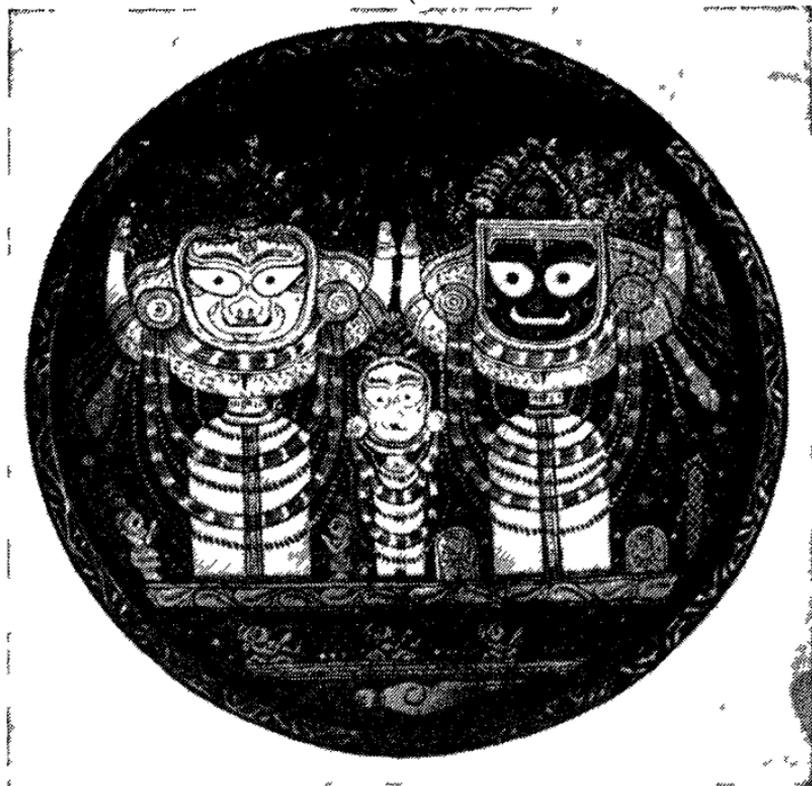
Боги наделяются теми способностями, какие нужны человеку.

*Монтень*⁶⁰

В продолжение всей своей долгой истории индуизм сосуществовал с бесчисленными племенными культурами, постепенно распространялся среди все новых этнических групп, включая в свою систему популярных богов того или иного племени. В результате этого процесса и сложился современный индуистский пантеон, насчитывающий, как говорят индийцы, 33 карора (один карор равен 10 миллионам) богов и богинь. Впрочем, следует иметь в виду, что выражение «33 карора» в данном случае фигуральное, подобно русскому «сорок сороков».

В индуизме бог никогда полностью не идентичен своему изображению, он — вне его. Бог может «спуститься» целиком или частично в свое изображение или символ, а также в храм, на святое место или на праздник. Тем самым он добровольно позволяет верующему приблизиться к себе. Чтобы бог вошел в свое изображение, требуется пуджа, во время которой жрец зовет бога и потом ублажает его как самого дорогого гостя, предлагая воду для умывания и угощение и сопровождая все свои действия ласковыми словами и похвалами. Поэтому для индуистского храма обязательны присутствие человекоподобного изображения бога или его символа, регулярная пуджа со сложным ритуалом, требующим участия многих жрецов. В больших храмах Ориссы пуджа совершается пять раз в день.

Среди племенных культов антропоморфные изображения богов встречаются крайне редко. На окраинах деревень племени савара стоят деревянные человекоподобные фигурки в шляпах. Но это чиновники, а не боги. Их помещают на околице, чтобы отпугнуть от деревни злых духов: если люди боятся чиновников, то и духи должны их остерегаться — так, вероятно, думают мест-

Ритуальная тарелка из папье-маше

ные жители. Фигурки — символы злой воли — призваны спасти людей от еще больших несчастий, чем те, что приносят с собой налоговые чиновники.

Обычно на окраинах деревень в отсталых, населенных племенами районах стоит камень или деревянный столбик, около которого жители в праздничные, а также в другие, в основном тяжелые дни совершают жертвоприношения. Убивают чаще всего курицу, овцу или козу. Роль посредника между богиней и людьми берет на себя жрец (или жрица), который, подобно шаману, во время бешеной пляски доводит себя до состояния экстаза, показывая соплеменникам, что в него вселилась богиня. Жрец может привести себя в такое состояние в любое время суток, поэтому регулярные богослужения не нужны. Да и в человекоподобном изображении богини нет

необходимости, поскольку невидимая богиня покровительница племени «вещает» устами жреца.

Отсталые племена, живущие в близком соседстве с индусскими деревнями, постепенно перенимали более развитую культуру соседей и их религию. Этот процесс особенно усилился в средние века благодаря учению бхакти (преданность богу). Оно отвергало исключительные права брахманской касты. Знание правил ритуала и жертвенных формул, которые эта каста держала в секрете и считала своими прерогативами, согласно бхакти не могло помочь человеку достигнуть мокши (полного освобождения от уз и влияния плотской оболочки в процессе перерождения души). Только внутреннее состояние человека, его преданность богу — единственный путь спасения. Услуги брахманов, посредников между богом и верующим, стали необязательными. Это учение облегчило приобщение выходцев из племен к индуизму и к индийской культуре вообще.

Включение же племенных культов в систему индуизма было более длительным и сложным. Такое обогащение индуизма религиозными представлениями племен было возможно благодаря основному положению индуизма: бог находится везде и всюду в Индии.

Чтобы тот или иной племенной божок мог стать богом индуистского пантеона, необходимо выполнить несколько условий: организовать регулярную пуджу, построить храм и пожертвовать землю в пользу его жрецов. Кроме того, этот божок должен быть переосмыслен как одна из форм главного индуистского бога — Вишну или Шивы или получить иную связь с ним — стать братом, сестрой, женой, сыном и т. д. Выполнение всех или части этих условий приводит к тому, что символ божества (камень или деревянный столбик) постепенно приобретает человеческие черты.

Политика царей средневековой Ориссы способствовала этому процессу. Будучи заинтересованными в укреплении своей власти в том или ином районе, населенном племенами, они возводили храмы популярной в тех местах богине и раздавали земли жрецам.

Вожди, получившие экономическую и военную власть в результате классового расслоения племени, поступали так же: строили храмы богине-покровительнице племени и наделяли землей жрецов. Известна, например, история

становления культа богини Кхамбхешвари (богини столба) в Ориссе. В VI—VII веках эта богиня находилась под покровительством раджей из династии Шулки, выходцев, как полагают историки, из племени шаулика. (Об этом племени сообщает древнее сочинение «Маркандея пурана».) Сохранились бронзовые таблички — дарственные на землю жрецам богини столба. Среди имен, указанных в этих письменных источниках, встречаются имена как брахманов, так и небрахманов.

До сих пор богиню Кхамбхешвари изображают по-разному. В Гопалпрасаде она представлена в виде двух деревянных чурбанов до полуметра высотой. В деревне Баримул, где живут выходцы из племени кхонд, Кхамбхешвари — каменный столбик. Недалеко от Гандхаради можно видеть «богиню столба» в виде обтесанного деревянного столбика с резьбой. На нем изображено круглое женское лицо в головном уборе, похожем на корону, и две руки, выходящие из головы. В храме Нилима в Парлакхеманди она нарисована в виде женщины, заключенной в столб. Только голова и ноги отделились от столба. Но самое интересное ее изображение находится в Аске, в храме, названном ее именем. Нижняя часть каменного столбика богини закрыта куском пестрой ткани, а верхняя — маской. Нос и рот на маске слегка намечены, а три глаза и высунутый язык золотые. Это уже человекоподобное изображение богини. Около нее идет регулярная пуджа.

Анна Шарлотта Эшман, собравшая множество сведений об индуизации племенных культов, пришла к выводу, что такой же путь превращений прошла и богиня Субхадра⁶¹. Ее находки наталкивают на мысль, что именно «богиня столба» была названа Субхадрой (Благороднейшей).

Культы многих племенных богинь сейчас находится в процессе оформления их индуистских ритуалов. У одних символов (столбов, камней) служба идет раз в год, у других — раз в месяц, у третьих — раз в неделю (например, у богини Мангалы — по вторникам: «мангала» на ория означает и «счастье» и «вторник»), у четвертых — ежедневно.

Большинство богинь носят свои имена, и одновременно их ассоциируют с Дургой. Богиня племени меняла свой облик, но оставалась божеством женского пола,

По мере распространения индуизма, классового рас-слоения и перехода к патрилинейному счету родства воз-растала необходимость в божествах мужского пола. Хо-тя неантропоморфный лингам Шивы больше всего похож на символы богинь в племенах, А. Эшман нашла мало примеров простой замены символа богинь символом Шивы. Чаще всего необработанные камни, так называе-мые сваямбху, объявлялись лингамами Шивы. Вспом-ним легенду о лингаме Шивы в храме Лингарадж. Ка-мень превратился в символ бога Шивы по указу царя.

В Ориссе лингамы Шивы обычно стоят внутри или около храмов, а также в местах кремаций. Дома же лю-ди поклоняются главным образом его антропоморфным изображениям. Там в специальных комнатах, кладовых или просто в стенных шкафах, где устроены алтари, стоят фаянсовые или гипсовые раскрашенные скульптур-ки Шивы, которого легко узнать по его атрибутам: полу-месяцу в волосах, кобрам на голове, шее и плечах, а так-же трезубцу в руке.

Среди богов вишнуитского пантеона встречаются как антропоморфные (Вишну, Рама, Кришна), так и неан-тропоморфные изображения (шалаграмы). Это направ-ление индуизма охватывает множество верований, начина-я с унаследованных от первобытного строя анимизма, тотемизма, фетишизма и т. п. и кончая сложными бого-словскими учениями. Последователи вишнуизма почита-ют бога Вишну и его воплощения (аватары). Их много, но только десять из них считаются главными: рыба, че-репаха, вепрь, человеколев (Нарасимха), Карлик, Па-рашурама, Рама, Кришна, Будда и — последний — Кал-ки, приход которого ожидается в ближайшем будущем. (Примечательно, что в настоящее время некоторые ин-дийские теологи усматривают в последовательности этих воплощений своего рода символический аналог дарви-новской теории об историческом развитии живой приро-ды. Эта мысль популярна и в Ориссе.)

Сейчас пуджапанды во время службы обращаются к Джаганнатху как к Кришне. Утром они, занимаясь ме-дитацией, представляют себе Кришну-мальчика, играю-щего с куском масла в руке во дворе своего дома, днем — Кришну-юношу в окружении пастухов и пасту-шек, вечером — Кришну-мужчину, сидящего на оленьей шкуре и читающего проповедь, и, наконец, ночью —

Кришну, играющего в любовные игры с пастушками на берегу Джамны.

Но раньше Джаганнатх был не Кришной, а другой аватарой Вишну — Нарасимхой. Об этом свидетельствует прежде всего недавно найденная рукопись «Раджабхога», написанная в XVII веке деулакаранами (писцами храма). В ней сообщается, что раньше в святилище Джаганнатха читали мантры, посвященные богу с лицом льва. Кроме того, Нарасимха до сих пор занимает важное место в обрядовой практике храма. В праздник навакалебара (нового тела) к только что созданному идолу Джаганнатха обращаются как к Нарасимхе. Джаганнатха называют Нарасимхой и во время праздника купания, когда на него выливают 108 кувшинов воды. Пуджа Нарасимхе составляет основу ритуала посвящения брахмана в жрецы храма.

Заглянем дальше в глубь веков.

Письменные источники свидетельствуют, что раньше на месте храма Джаганнатха стоял другой храм. Неизвестно, когда он рухнул и какому богу он был посвящен. Можно лишь гадать также, почему царь-шиваит Анантаварман Чодаганга Дева начал возводить большой вишнунитский храм. Мы знаем, что царь умер раньше, чем храм был завершен, и что его жена в память о нем на его родине в Теккали (современный Андхра-Прадеш; прибрежная часть Андхры, входила в состав Калинги) построила храм для деревянного идола Дадхивамана. Этимология этого имени не поддается определению; возможно, это слово произошло из языка какого-нибудь племени.

Сейчас в Ориссе находится 344 храма Дадхивамана, которого считают Джаганнатхом. (Если в храме стоит один идол с большими кругами глаз на черном лице, с обрубками вместо рук, то его называют Дадхиваманом (или Ниламадхавой), а если рядом с идолом находятся идолы Балабхадра и Субхадра, то его имя — Джаганнатх.)

Проследить эволюцию этого вишнунитского божества помогает глубина народной памяти. Согласно легенде, которая была подробно рассказана, идол Джаганнатха когда-то принадлежал племени савара. (Число говорящих на языке ория и живущих практически во всех районах штата савара составляло, по данным 1964 года,

190 572 человека.) Идолов в их деревнях нет. Они верят, что богини живут около священных камней.

Таким образом, перед нами звенья разорванной цепи: символ племенной богини, почитаемый царем-шиваитом деревянный идол Дадхивамана (он же Джаганнатх), аватары Вишну в виде человекольва Нарасимхи и Кришны.

Исследователи культа Джаганнатха высказали предположение, что Нарасимха был промежуточным звеном в цепи превращений символа племенного божка в изображение вишнунтского бога.

Раньше Нарасимхе поклонялись как вишнуиты, так и шиваиты. Последние считали его одним из аспектов Шивы. Поэтому вполне возможно, что царь-шиваит строил этот храм для Нарасимхи. До сих пор в Ориссе встречаются храмы, посвященные шиваитскому Нарасимхе. Например, в деревне Барамба в храме Симханатх (Львиный владыка) в святилище находится лингам (необработанный камень типа сваямбху), вставленный в символ женской силы, а на стене при входе изображен человек с лицом льва (Нарасимха), сжимающий в руке атрибут Шивы — трезубец.

По мере распространения вишнуизма Нарасимху стали ассоциировать только с Вишну.

Легенда о Нарасимхе могла служить также удобным обоснованием для тех, кому нужно было назвать деревянный столбик — символ богини аватарой бога Вишну. Однажды, гласит эта легенда, Вишну появился из столба в доме демона Хираньякашипу, чтобы спасти его сына. Несмотря на проклятия отца, сын продолжал поклоняться Вишну. Убить демона было трудно, поскольку он добился от бога Брахмы обещания сделать так, чтобы его не смог убить ни человек, ни зверь, ни внутри дома, ни вне его, ни днем, ни ночью. Вишну же вышел из столба внутри дома в облике человекольва Нарасимхи и убил демона в сумерках на пороге дома.

Сюжет этой легенды отражен в каменных рельефах многих храмов Ориссы. Встречаются и деревянные изображения Нарасимхи. Одно из них можно видеть в Капиласе, в маленьком глинобитном храмике, расположенном рядом с гигантской лестницей (1366 ступеней), ведущей на верх холма, к шиваитскому храму. Там на деревянной панели вырезана голова в уборе, напоминаю-

шем корону, и выходящие из головы руки. В них Нарасимха сжимает свою жертву, демона Хираньякашипу. Служит пуджу около панели в Капиласе жрец из монастыря Падапада-матх. Он называет голову на панели Нарасимхой.

Это изображение человекольва удивительно похоже на барельеф, вырезанный на столбике богини Кхамбхешвари в Гандхаради, о котором я упоминала чуть выше. Такое иконографическое сходство «богини столба» и Нарасимхи, видимо, не случайно. В Ориссе исследователи нашли изображения «богини столба» в виде шакти, то есть женской силы бога Нарасимхи. Именно эта сила и помогла Нарасимхе одолеть демона. Одинаковые изображения «богини столба» и Нарасимхи свидетельствуют о связи между Джаганнатхом и племенными культурами.

О том, каким путем шла индуизация племенного культа, приведшая к появлению идола в вишнуитском храме, высказано еще несколько гипотез. Поиски в этом направлении, по всей вероятности, будут продолжены.

Природа рождает людей, жизнь их хоронит,
а история воскрешает, блуждая по их могилам.

В. О. Ключевский ⁶²

По пути в Пури паломник обязательно сделает остановку в Сакхигопале. Название этой большой деревни произошло от имени скульптуры Кришны в храме, построенном там для нее около ста лет назад. «Свидетель Кришна» — так переводится слово «Сакхигопал» (Гопал — одно из имен Кришны). И о нем есть легенда.

Много столетий назад в Виджайнагараме (штат Андхра-Прадеш) жили два брахмана — богатый старик и бедный мальчик. Однажды они отправились к святым местам в Вриндабан, и там старика свалила тяжелая болезнь. Однако мальчик не бросил его и выходил. Старик был так растроган вниманием и заботой юного спутника, что пообещал ему в жены свою дочь. Они вернулись домой. Прошло несколько лет, мальчик вырос и напомнил старику о его обещании. Но тот заупрямился, не желая отдавать дочь за бедняка. Тогда юноша пожаловался радже.

— У тебя был свидетель? — спросил правитель Виджайнагарамы.

— Только Кришна в храме Вриндабана слышал, как старик обещал отдать за меня свою дочь, — ответил молодой брахман.

— Я ничем не могу тебе помочь, — сказал раджа, — нужен свидетель.

— Я приведу свидетеля, — уверенно пообещал юноша и пошел в Вриндабан.

Там он стал молиться в храме, взывая к Кришне как к свидетелю, чтобы тот подтвердил обещание, данное стариком. Бог сжалился над юношей и явился к нему во сне.

— Иди домой, а я пойду следом. Только я ставлю тебе одно условие — не оглядывайся. Звон колокольчи-

ков на моей ноге будет сообщать, что я иду за тобой.

Так они и пошли: юноша впереди, а бог сзади позвякивал колокольчиками. Вдруг, когда они пересекали высохшее русло реки, звон прекратился. Юноша в страхе оглянулся. Бога не было, на песке стояла скульптура Кришны с флейтой в руке. Юноша взял ее и отнес радже. Последний поверил рассказу молодого брахмана и повелел старику исполнить обещание, а для скульптуры построил храм. Слава об этой скульптуре Кришны разнеслась по Индии. К ней потянулись паломники. В 1489 году царь Ориссы Пурушоттам Дева захватил Виджайнагарам во время военного похода и привез Свидетеля Кришну в Пури. В течение нескольких столетий скульптура находилась в храме Джаганнатха, пока в прошлом веке для нее не построили специальный храм в 19 километрах от Пури, в местечке Сакхигопал.

В храме рядом со Свидетелем Кришной стоит фигурка женщины, которую считают возлюбленной Кришны Радхой. Местный житель рассказал мне историю этой женщины.

Жила-была одна вдова... Но сначала несколько слов о вдовьей доле, тяжелее которой лишь доля нищего. В Индии многие считают, что вдовство — это наказание за грехи в прошлом рождении. Люди думают, что вдовы своим присутствием приносят несчастье окружающим. Дурным предзнаменованием считают они встретить вдову при выходе из дома. Вдовам не позволено присутствовать даже на свадьбе своих детей. А если девочка овдовела в 10—12 лет? Ей не положено вновь выходить замуж, иметь детей, носить цветное сари, украшения. Раньше вдовы бросались в погребальный костер своих мужей. Самосожжение было запрещено в 1829 году, но до сих пор время от времени в газетах появляются заметки о совершении этого обряда.

Самоубийство вдов — вовсе не монополия индийцев. Этот обычай существовал и у антов (древних славян). «Стратегикон», сочинение, приписываемое византийскому императору Маврикию (582—602), сообщает: «Скромность их женщин (племени антов. — Н. Р.) превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считают смерть своего мужа своею смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь»⁶³.

Вернемся теперь к сакхигопальской вдове. С ней произошло несчастье — она забеременела. Это событие вызвало переполох в деревне; возмущенные брахманы призвали ее к ответу, на что бедная вдова сказала, что каждую ночь к ней снисходил бог Кришна. Чтобы убедить всех, она показала подарки Кришны. Это были вещи из храма, они действительно принадлежали Свидетелю Кришне. Ей никто не поверил. Бедную вдову убили, но хитрые брахманы использовали рассказанную ею историю для привлечения паломников. Они объявили, что им приснился Кришна, который признался в своей любви к вдове и попросил рядом с ним в храме поставить ее скульптуру.

Был жаркий мартовский день, начало индийской весны, когда термометр показывал уже 40 градусов в тени. Километр, отделявший храм Сакхигопала от автобусной остановки, показался мне бесконечным. Я остановилась у входа в храм и заглянула внутрь. Один из жрецов заметил меня и обратился по-английски:

— Мадам, вам входить в храм запрещено. К большому сожалению, конечно. Я говорю «к сожалению», потому что в нашем храме находится очень красивый Кришна. Я сейчас попробую для вас что-нибудь сделать. Отодвину вон ту занавеску и поставлю светильник около скульптуры. Вы его увидите и отсюда.

В темном храме черная скульптура Кришны казалась расплывчатым пятном. Лишь одному иностранцу было позволено посмотреть на нее — Чарлзу Луису Фабри (1899—1968), английскому искусствоведу венгерского происхождения, прожившему большую часть своей жизни в Индии и посвятившему себя изучению искусства страны, ставшей его третьей родиной. «Храму в Сакхигопале менее ста лет, — писал он, — но скульптура, возможно, на добрых тысячу лет старше. К сожалению, статуя Кришны покрыта толстым слоем черной краски, так что ее очертания представляют собой массу наслоений и можно лишь догадываться о ее древности. ...Орисса полна примеров порчи памятников из-за набожности»⁶⁴.

Индийский паломник, поклонившись Свидетелю Кришне и женской скульптурке, облегчив свой кошелек, спешит дальше — в Пури. Но для моего сегодняшнего паломничества храм — только начало пути, а не глав-

ная его цель. Я приехала в Сакхигопал, чтобы посетить места, связанные с жизнью и деятельностью человека необыкновенной души, которого еще при жизни называли Уткаламони (Жемчужина Уткалы), а после смерти — ория джатира пати (отцом орисской нации). Имя его — Гопабандху Дас.

За храмом находится небольшая рощица, рядом школа, основанная этим крупнейшим просветителем, поэтом, журналистом, борцом за независимость Индии. В роще до сих пор стоят каменные скамейки и кафедры. Чуть в стороне — несколько каменных тумб-памятников Гопабандху Дасу и его сподвижникам. Жизнь его стоит того, чтобы о ней рассказать подробнее.

Гопабандху Дас родился 9 октября 1877 года в брахманской семье в деревне Суандо, расположенной недалеко от Сакхигопала. Суандо, подобно многим другим брахманским поселениям вокруг Пури, — самообеспечивающаяся сельская община. Сейчас в ней проживают сорок семей брахманов, которых обслуживают две семьи земледельческой касты, три семьи ткачей и пятнадцать семей хариджан.

Отец Гопабандху Даса был грамотным, работал деревенским мухтияром (стряпчим). Он был женат четыре раза. Гопабандху родился от третьей жены Сварнамайи Деви, скончавшейся через несколько дней после родов. Заботу о воспитании ребенка и его старшего брата взяла на себя сестра отца.

Семья была очень набожной. Дед Гопабандху во время пуджи богине Сарале в пылу религиозного экстаза так сильно надрезал себе язык, что вскоре умер, видимо, от потери крови. (Шактисты раньше в качестве жертвоприношения богине Сарале дарили каплю своей крови из языка. Сейчас, по-видимому, этот обычай почти исчез.) Отец и вся семья Гопабандху были вишнуитами. В их домашнем алтаре стояла скульптурка Кришны, которую они называли Винод Вихари (одно из имен Кришны). По семейному преданию, брат отца получил ее в дар от одного саньяси, которому во сне это велел сделать якобы бог. Сидя рядом со скульптуркой, маленький Гопабандху читал наизусть сочинения, посвященные Кришне. Мальчик увлекся поэзией и вскоре сам стал слагать стихи. Перед смертью Гопабандху Дас завещал часть своей земли Виноду Вихари.

В двенадцать лет Гопабандху женился на девочке по имени Апти.

Снова требуется отступление. Раньше было принято женить сыновей в возрасте 10—12 лет на девочках 7—8 лет. После свадьбы дети до достижения половой зрелости (15—16 лет для мальчиков и 11—12 лет для девочек) жили со своими родителями. Сейчас детские браки не встречаются среди образованных, обеспеченных слоев населения. До низких каст, правда, все современные новшества доходят с опозданием.

Несколько столетий назад и на Руси бытовали браки малолетних. Их сурово порицали «отцы» православной церкви. «Девок меньше 12 лет не венчать» — приказывал митрополит Фотий новгородцам в своем послании от 29 августа 1410 года⁶⁵.

У Гопабандху было трое сыновей и две дочери. Мальчики умерли в детском возрасте, жену же он потерял, когда ему исполнилось 28 лет. Дочери воспитывались в семье старшего брата. На все уговоры друзей и родных снова жениться он отвечал отказом. «Вы бы посоветовали моей жене, если бы она пережила меня, еще раз выйти замуж?» — отговаривался он. Еще раньше умер его отец.

Стремление быть полезным людям проявилось у него уже в школьные годы. Однажды во время праздника колесниц в Пури распространилась эпидемия холеры. Город был завален гниющими трупами паломников. Гопабандху организовал из школьников группу «Пури сева самити» (Комитет помощи в Пури), которая сжигала мертвых и оказывала посильную помощь больным. Неслыханное дело: мальчики из брахманских семей таскали трупы! И в городе им это сошло с рук. Но позже, когда Гопабандху и его товарищ помогли в деревне бывшего княжества Нилгири возвращавшейся из Пури паломнице сжечь ее умершего от холеры ребенка, тамошние брахманы объявили юношам, что они исключены из касты брахманов.

Гопабандху, окончив среднюю школу в Пури, продолжил свое образование в колледже имени Рэйвеншоу в Катаке и в университете в Калькутте. Занятия он сочетал с общественной работой — он был всегда там, где нужна была его помощь.

Почти каждый год в Ориссе случались то засуха,

то наводнение, причем вода порой держалась до трех месяцев. Гибли люди, урожай, скот. В сезон дождей реки Ориссы — Маханади, Брахмани, Байтарани, Саланди, Суварнарекха и другие — выходили из берегов. (Подобные стихийные бедствия частично удалось предотвратить лишь после постройки самой длинной в мире Хиракудской плотины.) Каждый раз Гопабандху Дас лично занимался сбором средств для голодающих, раздачей продуктов и переселением жителей затопленных деревень.

Голод вынуждал людей уходить на север, в Калькутту, где можно было как-то прокормиться. Беженцы из Ориссы становились там поварами и кули. (До сих пор среди бенгальских обывателей бытует мнение, что весь народ ория состоит из поваров и кули.) И для них Г. Дас старался что-то сделать, чем-то облегчить их участь. В Калькутте он организовал несколько вечерних школ для своих земляков. Одна из таких школ работает до сих пор. Названная его именем, она считается важным центром общественной жизни проживающих в Калькутте выходцев из Ориссы.

1905 и 1906 годы отмечены в истории Калькутты подъемом национально-освободительного движения. Получили распространение лозунги борьбы за сварадж («свое управление») и свадеши («свое производство»). В 1906 году на калькуттской сессии партии Индийский национальный конгресс, в которой участвовал Г. Дас, прозвучал открытый призыв к независимости Индии. И с тех пор в деятельности Г. Даса борьба за независимость и за облегчение участи своего народа стали неразделимы.

Будучи идеологом национально-освободительного движения в Ориссе, он выступал с конкретной политической программой. Так, на одном из заседаний Уткальской конференции в 1919 году он, в частности, заявил следующее: «Национализм ория заключается во всеобщей любви и полноте жизни. Он не опирается на стремление к завоеванию или кровопролитию. Его лозунги: Равенство, Братство, Свобода. Орисса не ощущает недостатка в величии. Река Ориссы зовется Маханади, что значит Великая река, море Ориссы — Махададхи, то есть Великое море, гора называется Махендра или Великий Индра, дерево Ориссы — калпабата (баньян) —

Дерево исполнения желаний, бог Ориссы Джаганнатх, или Господин Вселенной, а место кремации в Ориссе зовется Сваргадвара, то есть Врата рая. Чтобы сохранить нашу индивидуальность, мы должны сохранить основу нашего национализма — народ — в целости. В национальном движении не может быть разного отношения к большому и малому. В борьбе за достижение национальных целей нет различия между махараджей и мусорщиком.

Нам следует укреплять основы национального самосознания, развивая сельское хозяйство, промышленность, торговлю, литературу, добиваясь перемен. Образование — это средство формирования души народа. Под образованием я понимаю не школьное обучение; образование — это то, что сохранено древними учреждениями и религиозными центрами провинции. Если индийцы разовьют свое образование, промышленность и торговлю, они будут готовы к тому, чтобы иметь собственное правительство. Для местного населения, так долго остававшегося в стороне от управления собственными делами, предстоящие реформы будут полезны. Но реформы могут быть успешными только в том случае, если народ получит образование. Ныне предпринимаются единичные усилия для распространения просвещения в разных частях провинции. Необходимо объединить их под эгидой прочной, постоянной и хорошо налаженной службы с тем, чтобы достичь лучших результатов. Для этого требуются преданность делу и сила духа.

Необходимо, чтобы каждая сельская община Ориссы получала хотя бы одну еженедельную газету на ория. Полезность газет должна быть разъяснена в каждой семье. Нам следует создать кооперативы в деревнях и использовать новые и традиционные учреждения для просвещения. Нам также следует подумать о женском образовании. Обучение надо проводить на родном языке.

Утрата языка ория будет означать уничтожение национального самосознания ория. Проблема языка для нас есть ныне проблема жизни и смерти. Конечно, было бы желательно иметь один общий язык по всей Индии, и, если бы это осуществилось, я готов был бы пожертвовать языком ория, но до тех пор, пока этого нет, жители Ориссы не должны терять своей индивидуальности.

Британское правительство проявило безразличие, бездушные к нашему народу не только в отношении языка, но и во многих других областях».

Далее Г. Дас призывает бороться за создание отдельной провинции Ориссы: «Бороться или погибнуть — должно стать нашим девизом. Возможно, многим предстоит отдать свои жизни ради достижения этой трудной цели. Жертвы укрепляют нацию. Это путь нашего самоутверждения. И пусть не будет у нас ни страха, ни отчаяния. К этому призывает нас отчизна Уткала. Поверьте мне, если ория существовал так долго на протяжении истории, то это не случайно. Мы многое можем сделать на общендийском поприще»⁶⁶.

Осуществлять свою программу действий он начал сразу после окончания Калькуттского университета.

Он мечтал о создании школы, которая бы подготовила национальные кадры интеллигенции, воспитала бы борцов за свободу. И такой школой стала Сатьябади (Истина), которая была организована им в Сакхигопале.

Многие известные ученые и литераторы Ориссы отказались от высоких постов на государственной службе и пришли в школу работать учителями. Это была коммуна преподавателей и школьников, где проводились диспуты, издавался литературный журнал и где не последнее место отводилось экскурсиям по родному краю, знакомству с историей и памятниками прошлого. В школе росли патриоты. Англичане называли ее учеников «живыми бомбами».

Открылась она в 1909 году. Пока строилось здание, занятия шли в роще около храма. Преподаватели сидели на скамейках, а мальчики — на циновках. Первая школьная постройка просуществовала недолго, ее подожгли те, кому казалось, что школа подрывает устои общества. Брахманам ближайших деревень особенно не нравилось, что дети всех каст жили вместе и ели за одним столом. Для приема в школу не было кастовых ограничений. «Как лучи солнца и луны равно озаряют всех людей, так и свет знаний должен светить всем», — говорил Г. Дас. Вместе со зданием сгорела библиотека. Однако Г. Дас не пал духом — он организовал сбор денег и построил для своей школы новое, каменное здание. Средства на это были присланы ему со всех концов

Ориссы, даже некоторые княжества откликнулись на призыв патриота.

Одновременно он не прекращал своей политической деятельности. «В районе Пури существуют две главные проблемы: одна — голод, а другая — Гопабандху», — сказал как-то один высокопоставленный английский чиновник. В 1917 году Г. Дас был избран в Законодательный совет. Там он выступал за создание провинции Ориссы, за принятие мер по борьбе с наводнениями и голодом, за распространение образования, за восстановление права жителей Ориссы самим производить соль (англичане установили монополию на соль). Его инициативе обязаны своим возникновением несколько средних школ, техническая школа в Катаке, санскритский колледж в Пури, сиротский дом и фонд помощи лепрозорию в Барипадсе, ашрам для вдов в Пури. Многие женщины, овдовевшие еще в детском возрасте, частенько уходили из семей мужа, которым они были в тягость, и зарабатывали на жизнь проституцией. Вот для таких вдов был создан ашрам, где их обучали ремеслу и давали возможность существовать своим трудом. В последние годы жизни Г. Дас призывал молодых мужчин отказаться от предубеждений к вдовам и брать их в жены. Но поколебать эту традицию ему не удалось.

Просветитель остро чувствовал необходимость издания газеты на родном языке, чтобы донести свои идеи до населения Ориссы. С 1915 года он издавал ежемесячный журнал «Сатьябади», а с осени 1919 года еженедельную газету «Самадж» («Общество»; с 1930 года газета стала ежедневной).

30 августа 1920 года им была создана партия Национальный конгресс Ориссы, в основе программы которой лежали идеи Махатмы Ганди о достижении независимости ненасильственным путем.

Г. Дас был соратником Ганди, который пришел в Ориссу в марте 1921 года и, потрясенный нищетой народа, в знак скорби и протеста укоротил свое дхоти. Этим он хотел показать, что на одежду намерен тратить еще меньше денег. Он дал обет носить короткое дхоти до тех пор, пока народ Ориссы не получит еду и одежду. «В Ориссе как в капле воды отразилась нищета всей Индии!» — заметил Ганди. Его речь в сакхигопальской школе произвела большое впечатление на слушателей.

Во многих своих статьях, опубликованных в «Самадже», Г. Дас ссылается на авторитет М. Ганди. Например, 18 июня 1921 года в статье, призывающей бойкотировать ткани английского производства и покупать исключительно изделия местных ремесленников, Г. Дас вспоминает рассказ Ганди о том, как тот впервые побывал в храме Джаганнатха. Ганди сразу же бросилось в глаза, что боги одеты в импортные ткани. А ведь по традиции все иностранное, неиндийское оскверняет храм. Даже для священных шнуров брахманов приходится привозить нити из Англии! — возмущался Ганди.

Пропагандируя идею Ганди о развитии прядильного ремесла как одну из возможностей обеспечения работой и поднятия жизненного уровня населения, Г. Дас снова вспоминает впечатления Ганди о Пури. В статье от 29 ноября 1924 года говорится, что Ганди увидел множество нищих около святилища храма Джаганнатха, которые заявили ему, что не станут работать даже под дулами ружей. Ганди назвал этих людей животными — такое негодование вызвало у него их нежелание зарабатывать трудом себе на жизнь⁶⁷.

Газета и вся деятельность Г. Даса не могли остаться незамеченными колониальной администрацией, которая давно искала повода заставить замолчать патриота. В 1922 году он был арестован и осужден на два года тюрьмы за нарушение запрета выступать на собраниях.

Со своим обвинением хотел выступить и один раджа, который утверждал, что Г. Дас искажил в «Самадже» положение в его княжестве Каника. После предварительного разбирательства власти поспешили снять иск раджи, так как напряженная политическая ситуация в Канике грозила обостриться в результате слушания дела в суде.

В тюрьме Г. Дас написал несколько поэм, среди которых «Исповедь заключенного» и сейчас очень популярна в Ориссе. Вот отрывок из этой поэмы:

Да смешается плоть моя с пылью веков,
Да пройдут по ней ноги моих земляков,
Да заполнит костей моих мертвых труха
Хоть один на дороге к свараджу ухаб...⁶⁸

Пер. В. Зайцева

Всего шесть сборников стихов было опубликовано

Г. Дасом. Он не считал литературное творчество главным своим делом.

Умер Г. Дас 17 июня 1928 года, накануне праздника колесниц. Весть о его кончине пронеслась по Ориссе, подобно лесному пожару. Толпы людей проводили его в последний путь.

«У меня нет никакого желания добиваться известности или славы,— как-то сказал о себе Г. Дас.— Я всегда готов выполнять любую работу, на которую способен, и любое поручение. Мне все равно, узнают об этом люди или нет. Я считаю себя пожизненным слугой народа, и, помня о боге, я служил моему народу, следуя своему призванию»⁶⁹.

Он был широко известен в Ориссе при жизни, память о нем жива и поныне. Его именем назван район Бхубанешвара и сотни учреждений. Ему поставлены памятники — один из них в Пури, у входа в храм Джаннатха.

Что же касается тех идеологических областей, которые еще выше парят в воздухе — религия, философия и т. д., — то у них имеется предысторическое содержание, находимое и перенимаемое историческим периодом, — содержание, которое мы теперь назвали бы бессмыслицей. История наук есть история постепенного устранения этой бессмыслицы или замены ее новой, но все же менее нелепой бессмыслицей.

Ф. Энгельс ⁷⁰

Все увиденное мной в Ориссе дает основание полагать, что культ Джаганнатха сохранит значение одного из основных идеологических компонентов и в дальнейшем развитии культурного и национального самосознания жителей этого штата, особенно тех, кто говорит на языке ория. Но он не останется таким, каким мы видим его сегодня, потому что сознание народа заметно меняется.

Один профессор, называвший себя атеистом, принимал участие в составлении школьных программ и текстов учебников, в которых значительное место уделяется религиозному воспитанию.

— Только религия может удержать народ от неблагоприятных поступков, — сказал он, — страх перед божьей карой удерживает народ от убийств, воровства и прочего.

Так своими словами он выразил известную мысль Вольтера о необходимости религии как нравственной «узды» для народа. Собирая материал для книги, я спрашивала местных интеллигентов, как они относятся к религии. И часто в ответ слышала, что, возможно, бог и существует, но вовсе не в идолах, скульптурах и камнях.

Им же я говорила, что если буду писать книгу об Ориссе, то в ней жрецы и гиды храмов предстанут далеко не в лестном свете. Меня интересовало отношение интеллигенции к служителям культа.

— Их все ругают, — обычно отвечали мои собеседники и прибавляли. — И поделом: вот раньше панды были настоящими учеными, знали веды, а эти превратили свое занятие в бизнес.

Я убеждена, что жрецы остались прежними, а вот паства их изменилась. Многие в традиционной обрядовой практике уже не устраивают верующих. И дело здесь,

по-видимому, вовсе не в том, что «коммерческие» аспекты храмовой службы якобы более отчетливо выражены ныне, чем прежде. Просто теперь все большее число местных прихожан и паломников задумывается над тем, насколько «окупаются» их набожное усердие, и в частности как и чем воздадутся ему его денежные пожертвования храму и его служителям. И не случайно, видно, сами эти жертвования год от года сокращаются. Вера еще живет, но она уже не составляет столь непререкаемой основы всего мировосприятия человека, как в не столь отдаленные времена, когда почти все население этих мест было сплошь неграмотным и все представления людей о мире, о жизни и смерти, о судьбах индивида и общества складывались исключительно из усвоенных с детства сюжетов религиозных мифов, древних преданий и разнообразных суеверий.

Несмотря на то что Орисса, в особенности ее глубинка, до сих пор остается одним из самых отсталых районов Индии, культурный кругозор значительной части ее городского населения за последние несколько десятилетий существенно расширился. Теперь многие читают газеты и книги, слушают радио, смотрят кинофильмы и потому не только осведомлены о положении в других частях страны, но и знают и имеют свое суждение о государствах и народах, лежащих за ее пределами. Духовный мир этих людей уже не ограничен традиционным укладом жизни, хотя последний пока еще во многом определяет мировоззрение и нравы большей части населения. Но сам этот уклад пусть и медленно, но неуклонно меняется, впитывая новые социально-экономические, политические и культурные реалии. В результате наблюдаются чрезвычайно любопытные формы сосуществования и взаимодействия традиционных норм и представлений с понятиями, обычными для жителя современного города, где человек, желает он того или нет, неминуемо оказывается под воздействием несравненно более многочисленных и разнообразных источников информации, нежели член прежней замкнутой общины или касты.

Особенно подвержена новым веяниям молодая интеллигенция. Именно в ее среде чаще всего можно встретить примеры того, как в сознании человека складываются причудливые сочетания новейших философских доктрин, социологических учений, сведений о последних

достижениях науки с привычными для индуса верованиями и суевериями. Впрочем, многое из того, что еще не так давно определяло весь строй духовной жизни людей, в наши дни для некоторых сохраняет значение лишь формального обряда или внешнего признака принадлежности к данной культурной среде. Эти обряды соблюдаются и неверующими, подобно тому как у нас, например, наряжают елку под Новый год или отмечают масленицу, не придавая никакого значения языческому происхождению этих праздников. Теперь в городских домах в праздник дивали редко кто служит пуджу богине Лакшми. Как правило, ограничиваются тем, что для забавы детворы ставят во дворе, на окнах, балконах, а иногда и на крышах горящие глиняные лампадки, зажигают бенгальские огни и взрывают хлопушки. Некогда религиозный праздник проводов зимы айгхара пурнима (праздник огня в полнолуние) в деревнях Ориссы сейчас превратился в народное гулянье. Вечером после захода солнца жители деревни собирают сухую солому и тростник в одном месте у околицы и разводят большой костер. Весь вечер люди поют и танцуют около костра, запекают на углях и едят картошку, баклажаны и другие овощи.

С другой стороны, сами служители культа и современные теологи стремятся по мере возможности дополнить индуистскую догматику и мифологию актуальными в наше время идеями и представлениями. В многочисленных статьях и очерках об этом храме, постоянно публикуемых в местной прессе, заметна тенденция подчеркивать демократичность заведенных в нем ритуалов. В подтверждение этого ссылаются на то, что выходцы из низкой касты — дайты выполняют в храме вполне почетную работу, тогда как высокородный раджа Пури подметает колесницы, словно «неприкасаемый». Пища в храмовой кухне готовится в таких же горшках, в каких ее варят в бедных деревенских домах, а есть ее надлежит всем верующим, без различия касты и социального положения. Очевидно, что все это не случайно настойчиво внушается верующим. Здесь видно стремление ассоциировать культ Джаганнатха с популярными в наши дни идеями социального равенства.

Такое смещение акцентов, не затрагивающее, впрочем, основ веры, имеет целью поддержать престиж ве-

ковых религиозных и философских установлений и авторитет наиболее почитаемых святынь, таких, как храм Джаганнатха. Возможно, что в недалеком будущем властям штата придется пойти на какие-то административные реформы и новшества, чтобы сохранить эффективность этого учреждения, играющего столь важную роль в духовной жизни населения Ориссы.

- ¹ Н. К. Рерих. Алтай — Гималаи. М. 1974, с. 21.
- ² Swami Vivekananda. India's Message to the World. Calcutta, 1963, с. 3.
- ³ Paul Valéry. Oeuvres T. I. P. 1962, с. 315.
- ⁴ И. Прыжов. Нищие на святой Руси. Казань. 1913, с. 81.
- ⁵ М. К. Ганди. Моя жизнь. М. 1969, с. 478.
- ⁶ Джан Сангх — политическая партия (1951—1977), выступавшая за установление «индусских» принципов политического строя.
- ⁷ F. Voltaire. L'Ingenu. Romans et contes. P. 1966, с. 351.
- ⁸ Rock Edict XIII. Shahbazgarhi (Pakistan). — Цит. по: History of Orissa. Vol. 1. Bhubaneswar, 1964, с. 289.
- ⁹ А. Бэшем. Чудо, которым была Индия. М. 1977, с. 248—249.
- ¹⁰ В. О. Ключевский. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М. 1968, с. 323.
- ¹¹ Древнеиндийская философия. Начальный период. М., 1972, с. 249.
- ¹² Ярослав Гашек. Похождения бравого солдата Швейка. Т. 2. М. 1958, с. 19.
- ¹³ Ф. Сологуб. Пламенный круг. М. 1908, с. 1.
- ¹⁴ С. Радхакришнан. Индийская философия. Т. 2. М. 1956, с. 653.
- ¹⁵ Там же, с. 329.
- ¹⁶ Paul Valéry. Oeuvres... Т. 2, с. 587.
- ¹⁷ Дж. Неру. Автобиография. М. 1955, с. 554.
- ¹⁸ Н. Махтa b. Beginning of the End. Cuttack. 1972, с. 1.
- ¹⁹ Дж. Неру. Открытие Индии. М. 1955, с. 623.
- ²⁰ Гиде Мопассан. Полное собрание сочинений. Т. 3. М. 1958, с. 349.
- ²¹ R. K. Das. Legends of Jagannath Puri. Bhadrak. 1978, с. 100—101.
- ²² M. Mansinha. The Saga of the Land of Jagannath. Cuttack. [Б. г.], с. 132.
- ²³ Ж. Мелье. Завещание. Т. 1. М. 1954, с. 66—67.
- ²⁴ См. в кн: Р. Mukherjee. History of Jagannath Temple in the 19th Century. Calcutta, 1977, с. 15.
- ²⁵ Hamilton. Description of Hindostan. Vol. 2. L. 1820, с. 51.
- ²⁶ См. в кн: Р. Mukherjee. History of Jagannath Temple..., с. 57.
- ²⁷ Н. И. Тарасенко-Отрешков. Индия и ее отношение к России СПб. 1858, с. 112—113.

- ²⁸ Н. Махтаб. History of Orissa. Cuttack, 1960, с. 525.
- ²⁹ Дж. Фрезер. Золотая ветвь. М. 1980, с. 118.
- ³⁰ А. Салтыков. Второе путешествие по Индии.— «Русская словесность». 1850, № 23, с. 195.
- Князь А. Салтыков (1806—1859) совершил два путешествия по Индии, опубликовал дневники. К. Маркс ссылается на них в статье «Будущие результаты британского владычества в Индии». Современники прозвали князя «индейцем» за его привязанность к этой стране.
- ³¹ М. Монтень. Опыты. Кн. 1. М.—Л. 1954, с. 278.
- ³² Daniel Defoe. The True-born Englishman. P. 1, L. 1.
- ³³ The Missionary Register, 1824, с. 578.—Цит. по: Р. Мукхерjee. History of Jagannath Temple..., с. 160—161.
- ³⁴ См. в кн: Церковь в истории России. М. 1967, с. 101.
- ³⁵ В. О. Ключевский. Письма..., с. 333.
- ³⁶ «Московские ведомости», 1864, № 188.
- ³⁷ Asiatic Review. L. (July—December 1930).—Цит. по: Р. Мукхерjee. History of Jagannath Temple..., с. 299.
- ³⁸ Robert Southey. Poems. L. 1909, l. 57—74.
- ³⁹ О. Бальзак. Собрание сочинений. Т. 3. М. 1952, с. 6.
- ⁴⁰ Томас Гоббс. Избранные произведения. Т. 2. М. 1964, с. 134.
- ⁴¹ R. K. Das. Legends of Jagannath Puri, с. 155.
- ⁴² Там же, с. 153.
- ⁴³ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. 6, М., 1937, с. 15.
- ⁴⁴ К. Бальмонт. Жар-птица. М. 1907, с. 1.
- ⁴⁵ G. C. Tripathi. The Ageless Deity of the Hindus.— The Cult of Jagannath and the Regional Tradition of Orissa. New Delhi, 1978, с. 490.
- ⁴⁶ Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии.— К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Т. 21, с. 315.
- ⁴⁷ Ле Корбюзье. Архитектура XX века. М. 1970, с. 11.
- ⁴⁸ Сборник очерков. Катака. 1973, с. 122 (на ория).
- ⁴⁹ Дж. Неру. Открытие Индии, с. 104.
- ⁵⁰ Silpa Prakasa I, 392—481, с. 46—53.—Цит. по: Vidya Dehejia. Early Stone Temples of Orissa. New Delhi. 1979, с. 69.
- ⁵¹ В. Белинский. Полное собрание сочинений, Т. 2. М. 1953, с. 200.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Рабиндранат Тагор. Собрание сочинений Т. 2 М. 1962, с. 441.
- ⁵⁴ Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений. Т. 8, М., 1952, с. 56.
- ⁵⁵ Silpa Prakasa II. 498—507, с. 103 — Цит. по: Vidya Dehejia. Early Stone Temples..., с. 71.
- ⁵⁶ Ле Корбюзье. Архитектура XX века, с. 11.
- ⁵⁷ Дж. Фрезер. Золотая ветвь, с. 95.
- ⁵⁸ Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым Народный дневник. Праздники и обычаи. СПб. 1885, с. 215.
- ⁵⁹ Л. Леви-Брюль. Первобытное мышление. М. 1930, с. 263
- ⁶⁰ М. Монтень. Опыты Кн. 2, с. 238.

⁶¹ A. Eschman. *Hinduization of Tribal Deities in Orissa: Sakta and Saiva Typology.— The Cult of Jagannath...*, с. 77—97.

⁶² В. О. Ключевский. *Письма...*, с. 379.

⁶³ См. в кн.: В. Мавродин. *Происхождение русского народа*. М. 1946, с. 50.

⁶⁴ C. L. Fabri. *History of the Art of Orissa*. Bombay, 1974, с. 103.

⁶⁵ См. в кн.: К. И. Остроумов. *Свадебные обычаи в древней Руси*. Тула. 1905, с. 32.

⁶⁶ Гопабандху Дас. *Сочинения*. Т. 3. Катака. 1977, с. 8—49 (на ория).

⁶⁷ Там же. Т. 7, с. 88, 161.

⁶⁸ Гопабандху Дас. *Исповедь заключенного*. Катака, 1977, с. 17 (на ория).

⁶⁹ См. в кн.: S. C. Dash. *Gorabandhu Das*. New Delhi, 1976, с. 116.

⁷⁰ Ф. Энгельс — Конраду Шмидту, 27 октября.— К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. Изд. 2-е. Т. 37, с. 419.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ПУРИ	7
НЕМНОГО ИСТОРИИ	42
МУСУЛЬМАНЕ	51
ДЕБИ	55
КНЯЖЕСТВА ОРИССЫ	63
ПОЕЗДКА В ДЖУНГЛИ	69
СЛУЖБА В ХРАМЕ ДЖАГАННАТХА	77
РАДЖИ ПУРИ	87
ПРАЗДНИКИ В ХРАМЕ	102
ПАЛОМНИКИ И ГИДЫ	107
ПРАЗДНИК КОЛЕСНИЦ	111
ШАЛАГРАМЫ	121
ДЕРЕВНЯ	125
ЛЕГЕНДЫ О ДЖАГАННАТХЕ	132
СЛЕДЫ БУДДИЗМА	137
ХРАМЫ БХУБАНЕШВАРА	144
ДЖАЙНСКИЕ ПЕЩЕРНЫЕ ХРАМЫ	155
БОГИНИ	158
КОНАРАК	167
ТАНТРИСТЫ	177
ИНДУИЗМ И МЕСТНЫЕ ПЛЕМЕННЫЕ КУЛЬТЫ	181
САКХИГОПАЛ	189
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	200
ПРИМЕЧАНИЯ	204

Нина Федоровна Рукавишникова
КОЛЕСНИЦА ДЖАГАННАТХА

*Утверждено к печати
редколлегией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор *Р. Г. Стороженко*
Младший редактор *М. С. Грикурова*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректор *Г. А. Дейгина*

ИБ № 14762

Сдано в набор 28.09 82. Подписано к печати 24.03.83. А-02150. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл п л. 10,92. Усл кр.-отт. 11,23. Уч.-изд. л. 10,62. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5265. Зак № 768. Цена 70 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28